

ΜΙΦΟΛΟΓΟΣ

*Серия «Миф и общество: история,
политика, социология»*

№ 4(8)

*Севастополь
2023*

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

МИФОЛОГОС

№ 4 (8)

Серия «Миф и общество: история, политика,
социология»

2023

MYTHOLOGOS

№ 4 (8)

Myth and Society:
History, Politics, Sociology

2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ООО «ТБС Пабблишинг»

Регистрационное свидетельство: Эл № ФС77-88701

ISBN 978-5-907330-96-2

ISSN 3034-6193

DOI:

Подписной индекс

«Объединенный каталог: Пресса России. Газеты и журналы»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ставицкий Андрей Владимирович, *главный редактор*, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат философских наук.

Мартынкин Андрей Владимирович, заведующий кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат исторических наук.

Теплова Любовь Ивановна, доцент кафедры иностранных языков Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук.

Галанова Екатерина Михайловна, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук.

Ильянович Екатерина Борисовна, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», кандидат философских наук, доцент.

Кузина Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук (ученый секретарь).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алентьева Татьяна Викторовна, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

Анчев Стефан Иванов, заслуженный доцент кафедры новой и новейшей истории факультета истории Университета св. Кирилла и Мефодия, доктор истории (г. Велико Тырново, Республика Болгария).

Апаева Софья Хусеиновна, декан Кыргызско-китайского факультета, доцент кафедры Китайского языка и литературы Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, кандидат филологических наук, доцент (г. Бишкек, Кыргызстан).

Арпентьева Мариям Равильевна, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

Баранов Андрей Владимирович, профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

Габриелян Олег Аршавирович, заведующий кафедрой философии, декан Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, Россия).

Гагаев Павел Александрович, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор педагогических наук, профессор (г. Пенза, Россия).

Гарбузов Дмитрий Викторович, профессор кафедры философии Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Евлампиев Игорь Иванович, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Завершинский Константин Федорович, профессор кафедры теории и философии Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Иванов Андрей Геннадиевич, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия).

Карабыков Антон Владимирович, профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Кирюхина Елена Михайловна, профессор кафедры "История, философия и социология" биоэкологического факультета ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный агротехнологический университет", доктор культурологии, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Корнилова Елена Николаевна, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доктор филологических наук (г. Москва, Россия).

Королева Светлана Борисовна, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», доктор филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Крайнов Григорий Никандрович, профессор кафедры политологии, истории и социальных технологий ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия).

Лесовиченко Андрей Михайлович, ведущий научный сотрудник научно-аналитического отдела Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (г. Москва, Россия).

Маленко Сергей Анатольевич, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Мартишина Наталья Ивановна, заведующий кафедрой философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия).

Найдыш Вячеслав Михайлович, профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия).

Некита Андрей Григорьевич, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Пивоев Василий Михайлович, профессор кафедры общеправовых и гуманитарных дисциплин Северного института (филиала) ФГБОУ «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)» в г. Петрозаводске, доктор философских наук, профессор (г. Петрозаводск, Россия).

Пименова Марина Владимировна, ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Поздьева Светлана Михайловна, профессор кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Уфа, Россия).

Соегов Мурадгелди, консультант Национального института рукописей АНТ, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана (г. Ашхабад, Республика Туркменистан).

Тимощук Алексей Станиславович, профессор кафедры гуманитарных и социально-

экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России, доктор философских наук, доцент (г. Владимир, Россия).

Тихонова Софья Владимировна, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», доктор философских наук, доцент (г. Саратов, Россия).

Фиденко Юлия Леонидовна, декан музыкального факультета, профессор кафедры истории музыки ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный институт искусств», доктор искусствоведения, доцент (г. Владивосток, Россия).

Филимонова Мария Александровна, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Центр изучения США», ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

Царева Надежда Александровна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дальневосточный технический рыбохозяйственный университет», доктор философских наук, доцент (г. Владивосток, Россия).

Яковлева Елена Людвиговна, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова», д. философских наук, кандидат культурологии, профессор (г. Казань, Россия).

Электронный научный журнал теоретических и прикладных исследований

Индексируется РИНЦ, E-library

Издается с 2022 года. Журнал выходит 4 раза в год

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

© ООО «ТБС Пабблишинг»

© Авторы

МИФОЛОГОС.

Серия «Миф и общество: история, политика, социология»

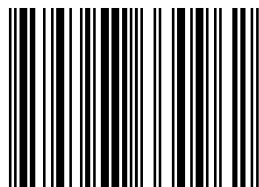
№ 4 (8), 2023. 210 с.

Подписано в печать

Формат 79х100/16

Усл. печ. л. 28

ISBN 978-5-907330-96-2

9 785907 330962 >

COFOUNDERS:

Lomonosov Moscow State University, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

LLC «CSB Publishing»

Registration Certificate: El No. FS77-88701

ISBN 978-5-907330-96-2

ISSN 3034-6193

DOI:

EDITORIAL BOARD:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich, *Editor-in-Chief*, Associate Professor of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philosophy.

Martynkin Andrey Vladimirovich, Head of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in History.

Teplova Lyubov Ivanovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Galanova Ekaterina Mikhailovna, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Ilyanovich Ekaterina Borisovna, Associate Professor of the Department of Philosophy of Vernadsky Crimean Federal University, PhD in Philosophy.

Kuzina Olga Andreevna, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alentyeva Tatiana Viktorovna, Professor, Department of General History, Faculty of History, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kursk, Russia).

Anchev Stefan Ivanov, Associate Professor, Department of New and Modern History, Faculty of History, St. Cyril and Methodius University, Doctor of History (Veliko Tarnovo, Republic of Bulgaria).

Apaeva Sofia Khuseinovna, Dean of the Kyrgyz-Chinese Faculty, Associate Professor of Chinese Language and Literature, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, PhD in Philology, Associate Professor (Bishkek, Kyrgyzstan).

Arpentieva Mariyam Ravilievna, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor (Moscow, Russia).

Baranov Andrey Vladimirovich, Professor, Department of Political Sciences and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Krasnodar, Russia).

Gabrielyan Oleg Arshavirovich, Head of the Department of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Professor (Simferopol, Russia).

Gagaev Pavel Aleksandrovich, Professor, Department of Pedagogy, Penza State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Penza, Russia).

Garbuzov Dmitriy Viktorovich, Professor, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Evlampiev Igor Ivanovich, Professor, Department of the Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).

Zavershinsky Konstantin Fedorovich, Professor, Department of Theory and Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Ivanov Andrey Gennadievich, Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

Karabykov Anton Vladimirovich, Professor, Department of Philosophy of Socio-Humanitarian Profile, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Kiryukhina Elena Mikhailovna, Professor, Department "History, Philosophy and Sociology", Faculty of Bioecology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Kornilova Elena Nikolaevna, Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philological Sciences (Moscow, Russia).

Koroleva Svetlana Борисовна, Professor, Department for teaching Russian as a native and foreign language at Lomonosov Moscow State University, Nizhny Novgorod, Russia. D. in Philology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Kraynov Grigory Nikandrovich, Professor, Department of Political Science, History and Social Technologies, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Russian University of Transport", Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia).

Lesovichenko Andrey Mikhailovich, Leading Researcher, Research and Analytical Department, Tchaikovsky Moscow State Conservatory (Moscow, Russia).

Malenko Sergey Anatolievich, Head of Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Martishina Natalya Ivanovna, Head of Chair of Philosophy and Cultural Studies, Siberian State University of Railway Transport, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia).

Naydysh Vyacheslav Mikhailovich, Professor, Chair of Ontology and Theory of Knowledge, FGBOU VPO "Peoples' Friendship University of Russia", Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia).

Nekita Andrey Grigorievich, Professor, Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Pivoev Vasily Михайлович, Professor, Department of General Legal and Humanitarian Disciplines, Northern Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Justice Ministry) in Petrozavodsk, Doctor of Philosophy, Professor (Petrozavodsk, Russia).

Pimenova Marina Vladimirovna, Rector, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Doctor of Philological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Pozdyaeva Svetlana Mikhailovna, Professor, Chair of Philosophy and Political Science, Bashkir State University, Doctor of Philosophy, Professor (Ufa, Russia).

Soeghov Muradgeldi, Consultant at the National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full

Member (Academician) of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashkhabad, Republic of Turkmenistan).

Timoshchuk Aleksey Stanislavovich, Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian Federal Law Enforcement Agency, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladimir, Russia).

Tikhonova Sofia Vladimirovna, Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskiy, PhD, Associate Professor (Saratov, Russia).

Fidenko Yulia Leonidovna, Dean of the Faculty of Music, Professor, Department of History of Music, Far Eastern State Institute of Arts, Doctor of Art History, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Filimonova Maria Alexandrovna, Leading Researcher, Research Laboratory "Center for US Studies", Kursk State University, PhD in History (Kursk, Russia).

Tsareva Nadezhda Aleksandrovna, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Far Eastern Technical University of Fisheries, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Yakovleva Elena Lyudvigovna, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, V. G. Timiryazov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Candidate of Cultural Sciences, Professor (Kazan, Russia).

Electronic scientific journal of theoretical and applied research

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library

The journal has been published since 2022.

4 issuer per year.

All rights reserved.

Copying of materials from the journal is permitted only in agreement with the editorial board.

© Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Professional Education
"Lomonosov Moscow State University".

© LLC «CSB Publishing»

© Authors

MYTHOLOGOS.

Myth and Society: History, Politics, Sociology Series.

№ 4 (8), 2023. 210 p.

СОДЕРЖАНИЕ	
Редакционная коллегия	2
Содержание	8
Введение	12
МИФЫ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	
<i>Алентьева Т.В.</i> Мифы «Джексоновской демократии»	14
<i>Филимонова М.А.</i> Пресса американского просвещения и городские легенды XVIII века	32
<i>Алентьева Т.В.</i> Мифы американского довоенного юга	43
ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В ТРАДИЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ	
<i>Буровский А.М.</i> Мифологемы исторической самоидентификации	54
<i>Баранов А.В.</i> Мифы об истории и идентичности Донбасса в украинской политической аналитике	66
<i>Пивоев В.М.</i> Традиции идентификации и трансформации образов идентичностей в России XX – XXI веков	79
МИФОЛОГИЯ ВОЙНЫ	
<i>Пименова М.В., Бодриков А.Б.</i> Война как миф: когнитивная модель «театр военных действий» (на примере периода русско-японской войны)	85
<i>Скуридин О.А.</i> Мифологические истоки античного героизма	99
<i>Ставицкий А.В.</i> «Батуриная резня»: поиски утраченного смысла	112
ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ СКАЗОЧНЫХ МИРОВ	
<i>Осьмушина А.А.</i> Праксиология этноса на примере сравнительного анализа североамериканской, латиноамериканской и русской сказки	124
<i>Кирюхин Д.В.</i> Между историей и мифом: путь из Средиземья в Беловодье российского фэнтези	136
<i>Кирюхина Е.М.</i> Трансформация образа Средневековья в иллюстрациях Алана Ли к «Хоббиту» Дж. Р. Р. Толкина	145
МИФЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ	
<i>Кузина О.А.</i> Мифическая репрезентация событий и участников цветных революций в	157

англоязычной прессе	
<i>Смирнов В.А.</i> Миф как инструмент реализации «мягкой силы» в политических и социокультурных сценариях	178
<i>Кузина О.А.</i> Мифо-идеологическая репрезентация событий в прессе во время информационной войны	188
<i>Авторы</i>	202

CONTENT	
Editorial Board	2
Content	8
Foreword	12
MYTHS OF AMERICAN DEMOCRACY	
<i>Alentyeva T.V.</i> Myths of "Jacksonian Democracy"	14
<i>Filimonova M.A.</i> Press of the American Enlightenment and Urban legends of the XVIII Century	32
<i>Alentieva T.V.</i> Myths of the American Pre-war South	43
HISTORICAL MYTHS IN THE TRADITION OF IDENTIFICATION	
<i>Burovsky A.M.</i> Mythologemes of Historical Self-identification	54
<i>Baranov A.V.</i> Myths about the History and Identity of Donbass in Ukrainian Political Analytics	66
<i>Pivoev V.M.</i> Traditions of Identification and Transformation of Identity Images in Russia of XX – XXI Centuries	79
MYTHOLOGY OF WAR	
<i>Pimenova M.V., Bodrikov A.B.</i> War as a Myth: Cognitive Model "Theatre of Military Operations" (on the Example of the Period of the Russian-Japanese War)	85
<i>Skuridin O.A.</i> Mythological Origins of Ancient Heroism	99
<i>Stavitskiy A.V.</i> "The Bathurin Massacre": Searching for Lost Meaning	112
HISTORICAL MYTHOLOGY OF FAIRY-TALE WORLDS	
<i>Osmushina A.A.</i> Praxiology of Ethnos on the Example of Comparative Analysis of North American, Latin American and Russian Fairy Tales	124
<i>Kiryukhin D.V.</i> Between History and Myth: the way from Middle-earth to Belovodye of Russian Fantasy	136
<i>Kiryukhina E.M.</i> Transformation of the Image of the Middle Ages in Alan Lee's Illustrations to "The Hobbit" by J.R.R. Tolkien	145
MYTHS AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL LIFE AND STRUGGLE	
<i>Kuzina O.A.</i> Mythical Representation of Events and Participants of Colour Revolutions in the English Language Press	157

<i>Smirnov V.A.</i> Myth as a Tool for the Implementation of "Soft Power" in Political and Socio-cultural Scenarios	178
<i>Kuzina O.A.</i> Mytho-ideological Representation of Events in the Press During the Information War	188
Authors	202

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые коллеги, читатели, друзья!

Перед вами восьмой выпуск научного периодического журнала «Мифологос» – единственного в РФ журнала, который целиком посвящен только одной теме – мифу и мифотворчеству во всех его формах и проявлениях. Данный журнал призван объединить всех исследователей мифа, которые в своих исследованиях не ограничиваются классической мифологией и не сводят миф к его архаичным формам или банальной лжи, предлагая воспринимать и рассматривать его как цельное, синкретическое явление, созданное человеком на заре его бытия и существующее с ним на всём протяжении его истории, меняясь вместе с ним и играя в его жизни крайне важную роль через формирование поля ценностных смыслов.

Мы исходим из того, что миф не противостоит реальности, но дополняет её, наделяя тем смыслом, в котором человек нуждается. Ведь миф является базовой универсалией культуры, его смысловой матрицей, формирующей поле ценностно означенных смыслов. Этот миф неотделим от человека и его истории и верно служит ему, представляя собой в образно-символической форме отражённую сознанием реальность, которая возникает как образ реальности и становится реальностью сознания. Реальностью пережитой и прочувствованной, отчасти выстраданной. Реальностью, помноженной на страхи, мечты и желания. Реальностью, которой человек будет жить, не воспринимая её как миф. Реальностью, мощной, проникновенной и от него неотделимой.

Чтобы сохранить эту онтологически выверенную мифологическую цельность, организаторы журнала разделили его на четыре основных серии, соответствующие четырём направлениям, каждое из которых будет выходить по одному номеру в год. Вот они:

1. Философия мифа: онтология, аксиология, методология.
2. Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования.
3. Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор.
4. Миф и общество: история, политика, социология.

Напомню, что этот журнал стал естественным продолжением международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре. За последние шесть лет в конференции приняли участие сотни исследователей из 19 стран. По результатам её работы было выпущено шесть сборников, где было опубликовано около 600 статей¹, которые стали заметным явлением в научной сфере.

Восьмой номер журнала посвящен социальным аспектам мифотворчества, подтверждая, что всё, что для человека является важным, обретает для него значимость, а что становится значимым, мифологизируется, становясь чем-то бóльшим, чем просто явление или предмет. У каждой подвергшейся мифологизации вещи, как бы возникает второе, погружённое в поле ценностных смыслов, «тело». Так, в результате постоянного мифотворчества в культуре формируется мифологическая метареальность, которая проявляется как в знаках, идеях и символах, так и в вещах и нарративах. Эта реальность существовала с тех пор, как человек впервые создал свою мифологическую Вселенную, и обслуживала его, меняясь вместе с ним. И заменить такой миф наука не может, лишь время от времени провозглашая победу над тем конкретным мифом, который в социальной жизни себя исчерпал.

¹ Сайт Филиала МГУ в г. Севастополе. URL: <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/>

Впрочем, данные предварительные установки не исчерпывают вопрос, но лишь показывают, что журнал «Мифологос» открыт для дискуссии по данным темам, предлагая в восьмом номере 15 статей, которые сгруппированы в пять разделов.

В первом разделе «Мифы американской демократии» представлены статьи Т.В. Алентьевой («Мифы "Джексоновской демократии"» и «Мифы американского довоенного юга») и М.А. Филимоновой («Пресса американского просвещения и городские легенды XVIII века»).

Второй раздел «Исторические мифы в традиции идентификации» включает труды А.М. Буровского («Мифологемы исторической самоидентификации»), А.В. Баранова («Мифы об истории и идентичности Донбасса в украинской политической аналитике») и В.М. Пивоева («Традиции идентификации и трансформации образов идентичностей в России XX – XXI веков»).

В третьем разделе «Мифология войны» размещена совместная статья М.В. Пименовой и А.Б. Бодрикова («Война как миф: когнитивная модель «театр военных действий» (на примере периода русско-японской войны)»), а также работы О.А. Скуридина («Мифологические истоки античного героизма») и А.В. Ставицкого (««Батуриная резня»: поиски утраченного смысла»).

Четвёртый раздел «Историческая мифология сказочных миров» объединяет данной темой статьи А.А. Осьмушиной («Праксиология этноса на примере сравнительного анализа североамериканской, латиноамериканской и русской сказки»), Д.В. Кирюхина («Между историей и мифом: путь из Средиземья в Беловодье российского фэнтези») и Е.М. Кирюхиной («Трансформация образа Средневековья в иллюстрациях Алана Ли к «Хоббиту» Дж. Р. Р. Толкина»).

Завершает журнал раздел «Мифы как инструмент политической жизни и борьбы», в который вошли две статьи О.А. Кузиной («Мифическая репрезентация событий и участников цветных революций в англоязычной прессе» и «Мифо-идеологическая репрезентация событий в прессе во время информационной войны»), а также работа В.А. Смирнова («Миф как инструмент реализации «мягкой силы» в политических и социокультурных сценариях»).

Как видим из содержания статей, что миф является не только исследовательской проблемой, требующей понимания её онтологии, но и является механизмом решения проблем, становясь в руках власти и общества мощным ментальным, когнитивным, информационно-психологическим, интеллектуальным и организационным оружием, в котором они нуждаются, чтобы эффективно конкурировать в интеллектуальной сфере, контролируя ключевые идеи эпохи в интересах социума.

В заключении напоминаем, что журнал «Мифологос» ищет новых авторов среди исследователей мифа, равно как известных, авторитетных, так и молодых, которые в исследовании мифа видят своё призвание и судьбу.

Всего вам доброго!
С уважением,
главный редактор журнала «Мифологос»
Андрей В. Ставицкий

МИФЫ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

УДК 94(73).056

МИФЫ «ДЖЕКСОНОВСКОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Алентьева Татьяна Викторовна
Курский государственный университет
(Курск, Россия)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования политической мифологии в американской истории XIX века. Для анализа взят наиболее важный исторический период так называемой «джексоновской демократии» 1828–1840 гг. Особое внимание уделено таким мифам как: Миф о бревенчатой хижине; Миф о бесстрашном герое, защитнике интересов народа; Миф о правлении народа; Миф о вредности политических партий; Миф о «врагах народа»; Миф о свободе слова, печати, собраний; Миф о борьбе с привилегиями и монополизмом. Эти мифы искусственно конструировались и благодаря активной пропаганде, использованию манипулятивных приемов внедрялись в массовое сознание. Таким образом «джексоновская демократия» позиционировалась как «власть народа и в интересах народа».

Ключевые слова: мифология, политический миф, США, XIX век, Эндрю Джексон, «джексоновская демократия».

MYTHS OF "JACKSONIAN DEMOCRACY"

Alentieva Tatiana Viktorovna
Kursk State University
(Kursk, Russia)

Abstract

The article examines the features of the functioning of political mythology in the American history of the XIX century. The most important historical period of the so-called "Jacksonian democracy" of 1828–1840 is taken for analysis. Special attention is paid to such myths as: The myth of the log cabin; The myth of the fearless hero, defender of the interests of the people; The myth of the rule of the people; The myth of the harmfulness of political parties; The myth of "enemies of the people"; The myth of freedom of speech, press, assembly; The myth of the struggle against privileges and monopolism. These myths were artificially constructed and, thanks to active propaganda, the use of manipulative techniques were introduced into the mass consciousness. Thus, "Jacksonian democracy" was positioned as "the power of the people and in the interests of the people".

Keywords: Mythology, political myth, USA, XIX century, Andrew Jackson, "Jacksonian democracy".

Введение (Introduction)

Соединенные Штаты Америки привыкли хвалиться своей демократией, превратив ее в образец для подражания и чуть ли не в предмет «экспорта» для других стран. Действительно, для этого утверждения есть серьезные основания,

относящиеся к историческим достижениям страны. В то же время сомнительно считать американскую демократию образцовой, как в прошлом, так и в настоящем. Противоречивость феномена американской демократии стоит проанализировать на примере яркого периода ее истории, именуемого «джексоновской демократией» с точки зрения мифотворчества и мифологизации. Такой подход к изучению данного периода ранее не применялся, но дает возможности для интересных выводов.

Литературный обзор (Literature Review)

Период «джексоновской демократии» довольно основательно изучен американскими историками, начиная с первых биографов знаменитого президента, и кончая современными исследователями. В американской политической традиции президент Эндрю Джексон давно стал человеком-символом, наиболее превозносимым и дискутируемым среди других глав Белого дома. Первые биографии Э. Джексона были представлены трудами Дж. Партона и У. Самнера. Затем критические оценки «джексоновской демократии» появились в работах историков-прогрессистов: Ф. Дж Тернера, Ч. Бирда, В. Паррингтона. Школа «консенсуса», напротив, стремилась всячески превозносить достижения этого периода в истории США: Р. Хофстедтер, Л. Харц, Б. Хэммонд. Начиная с 1960-х гг. теоретические построения школы консенсуса стали критиковаться в работах Эд. Пессена. Самым известным и наиболее плодовитым исследователем личности и деятельности Э. Джексона является Р. Римини, написавший 18 книг. Фигура седьмого президента США остается, по-прежнему, дискуссионной для американских историков, и все же чаще преобладают идеализированные оценки. Так, Генри Брэндс считает его героем-конкистадором, истинным сыном Запада, патриархом демократии [Brands 2006]. «Американским львом» в Белом доме именуется его автор биографии Джексона, получившей Пулитцеровскую премию, Джон Мичем [Meacham 2008].

Наиболее глубокий анализ достижений американских историков в оценке «джексоновской демократии» был дан в исследованиях Н.Н. Болховитинова, который констатировал недостаточную разработанность проблем данного периода в российской американистике [Болховитинов 1980: 281]. Неоднократно к джексоновскому периоду в американской истории обращались и отечественные исследователи: Н.Н. Болховитинов, Н.Х. Романова [Романова 1988]. Известный российский исследователь В.В. Согрин в ряде своих работ стремится дать новые оценки деятельности Э. Джексона в русле современной модернизационной теории [Согрин 1998]. Роль общественного мнения в период джексоновской демократии, достижения и просчеты президента Джексона, его политических помощников и противников рассматривает в своих многочисленных статьях и монографиях Т.В. Алентьева [Алентьева 2019; Алентьева 2020б]. Тем не менее, мифология «джексоновской демократии» еще не становилась предметом специального исследования.

Методы (Methods)

В качестве методологической базы использовались исследования в области мифологии. Сложность анализа мифотворчества «джексоновской демократии» в истории США объясняется недостаточной разработанностью понятийного аппарата, связанного с изучением мифов, недостаточная четкость в дефинициях. Так Ролан Барт, считая, что миф представляет коммуникативную систему, писал: «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ,

которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциальных» [Барт 1996: 233–234]. Э. Кассирер полагал, что мифологизированными могут быть любые явления действительности: «Нет такого природного явления или явления человеческой жизни, которое не могло быть мифологически интерпретировано и не допускало бы такой интерпретации» [Кассирер 1998: 325]. Важную значение в понимании стойкости и живучести мифов имеет разработанные К.Г. Юнгом понятия об архетипах и коллективном бессознательном. «Наиболее глубоко лежащий слой, в который мы можем проникнуть в исследовании бессознательного, – писал он, – это то место, где человек уже не является отчетливо выраженной индивидуальностью, но где его разум смешивается и расширяется до сферы общечеловеческого разума, не сознательного, а бессознательного, в котором мы все одни и те же» [Юнг 1994: 35]. Миф – это феномен коллективной психики и поэтому является мощным инструментом воздействия на людей, средством манипуляции сознанием.

Мифы окружают человечество с момента его возникновения и до настоящих дней. А.В. Ставицкий указывает, что «мифотворчество свойственно человеку и обществу уже в силу потребности в смыслах, а миф эти смыслы создает» [Ставицкий 2020: 292–299]. В условиях перехода человечества к эпохе информационного общества роль мифа резко возрастает. «Ведь он обеспечивает социум символически означенными ценностными смыслами, в соответствии с которыми человек будет жить» [Ставицкий 2022: 57]. Важнейшей функцией мифов Е.В. Пивоев считает коммуникативную, «согласно которой миф является связующим звеном эпох и поколений» [Пивоев 2020: 23–25]. В современном мире развернулись настоящие «битвы за историю», в которой ломаются копыя вокруг тех или иных исторических мифов [Женин 2021: 10].

Еще более важным значением обладают мифы политические, поскольку они во многом определяют реальную жизнь людей. Политические мифы конструируются политтехнологами. Они создаются часто с утилитарной целью манипулирования людьми. Но в то же время они обладают амбивалентностью, что делает их деконструкцию сложной задачей для исследователя. «Это качество [амбивалентность] находит свое выражение в первую очередь в субъектности мифа. Его носителями выступают одновременно и широкие слои населения, и элиты. При этом необходимо подчеркнуть, что далеко не всегда истеблишмент воспринимает миф утилитарно: его представители зачастую сами заражаются созданными для управления рядовыми гражданами убеждениями и верованиями» [Шестов 2005: 29]. С другой стороны, даже в контексте изучения манипулятивной природы мифа было бы неправильно ограничиться лишь негативным видением данного феномена. Миф не замыкается на фиктивной подмене реальности, но в его основе лежат элементы этой реальности – в большей или в меньшей степени. Любой миф пытается объяснить окружающий мир, события и явления, происходящие в нем. «Миф – это не только область вымышленного, ложного, но также и вполне реального и истинного, что, однако, не исключает первого положения, а просто дополняет его» [Алексеев 2017: 75]. Политический миф – это способ удержания власти или борьбы за нее, это пересечение виртуального и реального, выдуманного и действительного, бессознательного и рационального.

Политический миф, как считает А.Л. Топорков, отличается от традиционного. По его мнению, героями политического мифа «являются не боги и не герои в полном смысле слова, а реальные люди и исторические события. Более

того, политический миф, как правило, не наследуется из глубины веков, а создается политиком и группами людей, поддерживающих его» [Топорков 2023]. Политические мифы конструируются, и, как правило, отражают личную заинтересованность определенных властных элит и политических движений, влияющих на процесс борьбы за власть. Как справедливо отмечает А. Цуладзе: «Важнейшая функция политического мифа – легитимизация властных институтов и носителей верховной власти в стране Миф является основой легитимной власти и ее стражем одновременно. Поэтому покушение на основные политические мифы того или иного государства есть покушение на основы легитимности этого государства» [Цуладзе 2003: 60]. Именно поэтому история сотворения политических мифов является настоящей задачей исследователя.

Результаты и обсуждения (Results and Discussions)

Политические мифы «Джексоновской демократии» являются до сих пор живучими и востребованными в политической жизни Америки.

Среди множества мифов, порожденных «эпохой Джексона» ведущее место занимал **Миф о бревенчатой хижине**. Избирателям импонирует, если избранный ими кандидат имеет скромное происхождение, достиг высшего поста в стране своими собственными усилиями. Расхожим среди политиков стало утверждение, что достигнуть высшего государственного поста в США может любой гражданин даже самого скромного происхождения. Для периода «джексоновской демократии» это было политической инновацией. До него первые президенты США, начиная с Джорджа Вашингтона, были за исключением Джона Адамса и Джона Квинси Адамса, виргинскими плантаторами-джентльменами, «философами на троне» в стиле Просвещения, теоретиками конституционализма, законодателями и т.д.

О седьмом президенте США Эндрю Джексоне создали устойчивую легенду, что он появился на свет в скромной бревенчатой хижине. В действительности обстоятельства его появления на свет были весьма драматическими, так как его отец погиб в результате несчастного случая еще до рождения сына. О месте рождения седьмого президента до сих пор нет ясности. Штаты Северная и Южная Каролина до сих пор спорят о том, кому принадлежит честь считаться местом рождения седьмого президента, о чем свидетельствуют соответствующие памятные знаки. Сам же Джексон недвусмысленно писал: «Я родился в Южной Каролине, на плантации» [Charleston Courier. Nov. 24. 1824]. Именно детство, проведенное в условиях богатой и процветающей плантации дяди, воспитание и образование, полученные им, сформировали Джексона как типичного южного джентльмена. Хотя его отец и был фермером, прежде чем оказаться в Белом доме, сам Джексон стал крупным землевладельцем-плантатором, владевшим рабами, вошел в элиту штата Теннесси.

Из Джексона его сторонниками усиленно создавался образ простого человека, сделавшего карьеру собственными усилиями. Действенной стратегией для завоевания доверия избирателей стало формирование мнения, что он похож на них, что у него одинаковые с ними заботы и проблемы, что он – «один из них». Сторонники Джексона агитировали за него как за «народного кандидата», выходца с Запада, защитника простого человека, сторонника реформ, борца против коррупции и привилегий, представителя подлинно народной партии. Предвыборная стратегия сторонников Джексона состояла в апеллировании к массовому общественному мнению, ориентации на рядового избирателя.

В период президентства Э. Джексона и после него возникла мода на близость к народу, принадлежностью к буржуазно-плантаторской элите можно было подорвать свое реноме в глазах избирателя, поэтому начинается маскировка социального происхождения кандидатов, настойчивое подчеркивание их близости к народу. Пресса, агитировавшая за Джексона в избирательной кампании 1828 г., без устали рисовала кандидата демократов в образе выходца из низов, обязанного своими достижениями исключительно личным качествам, среди которых выделялись такие импонировавшие американскому электорату, как энергичность, жесткость, напористость, простота в обращении и открытость. Журналист А. Кендалл из Кентукки, которого историк С. Катлип считает одним из первых в США специалистом по «предвыборным PR-технологиям», успешно представлял в своих статьях Джексона, как популярного героя из западных штатов, способного победить президента-аристократа из Новой Англии Дж. К. Адамса. Интересной инновацией было введенное по совету Кендалла массовое «пожимание рук», чтобы еще больше подчеркнуть близость кандидата к народу [Cutlip 1995: 68–71, 82]. Разумеется, кроме вербальных коммуникативных приемов расчет строился на «перформанс», массовые зрелищные мероприятия: военизированные парады, выступления оркестров, театрализованные представления, встречи с избирателями политических активистов и самого кандидата. Историк Ремини называет среди популярных приемов демократического «пиара»: устройство барбекю, посадку орешника, ночные факельные шествия, музыкальные и поэтические состязания [Remini 1983: 177–178].

Американский историк Эд. Пессен убедительно доказал, что «миф о бревенчатой хижине», о простонародном происхождении американских президентов расходится с действительностью. «И в “эпоху демократии” люди, не менее “аристократичные”, чем представители “вирджинской династии”, продолжали занимать высочайший в стране пост. Правда, в новый век *демагогии*, начало которому положило избрание Джексона, богатые и преуспевавшие кандидаты на пост президента (и на более низкие посты) начали беззастенчиво разглагольствовать о своей бедности и скромности происхождения в полной уверенности, что именно тогда они смогут рассчитывать на благосклонность избирателей» [Пессен 1987: 50].

Джексон становится человеком-символом в последующих политических избирательных технологиях. Его сторонники старательно создают имидж «self-made man», человека, который «сделал сам себя», достиг всего исключительно благодаря своему характеру. Таким образом формируется важная демократическая дефиниция жизненного успеха.

Наряду с «мифом о бревенчатой хижине» конструировался героический миф – **Миф о бесстрашном герое**. Подобный миф апеллирует к архетипическому символу «спасителя» нации, опирается на Миф о Герое, борющемся с силами Зла. Не случайно имиджмейкеры Джексона сравнивали его с Гераклом, совершавшим удивительные подвиги. Во время предвыборной кампании 1828 г. избирателям настойчиво напоминали о заслугах Джексона в борьбе с индейцами, так и войне с англичанами в 1815 гг. Его преподносили избирателям как победителя при Новом Орлеане, спасителя нации, человека из народа. Действительно, англо-американская война 1812–1815 гг., хотя и закончившаяся на условиях status quo, вряд ли могла импонировать патриотическим чувствам американцев, если бы не Джексон. Во время этой войны американцы не добились ни одной из поставленных целей, более

того, их столица город Вашингтон был сожжен врагом со всеми его административными зданиями, Белым домом, Капитолием, Казначейством [Алентьева 2018: 163–167]. Однако блестящая победа над англичанами под Новым Орлеаном генерала Э. Джексона спасла национальную честь. Джексон совершил предвыборную поездку в Новый Орлеан. Это была первая в истории США «поездка, связанная с предвыборной кампанией», также освещавшаяся в прессе. Широко использовалось его прозвище «Старый Гикори» (орешник), данное индейцами. По всей стране создавались «клубы старины Гикори» [Алентьева 2020б: 151]. Волонтеры Джексона раздавали веники из гикори, трости из гикори и палочки из гикори. Они прикрепляли их на шпилях зданий, на пароходах, на дорожных указателях. Столбы из гикори были установлены в каждой деревне, а также на углах многих городских улиц.

С помощью средств массовой информации происходит мифологизация личности, ее превращение в архетип, мифологему. Мифы этого вида восходят к архаической вере, что все благоприятные явления связаны с высшим существом, богом или его воплощением в Герое [Овчинникова 2012: 107]. И предвыборные обещания демократической партии заключались в реформировании, прежде всего, политической сферы.

Совершенно особую роль играла визуализация образа Джексона с помощью портретов, плакатов и политической карикатуры. Портреты изображали Джексона непременно в мундире, чтобы подчеркнуть его военные заслуги [Алентьева 2006: 44–57]. Авторы предвыборных плакатов активно использовали уже сложившуюся национальную символику: изображение белоголового орла, звездно-полосатого знамени, дерева свободы и фригийского колпака. Здесь не только важным представлялась опора на уже сложившиеся архетипы национального мифа, возвращавшие американцев к славным временам Войны за независимость, но и не менее важным представлялось обращение к образам «отцов-основателей». Не меньшей популярностью пользовался плакат с изображением метлы, символизовавший намерение Э. Джексона «вычистить авгиевы конюшни Вашингтона», изгнать из администрации коррумпированных и некомпетентных чиновников. Лозунг борьбы против коррупции становится наиболее распространенным в политическом дискурсе джексонианцев.

Идея ротации правительственных чиновников весьма импонировала рядовым избирателям. На деле же Джексон сразу же стал увольнять прежних чиновников, связанных с предыдущими администрациями, чтобы заместить их посты своими сторонниками из демократической партии. Так на свет появилась известная spoils-system. С этого времени принцип: «добыча принадлежит победителю» прочно вошел в американскую политическую жизнь. Это добавило президентским выборам остроты, поскольку речь шла уже не о завоевании только высшего поста в государстве, а о выгодных должностях для своих сторонников. Политический патронаж привлекал в столицу огромное количество «искателей должностей», не все из них могли рассчитывать на благосклонность партийных боссов в оказании протекции. Неизбежно занятие выгодных местечек в государственной бюрократической машине вело к коррупции. Однако многие сторонники нового президента приветствовали увольнение прежних чиновников. Сэм Хьюстон писал Джексону: «Я очень доволен, что Вы вычистили “конюшни Вашингтона”, так же как и другие. Избавьтесь от всех волков, и тогда лай щенков не сможет разрушить овчарню» [Correspondence: 75].

Тем не менее, коррупция становится неотъемлемой чертой президентских выборов и политической жизни США. Утвердившаяся в стране рыночная экономика таким образом коррелирует свой тип в политике. Одним из первых назначений Джексона было предоставление журналисту Амосу Кендаллу места аудитора Казначейства, а с 1835 г. – руководителя почтового ведомства [Алентьева 2017: 13–28]. Он стал членом самого близкого к президенту кружка политических советников, составителем его речей, по словам историка Дж. Эшворта, «серым кардиналом» Джексона [Ashworth 1987: 221].

Вопреки традиционной либеральной концепции «минимального правительства», при Э. Джексоне произошло существенное усиление и централизация исполнительной власти, расширение ее полномочий. Авторитарный стиль характеризовал взаимоотношения президента с Конгрессом, Верховным судом и даже с членами его собственного кабинета. Джексон смещал и перетасовывал министров; в должности госсекретаря у него побывали 4 человека, министра финансов – 5, генерального прокурора – 3. Он также стремился заполнить судебные вакансии своими преданными сторонниками. В 1837 г. 7 из 9 членов Верховного суда были его людьми, в том числе и председатель, которым в 1835 г. стал Р. Тэйни [Алентьева 2007: 79–87].

Тем не менее, его отношения, особенно с Сенатом, все время оставались напряженными. Предложения Джексона, как правило, проходили в верхней палате при минимальном перевесе голосов или блокировались. Не случайно, что он использовал право вето 12 раз, т.е. больше, чем все его предшественники [Remini 1987: 134]. Однако, все действия президента демократическая пресса постоянно представляла как выражение народных интересов и укрепление подлинно демократических начал.

По существу произошло усиление именно президентской власти, поскольку заседания кабинета министров собирались крайне редко, мнения его членов носили сугубо совещательный характер, а все решения Джексон принимал единолично или вместе со своим «кухонным кабинетом» [Schlesinger 1945: 67–69]. В него входили, в основном, журналисты и издатели, а также видные политики: М. Ван Бюрен, У. Льюис, Д. Грин, А. Кендалл, Ф. Блэр. Эти люди имели непосредственное влияние на формирование политики Белого дома. Со времен Джексона понятие «кухонный кабинет» прочно вошло в лексикон американской политической жизни.

Миф о правлении народа – «эра простого человека». Именно то, что в «джексоновскую эпоху» в политическую жизнь через электоральный процесс вовлекались широкие массы населения с довольно низким социально-экономическим статусом, порождало необходимость учета общественного мнения, активизировало различные протестные движения, усиливало реформаторский импульс, способствуя возникновению различного рода движений (общественно-политических, социально-утопических, морально-этических).

Советник Джексона А. Кендалл не уставал повторять: «Править должно большинство – это первейший принцип нашей системы». Его выражение «воля народа» становится одним из важнейших пропагандистских приемов демократов. А журналист Г. Эдди писал в «Illinois Gazette»: «Предназначение нашей страны ... продемонстрировать всему миру величайший пример правительства из народа и волею народа, ...свободного правительства, ...восстановить народ в его правах ...И тогда весь мир ...будет взирать с восхищением на чудесный феномен» [Ward 1967: 133–134]. Такие заявления носили чисто пропагандистский характер. По мнению Э.

Пессена в джексоновскую эпоху не произошло кардинальных изменений среди элиты высшего уровня. Более того, по сравнению с предыдущими администрациями вырос процент, именно, представителей бизнеса, коммерческих и банковских структур, против которых, по клятвенным заверениям джексоновцев, они намеревались бороться [Pessen 1985: 39–40].

В этот период произошло расширение реального содержания американской демократии. Появляются такие политические инновации, как отмена имущественного ценза и прямые выборы выборщиков, национальные партийные конвенты вместо кокусов. Изменилась система выборов президента. В 1800 г. только два штата выбирали президентских выборщиков всеобщим голосованием, но после 1832 г. только Южная Каролина сохранила двухстепенность в их избрании. Происходит существенное увеличение числа избирателей главным образом за счет демографических и иммиграционных процессов, а также в связи с расширением избирательных прав для всех белых мужчин. Именно это создавало новые возможности влияния на массовое общественное мнение, для выработки нового политического дискурса.

Новым явлением, безусловно, стала массовость политических мероприятий, а также высокая степень участия избирателей в голосовании. О чрезвычайно высокой политической активности избирателей свидетельствуют цифры: в первых президентских выборах участвовало 13% электората, в 1828 г. – 56,6%, в 1840 г. – 78%. Правда, как отмечают американские исследователи, явка голосующих на избирательные участки часто обеспечивалась бесплатной выпивкой, а также усилиями комитетов бдительности, прямым нажимом и давлением местных партийных органов, запугиванием избирателей. И все же не случайно период «джексоновской демократии» определяется как начало эры массовой политики.

Еще одной характерной чертой социальной и политической жизни страны, накладывавшей специфический отпечаток на формирование мнений в обществе, была грубость нравов, склонность к насилию, связанные с целым рядом причин, в том числе с маргинализацией городского населения, определенными социокультурными реалиями Америки. В период «Джексоновской демократии» насилие проявлялось в самых различных формах и зачастую принимало массовый характер.

Довольно своеобразно было отмечено вступление в должность президента Джексона, когда толпа переполнивших Белый дом людей едва не подвергла опасности жизнь его нового хозяина [Smith 1906: 290–298].

Грубые оскорбления, потасовки и дуэли были в порядке вещей в мире политиков. Одним из первых политических покушений стала попытка убийства президента Эндрю Джексона. 30 января 1835 года в здании Капитолия к нему приблизился 35-летний маляр Ричард Лоуренс и, выхватив пистолет, дважды пытался выстрелить, но пистолет дал осечку. Не всегда сами выборы президента и в конгресс и подведение их итогов проходили спокойно и мирно. Часто их сопровождали вспышки насилия и даже убийств. По подсчетам Д. Гримстеда, в таких «мятежах в связи с выборами» (election riots) погибло более 100 человек в 1828–1860 гг. [Grimsted 1998: 184].

Существование крупных преступных сообществ, подобных знаменитым бандам Нью-Йорка: «мертвые кролики», «парни Бауэри», приводило к кровавым дракам на улицах. В 1830–1850-е гг. таких стычек, напоминающих настоящие сражения, произошло не менее 200. Постоянными становятся столкновения на

расовой и этно-конфессиональной основе, доходящие до погромов, убийств, линчеваний, что также являлось характерными приметами этого времени.

По мнению В.В. Согрина «джексоновская демократия» закрепляла и развивала либерально-демократические ценности для белой Америки, исключая женщин. «Равенство возможностей» оставалось запретным плодом для «варварских рас» индейцев и чернокожих [Согрин 2020: 56]. «Джексоновская демократия» была прорабовладельческой и антинегритянской. Она являлась выражением ярким выражением борьбы властных элит, представленных во второй двухпартийно системе.

Миф о вредности политических партий. Интересным явлением политической жизни США в период «джексоновской демократии» было преодоление мифа о вредности и ненужности политических партий. Деконструкция мифа возможна только при его замещении, вытеснении другим, что Р. Барт называл «похищением мифа» [Барт 1996: 262].

Самым важным достижением партийной пропаганды было преодоление того недоверия к политическим партиям, которое было свойственно американцам еще с колониальных времен и имело основания в английской политической традиции [Алентьева 2020в: 340]. Периодической печати приходилось разъяснять необходимость и полезность партий, в которых общественное мнение видело опасность раскола общества и разжигания взаимной вражды.

Существенные перемены произошли в партийном строительстве, поскольку изменились роль и организация партий. Национальные партийные конвенты заменяют прежние партийные кокусы. В каждом графстве создавались организации партийных добровольцев, которые занимались агитационной деятельностью, беседовали с каждым потенциальным избирателем, создавая первую коммуникационную систему: от человека к человеку. Постоянная партийная работа потребовала значительного количества профессиональных политиков, начинается оформление феномена политического боссизма. По мнению Дж. Силби, деятельность партийных функционеров была весьма успешной вследствие политизации общественного мнения и совершенствования самой партийной машины [Silbey 1985: 4–5]. Историк Р. Формисано отмечает, что именно в это время возникает массовая лояльность в отношении своей партии, усиливаются требования к совместным действиям, подчинению руководству, к партийной дисциплине, в том числе и при голосованиях в Конгрессе. Вторая информационная система коммуникации – национальная сеть партийных газет. Согласно цензу 1850 г. в стране насчитывалось 1630 партийных газет. Новым феноменом общественной жизни является появление «дешевой» массовой прессы, которая не только является основным источником информации, но и главным средством манипулирования общественным сознанием [Алентьева 2008а: 117].

Вторая двухпартийная система демократы-виги становится реальностью, получает массовую поддержку избирателей. Она просуществовала до середины XIX столетия и была замещена третьей двухпартийной системой: демократы-республиканцы, существующей и поныне.

Миф о «врагах народа». Использование дихотомии «Свой-чужие». Н.Д. Овчинникова считает, что «мифы «они и мы» (myths of “us and them”) могут расцениваться как вариант интерпретации окружающего мира в рамках категории «свой – чужой». Мифы этой группы уходят своими корнями в архаические пласты человеческой культуры и отражают биполярность восприятия реальности. Такие

мифы присутствуют в сознании индивида в латентном состоянии и успешно используются в политической сфере» [Овчинникова 2012: 107].

Спичрайтер президента А. Кендалл утверждал, что «политик должен основываться на морали: «Кто не с нами, тот против нас» [Pessen 1985: 186]. «Джексоновскую демократию характеризовала ожесточенная борьба ведущих политических партий, включавшая и личную вражду, и ненависть. Известный журналист У. Леггет, противопоставляя демократов и виггов, писал, что они различаются как «день и ночь», поскольку одна партия, по его словам, «состояла в основном из фермеров, ремесленников, рабочих и других производителей из средних и низших классов ...а другая – из потребителей, богатых, гордых и привилегированных» [New York Evening Post. November 4. 1834]. Разумеется, это утверждение было призвано скорее скрыть подлинную социальную сущность двух партий, чем показать их действительное лицо.

Политические противники демократов из рядов виггов пытались создать негативный образ седьмого президента, рисуя его в своих карикатурах в образе монарха на троне, «короля Эндрю I». Она изображала президента в монархическом одеянии: в мантии и короне, со скипетром в одной руке и свертком с надписью «veto» в другой. Ногами он попирает Конституцию США и правосудие [Алентьева 2020а: 66].

Миф о свободе слова, печати, собраний. Согласно первой поправке к Конституции США: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями о прекращении злоупотреблений» [Соединенные Штаты 1993: 40].

Во время избирательной кампании 1832 г. достаточно острым и злободневным становится вопрос о рабстве. Однако политики не рискнули заострить на нем внимание общества. Однако в это время возникает движение за отмену рабства – аболиционизм, которое трудно было игнорировать. Генеральный почтмейстер в правительстве Джексона А. Кендалл распорядился, чтобы работники почты на Юге не доставляли аболиционистскую литературу адресатам. Он обосновывал свое решение тем, что каждый номер «Liberator» является «преступной клеветой против Юга, угрозой общественному миру и спокойствию». Почтовые служащие в огромных количествах уничтожали печатную продукцию аболиционистов. Э. Джексон одобрил решения Кендалла [Алентьева 2008б: 30–39].

Анти-абolicionистские выступления приняли массовый характер в северных штатах, так как возможная отмена рабства затрагивала деловые интересы очень многих северян: банкиров, торговцев, промышленников, рабочих текстильных предприятий и др. К этому присоединялись также сильные расистские настроения, переходящие в настоящую ненависть к афроамериканцам и их защитникам – аболиционистам. Анализ американской прессы позволяет установить, по крайней мере, 115 анти-абolicionистских выступлений в 1830–1839 гг. в различных северных штатах [Richards 1970: 12]. Толпа, инспирированная прорабовладельческой прессой, громила помещения организаций и редакций, зверски избивая активистов движения, угрожая им физической расправой. В 1836 г. было совершено нападение на Дж. Бирни, который пытался издавать в г. Цинциннати (Огайо) газету «Philanthropist». Журналист Элия Лавджой был убит

разъяренной толпой, став «первым мучеником за свободу прессы в Америке» [Алентьева 2023: 279-285].

Было запрещено право на подачу аболиционистских петиций. В конце мая 1836 г. Конгресс принял закон о «правиле кляпа», (gag-rule), названный современниками «законом о затыкании ртов». В палате представителей он прошел большинством в 109 голосов против 89. Согласно ему, разрешалось конфисковать любую литературу, запрещенную к пересылке по почте законами штатов, и автоматически отклонять рассмотрение в Конгрессе любых антирабовладельческих петиций [Cong. Globe. 24th Cong. 1st Sess.: 401–402]. Закон просуществовал до 1844 г.

Миф о борьбе с привилегиями и монополизмом. Многие программные установки демократов носили характер политической риторики, являлись популярными лозунгами, отражавшими существенные ценностные ориентации рядовых американцев. Большинству избирателей действительно импонировали требования борьбы против привилегий и монополий всякого рода, поддержки политики свободной торговли, защиты прав большинства (т.е. народа) от посягательств «аристократии богатства», равных прав в предпринимательской и других сферах деятельности, свободы личности без всякого вмешательства государства, ограничения правительственных полномочий (limited government). Так в американскую политику входят популизм и демагогия. Главным выражением такой политики, как уверяли джексоныанцы, была борьба против второго Банка США.

В американской историографии не существует единства мнений как в отношении «джексоновской демократии» в целом, так и в отношении «банковской войны» Джексона. В обстоятельной монографии, посвященной банкам и политике в Америке, Б. Хэммонд, позиция которого представляется достаточно аргументированной, утверждает, что Джексон не был защитником народа, а выражал интересы новых слоев буржуазии Северо-Востока, прежде всего Нью-Йорка. Хэммонд называл финансовый курс противников вигов «невежественным и лицемерным», а самого Джексона – «высокомерным и наивным администратором». Он считал, что демократов поддерживали в значительной мере местные банкиры, стремившиеся освободить свою деятельность от контроля центрального учреждения [Hammond 1957: 329, 364, 740].

Инициаторами борьбы с Банком оказались члены «кухонного кабинета» президента А. Кендалл и Ф. Блэр, которые утверждали, что «Банк стремится подавить и уничтожить наши свободы» [Pessen 1985: 173–174]. Но именно Джексон ввел в обиход сравнение Банка Соединенных Штатов с ужасным и отвратительным чудовищем. В посланиях президенту Конгрессу и в других документах встречаются такие выразительные словесные образы, как «монстр», «многоголовая гидра», «чудовище с рогами, копытами и хвостом», настолько опасное, что оно развращало «мораль нашего народа», подкупало «наших политиков», угрожало «нашим свободам» [Remini 1967: 41]. Демократам было необходимо заполучить управление финансами, поэтому их не устраивал Банк с его независимым руководством, находившийся к тому же под влиянием их политических противников-вигов.

В 1832 г. виги приняли в Конгрессе закон о продлении полномочий Банка. 10 июля 1832 г. президент наложил вето на законопроект и направил специальное послание Сенату (Veto message), составленное А. Кендаллом. Документ написан в

духе либеральной идеологии, свидетельствует о четком понимании авторами изменившихся реалий, привнесенных массовой политикой. Поэтому в нем рефреном звучат фразы о народе и его интересах, на страже которых стоит правительство. Послание учитывает менталитет и опирается на глубокие слои психологии общества, которые К.Г. Юнг называл «коллективным бессознательным» проявлением. В нем весьма талантливо построена линия защиты антибанковской позиции президента. Банк именуется неконституционным, недемократическим и неамериканским учреждением. Здесь, конечно, сильным манипулятивным приемом было заявление о засильи английского капитала. Опираясь на глубоко укоренившийся в обществе архетип сознания, ставший основой недоверия, подозрительности и даже враждебности к англичанам, прибегая к сформировавшемуся еще в годы Войны за независимость «образу врага», Джексон рассчитывал привлечь на свою сторону общественное мнение [A Compilation; Vol. II: 1224–1238].

Послание изобилует эгалитаристской фразеологией, подчеркнутым вниманием к простым людям и осуждением богачей. Естественно, что используемые демократами в их политической риторике привлекательные фразы и лозунги, стереотипы и клише широко употреблялись поддерживавшими их ораторами и публицистами, партийными функционерами и журналистами. Это свидетельствовало о демагогическом характере пропаганды джексоновцев. Не случайно, Дж. Эшворт считал деятельность джексоновцев «популистской демократией» [Ashworth 1987: 35, 75, 127].

«Банковская война» продлилась ряд лет. Умело используя недовольство Банком, джексоновцы сначала перевели государственные депозиты в местные банки, так называемые банки-любимчики, а в 1836 г. по истечению срока полномочий второй национальной Банк прекратил свое существование.

Война Джексона против второго Банка США подтверждает, что громко озвученные цели борьбы против «монополий всякого рода» сводились на деле к борьбе против своих политических противников.

Заключение (Conclusion)

Политические реалии и опыт «джексоновской демократии» явились основой для формирования современных политических традиций США. Многие мифы «джексоновской демократии» стали в свою очередь основой для конструирования более современных приемов политической манипуляции. Успехи мифологизации общественного сознания джексоновцами объяснялись рядом объективных причин, прежде всего, недостаточной зрелостью капиталистических отношений в Америке. Также апелляция к широким народным массам, использование популярных лозунгов борьбы с «привилегиями и монополиями всякого рода», различных манипулятивных приемов помогали демократам в проведении их политики, особенно этому способствовало конструирование ставших популярными разнообразных мифов.

Литература

Алексеев А.Б. Манипулятивная функция мифа в американском политическом дискурсе: миф, идеология, манипуляция // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. №1 (24). С. 74–83.

Алентьева Т.В. «Революция» в американской прессе в 1830–1840-х гг. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв.: в 3 т. Т. 1. Москва: ИВИ РАН, 2008а. С. 109–136.

Алентьева Т.В. Амос Кендалл // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 13–28.

Алентьева Т.В. Золотой век американской журналистики. Москва: ИНФРА-М, 2023. 358 с.

Алентьева Т.В. Образ Эндрю Джексона в американском общественном мнении // Americana. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 44–57.

Алентьева Т.В. Президент США Э. Джексон как миф и как инструмент политики в 1840–1850-е годы // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. С. 323–327.

Алентьева Т.В. Проблема аболиционизма в восприятии американского общества перед Гражданской войной // Вестник истории и философии Курского государственного университета. Серия «История». №1(3). Курск, 2008б. С. 30–39.

Алентьева Т.В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877). Санкт-Петербург: Алетейя, 2020б. 458 с.

Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» в США. Москва: ИНФРА-М, 2020. 356 с.

Алентьева Т.В. Усиление президентской власти при Э. Джеконе и американское общество // Право и власть. Курск, 2007. С. 79–87.

Алентьева Т.В., Тимченко А.И. Англо-американская война 1812–1815 гг. и американское общество. Санкт-Петербург: Алетейя. 2018. 234 с.

Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. Санкт-Петербург: Алетейя. 2020в. 518 с.

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Москва: Прогресс, Универс, 1994. С. 72–130.

Барт Р. Мифологии / пер. с фр. Москва: Изд-во им Сабашниковых, 1996. 312 с.

Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. Москва: Наука, 1980. 405 с.

Женин И.А. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги/Steps. 2021. №1. С. 9–28.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. с нем. Москва: Гардарики, 1998. 784 с.

Овчинникова Н.Д. О некоторых политических мифах в американском президентском дискурсе // Lingua mobilis. 2012. №3 (36). С. 106–109.

Пессен Э. Миф о бревенчатой хижине: социальное происхождение американских президентов / пер. с англ. Москва: Прогресс, 1987. 280 с.

Пивоев В.М. Праксеологическая функция мифа // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. С. 23–25.

Романова Н.Х. Реформы Джексона. 1829–1837. Москва: Наука, 1988. 152 с.

Согрин В.В. Американская цивилизация. Москва: Весь мир, 2020. 248 с. С. 56.

Согрин В.В. Президенты и демократия. Американский опыт. Москва: Весь мир, 1998. 200 с.

Соединенные штаты Америки. Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова; пер. с англ. Москва: Прогресс, Универс, 1993. 778 с. С. 40.

Ставицкий А.В. Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. №1. С. 56–74.

Ставицкий А.В. Полиморфизм мифа и языка в рамках их функционирования // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. С. 292–299.

Топорков Л.А. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс] <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 12.06.2023).

Цуладзе А. Политическая мифология. Москва: Изд-во Эксмо, 2003. 384 с. С. 60.

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с. С. 29.

Юнг К.Г. Аналитическая психология / пер. с нем. Санкт-Петербург: Кентавр, 1994. 218 с. С. 35.

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897:10 vols. / ed. by J.D. Richardson. Washington, 1902. Vol. II. P. 1224–1238.

Ashworth J. «Agrarians» and «Aristocrats». Party Political Ideology in the United States, 1837–1846. London: Cambridge University Press, 1987. 336 p.

Brands H.W. Andrew Jackson: His Life and Times. New York: Anchor Book, 2006. 620 p.

Charleston Courier. November 24. 1824.

Commager H.S. The Era of Reform. 1830–1860. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1960. 367 p.

Congressional Globe. 24th Congress. 1st Session.

Jackson A. The Correspondence of Andrew Jackson / ed. by J.S. Bassett, F.J. Jameson: 7 vols. Washington, 1926–1935. Vol. V.

Cutlip S.M. Public Relations History: From the XVII to the XX century. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1995, 300 p.

Grimsted D. American Mobbing, 1828–1861. Oxford: Oxford University Press, 1998. 392 p.

Hammond B. Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957. 771 p.

Meacham J. American Lion. Andrew Jackson in the White House. New York: Random House, 2009. 483 p.

New York Evening Post. November 4. 1834.

Pessen E. Jacksonian America: Society, Personality and Politics. Chicago: University of Illinois Press, 1985. 400 p.

Remini R.V. Andrew Jackson and the Bank War. A Study in the Growth of Presidential Power. New York: W. W. Norton & Company, 1967. 192 p.

Remini R.V. Andrew Jackson: the Course of American Freedom. New York: Harper & Row, 1983. 469 p.

Remini R.V. The Revolutionary Age of Andrew Jackson. New York: Harper Torchbooks, 1987. 201 p.

Richards L. "Gentlemen of Property and Standing". Anti-Abolitionist Mobs in Jacksonian America. New York: Oxford University Press, 1970. 196 p.

Schlesinger A. The Age of Jackson. Boston: Little, Brown and Company, 1945. 577 p.

Silbey J.H. The Partisan Imperative. The Dynamics of American Politics before the Civil War. New York: Oxford University Press, 1985. 234 p.

Smith M.B. The First Forty Years in Washington Society. Berkeley, CA: University of California Libraries, 1906. 504 p.

Ward J.W. Andrew Jackson. Symbol of the Age. New York: Oxford University Press, 1969. 274 p.

Reference

Alekseev A.B. The Manipulative Function of Myth in American Political Discourse: Myth, Ideology, Manipulation // Topical Issues of Modern Philology and Journalism. 2017. No. 1 (24). Pp. 74-83. (In Russian).

Alentieva T.V. "Revolution" in the American Press in the 1830s-1840s. // Myths and Realities of American History in the Periodicals of the XVIII–XX Centuries: in 3 vols. Vol. 1. Moscow: IVI RAS Publ., 2008. Pp. 109-136. (In Russian).

Alentieva T.V. Amos Kendall // Questions of History. 2017. No. 2. Pp. 13-28. (In Russian).

Alentieva T.V. The Golden Age of American Journalism. Moscow: INFRA-M Publ., 2023. 358 p. (In Russian).

Alentieva T.V. The Image of Andrew Jackson in American Public Opinion // Americana. Issue 8. Volgograd: Volga Publishing House, 2006. Pp. 44-57. (In Russian).

Alentieva T.V. President of the USA E. Jackson as a Myth and as an Instrument of Politics in the 1840s-1850s // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the III International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2019, Sevastopol) / edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaev, S.V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol Publ., 2019. Pp. 323-327. (In Russian).

Alentieva T.V. The Problem of Abolitionism in the Perception of American Society before the Civil War // Bulletin of History and Philosophy of Kursk State University. Series "History". No. 1(3). Kursk, 2008b. Pp. 30-39. (In Russian).

Alentieva T.V. The Striking Weapon of Laughter. American Political Caricature of the XIX Century (1800-1877). Saint Petersburg: Aleteya Publ., 2020b. 458 p. (In Russian).

Alentieva T.V. The Role of Public Opinion in the "Jacksonian Era" in the USA. Moscow: INFRA-M Publ., 2020. 356 p. (In Russian).

Alentieva T.V. Strengthening of Presidential Power under A. Jackson and the American Society // Law and Power. Kursk, 2007. Pp. 79-87. (In Russian).

Alentieva T.V., Timchenko A.I. The Anglo-American War of 1812-1815 and American Society. St. Petersburg: Alethea Publ. 2018. 234 p. (In Russian).

Alentieva T.V., Filimonova M.A. Enlightenment Ideas and the Revolutionary Process in North America. St. Petersburg: Alethea Publ. 2020b. 518 p. (In Russian).

Bart R. Myth Today // Bart R. Selected Works: Semiotics. Poetics / trans. from fr. Moscow: Progress, Univers Publ., 1994. Pp. 72-130. (In Russian).

Bart R. Mythology / trans. from fr. Moscow: Sabashnikov Publishing House, 1996. 312 p. (In Russian).

Bolkhovitinov N.N. USA: Problems of History and Modern Historiography. Moscow: Nauka Publ., 1980. 405 p. (In Russian).

Zhenin I.A. Historical Myths and Collective Memory in the Space of Research Practices // Steps/Steps. 2021. No. 1. Pp. 9-28. (In Russian).

Cassirer E. Selected Works. Essay on Human / trans. from germ. Moscow: Gardarika Publ., 1998. 784 p. (In Russian).

Ovchinnikova N.D. On Some Political Myths in the American Presidential Discourse // Lingua mobilis. 2012. No. 3 (36). Pp. 106-109. (In Russian).

Pessen E. The Myth of the Log Cabin: The Social Origin of American Presidents / translated from English. Moscow: Progress Publ., 1987. 280 p. (In Russian).

Pivoev V.M. Praxeological Function of Myth // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitsky. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University Publ., 2020. Pp. 23-25. (In Russian).

Romanova N.H. Jackson's Reforms. 1829–1837. Moscow: Nauka Publ., 1988. 152 p. (In Russian).

Sogrin V.V. American Civilization. Moscow: The Whole World Publ., 2020. 248 p. (In Russian).

Sogrin V.V. Presidents and democracy. The American Experience. Moscow: The Whole World Publ., 1998. 200 p. (In Russian).

United States of America. The Constitution and Legislative Acts / edited by O.A. Zhidkov; translated from English. Moscow: Progress, Univers Publ., 1993. 778 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. The General Theory of the Myth about the Structure of its Functioning // Mythologos. The series "Philosophy of Myth: Ontology, axiology, methodology". 2022. No. 1. Pp. 56-74. (In Russian).

Stavitsky A.V. Polymorphism of myth and language within the framework of their functioning // Myth in history, politics, culture [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / edited by A.V. Stavitsky. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University Publ., 2020. Pp. 292-299. (In Russian).

Toporkov L.A. Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics [Electronic resource] <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (accessed: 12.06.2023). (In Russian).

Tsuladze A. Political Mythology. Moscow: Eksmo Publishing House, 2003. 384 p. (In Russian).

Shestov N.I. Political Myth Now and Before. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2005. 414 p. (In Russian).

Jung K.G. Analytical psychology / trans. from German. Saint Petersburg: Centaur Publ., 1994. 218 p. (In Russian).

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897: 10 vols. / ed. by J.D. Richardson. Washington, 1902. Vol. II. Pp. 1224–1238.

- Ashworth J.* «Agrarians» and «Aristocrats». Party Political Ideology in the United States, 1837–1846. London: Cambridge University Press, 1987. 336 p.
- Brands H.W.* Andrew Jackson: His Life and Times. New York: Anchor Book, 2006. 620 p.
- Charleston Courier. November 24. 1824.
- Commager H.S.* The Era of Reform. 1830–1860. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1960. 367 p.
- Congressional Globe. 24th Congress. 1st Session.
- Jackson A.* The Correspondence of Andrew Jackson / ed. by J.S. Bassett, F.J. Jameson: 7 vols. Washington, 1926–1935. Vol. V.
- Cutlip S.M.* Public Relations History: From the XVII to the XX century. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1995. 300 p.
- Grimsted D.* American Mobbing, 1828–1861. Oxford: Oxford University Press, 1998. 392 p.
- Hammond B.* Banks and Politics in America from the Revolution to the Civil War. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957. 771 p.
- Meacham J.* American Lion. Andrew Jackson in the White House. New York: Random House, 2009. 483 p.
- New York Evening Post. November 4. 1834.
- Pessen E.* Jacksonian America: Society, Personality and Politics. Chicago: University of Illinois Press, 1985. 400 p.
- Remini R.V.* Andrew Jackson and the Bank War. A Study in the Growth of Presidential Power. New York: W. W. Norton & Company, 1967. 192 p.
- Remini R.V.* Andrew Jackson: the Course of American Freedom. New York: Harper & Row, 1983. 469 p.
- Remini R.V.* The Revolutionary Age of Andrew Jackson. New York: Harper Torchbooks, 1987. 201 p.
- Richards L.* “Gentlemen of Property and Standing”. Anti-Abolitionist Mobs in Jacksonian America. New York: Oxford University Press, 1970. 196 p.
- Schlesinger A.* The Age of Jackson. Boston: Little, Brown and Company, 1945. 577 p.
- Silbey J.H.* The Partisan Imperative. The Dynamics of American Politics before the Civil War. New York: Oxford University Press, 1985. 234 p.
- Smith M.B.* The First Forty Years in Washington Society. Berkeley, CA: University of California Libraries, 1906. 504 p.
- Ward J.W.* Andrew Jackson. Symbol of the Age. New York: Oxford University Press, 1969. 274 p.

Сведения об авторе:

Алентьева Татьяна Викторовна

профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

E-mail: alenttv@mai.ru

Bionotes:

Alentieva Tatyana Viktorovna

Professor, Department of World History, Kursk State University, Doctor of History, Professor (Kursk, Russia).

Для цитирования:

Алентьева Т.В. Мифы «Джексоновской демократии» // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 14–31.

For citation:

Alentyeva T.V. Myths of "Jacksonian Democracy" // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 14–31.

УДК 94(73).02

DOI:

ПРЕССА АМЕРИКАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ XVIII ВЕКА

Филимонова Мария Александровна
Курский государственный университет
(г. Курск, Россия)

Аннотация

Одно из актуальных направлений современной антропологии, фольклористики, социологии – изучение городских легенд. При этом существующие исследования затрагивают главным образом современный городской фольклор. Городские легенды Нового времени остаются малоизученными. Данная статья призвана отчасти заполнить образовавшийся пробел. В ней рассматриваются городские легенды, фиксировавшиеся и распространявшиеся бостонской прессой в 1765–1775 гг. Для исследования выбраны такие сюжеты, как вампиризм, Жеводанский зверь, истории о зараженном чае. Они показывают спектр городского фольклора, как основанного на традиционных фольклорных верованиях, так и типичного для среды современного города. В статье использованы методологические подходы разных дисциплин, в частности, количественно-качественный анализ прессы, историко-ситуационный подход, операциональный подход к анализу городских легенд. Поскольку для североамериканских колоний Великобритании это десятилетие было периодом острого конфликта с метрополией, создававшаяся политическая нестабильность способствовала распространению сюжетов современного фольклора, связанных или не связанных с текущей политикой.

Ключевые слова: вампиры; Жеводанский зверь; истории об отравленной еде; городские легенды; история США; история Нового времени.

THE AMERICAN ENLIGHTENMENT PRESS AND URBAN LEGENDS OF THE XVIII CENTURY

Filimonova Maria Alexandrovna
Kursk State University
(Kursk, Russia)

Annotation

The study of urban legends is one of the most relevant areas of modern anthropology, folklore studies, and sociology. At the same time, existing studies mainly consider modern urban folklore. Urban legends of Modern times remain poorly studied. This article is intended to partially fill the gap. It examines urban legends recorded and distributed by the Boston press in 1765–1775. Such subjects as vampirism, the beast of Gévaudan, and stories about infected tea were chosen for the study. They show the spectrum of urban folklore, either based on traditional folklore beliefs or typical of the environment of a modern city. The article uses methodological approaches of various disciplines, in particular, quantitative and qualitative analysis of the press, historical and situational approach, operational approach to the analysis of urban legends. Since 1765–1775 was a period of acute conflict with the mother country for the North American colonies of Great Britain, the resulting political instability contributed to the spread of plots of modern folklore related or unrelated to current politics.

Keywords: vampires; beast of Gévaudan; food contamination stories; urban legends; history of the USA; Modern history.

Введение

Городской легендой в современной фольклористике называется короткая история, не соответствующая действительности, хотя и кажущаяся правдоподобной. Важно, что действие городской легенды происходит в среде современного города. Согласно определению американского фольклориста Пола Смита, «эти истории фокусируются на обычных людях и знакомых местах. Они изображают ситуации, <...> в которых рассказчик и его аудитория оказывались или легко могут оказаться» [цит. по: Кирзюк 2018: 25].

Они легко смешиваются со слухами. Ряд ученых подчеркивает, что городские легенды являются бродячими сюжетами, которые могут функционировать в разное время в разных местах [Горбатов 2009]. Смешиваются городские легенды и с традиционными быличками и бывальщинами. Городские легенды отличаются тем, что в них не обязательно присутствует элемент сверхъестественного. Но главным образом их отличает география распространения: среда современного города.

Городские легенды активно изучаются в современной фольклористике, антропологии, социологии, и их исследование является актуальным.

В данной статье используется исторический ракурс, сравнительно редкий в исследованиях городской легенды. Известно, что истории подобного рода бытовали еще в античности [Ellis 1983]. И в то же время городской фольклор прошлого относительно мало изучен.

Отсюда цель исследования: изучить на примере колониальной Америки бытование некоторых городских легенд Нового времени.

В качестве хронологических рамок выбрано десятилетие, предшествующее Войне за независимость США, т.е. 1765–1775 гг. Известно, что политическая и социальная нестабильность провоцирует активизацию как слухов, так и городских легенд. Именно это наблюдалось в Бостоне в предреволюционные годы. При этом в социуме Новой Англии, где уровень грамотности был очень высоким, городские легенды фиксировались и распространялись прессой, что и позволяет использовать периодическую печать как источник для их изучения. Сюжеты городских легенд могли быть связаны или не связаны с текущей политикой.

Литературный обзор

Изучение городских легенд начинается в конце XIX в., когда фольклористы начинают обращать внимание на бытование фольклора не только среди народов, ведущих традиционный образ жизни, но и в современном городе. Сам термин «городская легенда» (urban legend) появляется в 1968 г. [Байдуж 2011; Кирзюк 2018].

К настоящему времени сформировалось несколько исследовательских подходов: интерпретативный, в рамках которого легенда рассматривается как скрытое сообщение [Best 1985]; меметический, изучающий эволюцию и механизмы распространения сюжетов [Ellis 2001]; операциональный, фокусирующийся на их воздействии на реципиента. В рамках последнего подхода было введено понятие остенсии, т.е. влияния фольклора на реальную жизнь людей [Cohen 2002]. При этом, за редкими исключениями, изучается городской фольклор XX–XXI вв. Сходные феномены Нового времени не исследуются или исследуются в рамках

изучения иных сюжетов. Например, существует фундаментальное исследование массовых страхов эпохи Возрождения [Делюмо 1994], в котором, однако, городской фольклор как самостоятельный феномен не выделяется. Исследователь Джей М. Смит изучает известную историю Жеводанского зверя, фокусируясь на ее информационном покрытии. Ученый связывает появление легенды о Звере с интересом к экзотическим и странным существам, свойственным эпохе Просвещения [Smith 2011]. К похожим выводам приходит французский историк Жан Марк Морисо, который обращает внимание на роль прессы в распространении и популяризации новостей о нападениях Зверя, а также связывает повышенное внимание к нему с потребностью в сенсациях, которую испытывали французские газеты после Семилетней войны [Moriceau 2007: 174]. Но никто не исследовал функционирование истории о Жеводанском звере за пределами Франции, где она превращалась в городскую легенду.

Данная статья призвана хотя бы отчасти заполнить пробел в исследовании городского фольклора Нового времени. Поскольку рассмотреть все сюжеты, бытовавшие в Новой Англии XVIII в., невозможно, выбраны три: вампиризм, Жеводанский зверь, истории об испорченном чае.

Методы

Данное исследование является междисциплинарным. Использован количественно-качественный анализ контента бостонской прессы 1765–1775 гг. для выявления частотных сюжетов, которые можно отнести к городским легендам. Сами сюжеты исследуются с применением историко-ситуационного подхода, т.е. в связи с историческим контекстом, в рамках которого они функционировали. Также применен операциональный подход; два из трех рассмотренных сюжетов обладали остенсивным потенциалом, т.е. могли менять поведение реципиентов.

Результаты и обсуждение

Во второй половине века мифологическое мышление «прорывалось» в готической прозе (Уолпол, Бекфорд и др.), предромантизме, имитации мифологии (Чаттертон, Макферсон). Все эти жанры находились в сложном полемическом диалоге с Просвещением. При этом мифологическое во всех случаях отодвигалось вонне реального мира: в далекое и часто воображаемое прошлое, на сказочный Восток и т.п. [См.: Кириллова 2022]. Столкновение с реальным, активно бытующим фольклором вызывало шок у просветителей. Вольтер восклицал: «Как! Неужели именно в нашем XVIII веке появились вампиры! После царствования Локка, Шефтсбери, Тренчарда, Коллинза, в правление д'Аламбера, Дидро... верят в вампиров!» [Voltaire 1878: vol. 4: 547].

Эпоха Просвещения в целом была ориентирована на развенчание мифологии, которая воспринималась как «суеверия», «готические басни». Это можно проследить на примере одного из самых влиятельных мифологических сюжетов Европы – легенды о короле Артуре. В XV–XVI вв. артуровская легенда служила легитимации новой династии Тюдоров. В XIX в. она была предметом героизации и романтизации, частью политики памяти, предлагаемой английской нации [Кирюхин 2013; Кирюхина 2022]. Но в эпоху Просвещения та же легенда подвергалась комическому снижению. «Классический словарь вульгарного языка» Ф. Гроуза, где были собраны образцы английского сленга, не вошедшего в знаменитый словарь Джонсона, содержал и такую статью: «Артур, король Артур – игра, обычная в море, когда приближаются к линии (экватора) или к жарким широтам. Это делается так: человек, который должен представлять короля Артура,

в смешной одежде, в огромном парике, сделанном из пакли или старых швабр, садится возле большой бочки с водой или прямо на бочку. Всех по очереди торжественно представляют ему и обливают из ведра с водой, крича: «Да здравствует король Артур!» Если во время церемонии представляемый рассмеется или улыбнется (а его величество старается тому способствовать всяческими нелепыми жестами), он сам становится королем Артуром, пока его не выручит какой-нибудь просмоленный собрат, который так же слабо контролирует свои мускулы, как и он сам» [Grose 1785: 5].

Тем не менее, бытование городских легенд в эпоху Просвещения можно зафиксировать по сохранившимся источникам. Английский писатель О. Голдсмит в своем романе «Гражданин мира» (1760–1762) даже приводил такую городскую легенду и описывал механизм ее распространения: «Как с историями о привидениях, которые все любят слушать, хотя и испытывают ужас, так и в подобных случаях все с жадностью внимают этим рассказам и прибавляют от себя новые, устрашающие подробности. Случится, например, какой-нибудь нервической даме у себя в поместье испугаться собачьего лая, что, увы, случается не редко, и вот уже в округе начинают рассказывать о том, что бешеная собака бросилась на знатную даму. А в соседнюю деревню приходит страшная весть уже о том, что бешеный мастиф искусал знатную даму. С каждой минутой история обрастает зловещими подробностями, а когда попадает в Лондон, то жители уже описывают друг другу, как знатная дама с безумными глазами, брызжа пеной, бегала на четвереньках, лаяла по-собачьи и кусала слуг, пока по совету домашнего врача ее не задушили между двумя перинами, а бешеный мастиф тем временем рыщет по Англии, ища, кого бы ему пожрать» [Голдсмит].

Рассмотрим примеры из бостонской прессы.

1 апреля 1765 г. «Boston Evening Post» поместила на первой странице (без указания источника) отрывок из книги «Путешествия трех английских джентльменов», вышедшей за 20 лет до того и рассказывавшей, в частности, об упырях в Сербии. Газета приходила к выводу, что сообщения об упырях имеют под собой некоторое основание, и ссылалась на «аутентичные отчеты» из Польши, Литвы и России, равно как и на авторитет Священного Писания и труды О. Кальме [The Boston Evening Post. Apr. 1, 1765]¹. За газетной публикацией был мощный фольклорный и культурный пласт. Интеллектуалы века Просвещения с презрением отвергали реальность вампиризма. Английская «Derby Mercury» опубликовала отрывок из сочинения под заглавием «Зоономия». Его автор Эразм Дарвин (дед Чарльза Дарвина) провозглашал: «Философов называли неверующими, во что же они не верят? В творения фантазии, в колдовство, хобгоблинов, привидения, вампиров и эльфов...» [The Derby Mercury. Sept. 15, 1796].

И в то же время вера в вампиризм, которая так возмущала Вольтера, активно распространялась в просвещенческой Европе. Вампирская паника в Габсбургской империи охватила 1725–1734 гг., так что императрица Мария-Терезия была вынуждена направить своего личного врача, чтобы исследовать проблему. Он сделал вывод о том, что вампиров не существует. Но в 1746 г. тема была вновь введена в культурное пространство Европы благодаря трактату О. Кальме «Эссе о явлениях ангелов, демонов и духов, а также об оживших мертвецах и вампирах из Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии».

¹ Огюстен Кальме – французский бенедиктинский аббат, богослов и историк.

Возвращаясь к бостонской «вампиурской» публикации, стоит отметить, что она была отголоском как событий в империи Габсбургов, так и трактата Кальме. При этом неясно, гналась ли редакция за сенсационным материалом или просто решила пошутить (номер был все-таки первоапрельский). Однако в одном из следующих номеров последовало энергичное опровержение, автор которого заявлял, что поверит в вампиров не раньше, чем поверит в сейлемских ведьм и прочие «чудеса незримого мира». Сенсационность, с точки зрения скептика, нарушала базовые принципы подачи информации в просвещенческой культуре: она не давала полезных знаний. Напротив, «разве это не было попросту рассчитано на то, чтобы напугать старух и детей, позабавить невежественных и суеверных, распространить в мире деизм и неверие?» [The Boston Evening Post. Apr. 15, 1765].

Несмотря на это опровержение, вера в вампиров укоренилась в Новой Англии более чем на столетие. Вероятно, ее рецепции способствовали общие закономерности бытования городских легенд. Городская легенда отражает восприятие мира как опасного места, где может случиться что угодно [Горбатов 2009]. Она формируется в зависимости от существующих в обществе представлений об источниках опасности и циркулирует в прямой связи с актуализацией таких представлений [Архипова 2018: 17]. В данном случае, сюжет о вампирах наложился на актуальный для Новой Англии образ опасности, которого не было в восточноевропейском фольклоре.

По сравнению с европейским материалом, вампирские сюжеты на американской почве трансформировались. Они связывались с неизлечимой в то время болезнью – туберкулезом. Люди верили, что умерший от туберкулеза становится вампиром и «забирает с собой» других членов своей семьи. Пытаясь защититься от нежити, новоанглийцы эксгумировали тела подозреваемых в вампиризме. Часто умерших просто переворачивали в могиле, но встречались и более радикальные средства, включая сожжение тела или обезглавливание. Пепел от сгоревшего сердца «вампира» почитался суеверными новоанглийцами надежным средством от чахотки. Первый задокументированный случай такого рода относится к 1793 г. и произошел в Вермонте. Дьякон Айзек Бертон раскопал могилу своей первой жены Рэйчел. К тому времени дьякон успел жениться вторично, и был уверен, что Рэйчел высасывает жизнь его второй жены Гульды. Суеверие не помогло. В сентябре того же года Гульда умерла от туберкулеза.

В Новой Англии поверья о вампироподобной нежити сохранялись на протяжении всего XIX столетия.

Второй сюжет, который будет здесь рассмотрен, ближе к современным сюжетам городских легенд. Это история Жеводанского зверя. Согласно ей, волкоподобное животное совершало многочисленные нападения на людей в графстве Жеводан на юге Франции на протяжении ряда лет (1764–1767 гг.). Тему подхватила общенациональная «Gazette de France» и ввела ее в информационное пространство Европы. Со временем информация дошла и до Америки. В 1765 г. «Boston Evening Post» писала: «Дикий зверь, столь часто упоминаемый, все еще продолжает опустошать Жеводан; немногие дни проходят без того, чтобы услышать какой-нибудь печальный рассказ, связанный с ним» [The Boston Evening Post. July 15, 1765].

На этом примере хорошо видны приемы работы с сенсационным материалом, которые применяли редакторы эпохи Просвещения. В культуре XX–XXI вв. существует тенденция к мистическим толкованиям истории Жеводанского

зверя. Американская пресса 1760-х гг., напротив, пыталась рационализировать сюжет. Например, «Massachusetts Gazette» доказывала, что Зверь – это гиена, которая предположительно сбежала из зоопарка герцога Савойского [The Massachusetts Gazette and Boston News-Letter. May 30, 1765]. «Boston Evening Post» вообще отрицала реальность всей истории. Сюжет истолковывался в русле антикатолических настроений, влиятельных в протестантской Новой Англии: «Теперь говорят, что дикий зверь во Франции – это тот самый, о котором давно уже пророчествовал Апокалипсис св. Иоанна, на коем восседает блудница в пурпуре; и что вся история – не более чем аллегория. Под этим ненасытным зверем подразумевается весь римский клир» [The Boston Evening Post. June 17, 1765]. Ту же тему подхватывала «Massachusetts Gazette»: Зверь – «аллегория, выдуманная каким-нибудь злобным иезуитом, чтобы возбудить ненависть к протестантам» [The Massachusetts Gazette and Boston News-Letter. May 30, 1765].

Как и в случае с вампирами, рационалистическое толкование и аллегоризация темы не могли помешать функционированию легенды. Один из устойчивых сюжетов современного фольклора – истории о нападениях экзотических или чудовищных животных. Содержание истории о Жеводанском звере тяготеет к этой категории. В апреле 1765 г. сразу две бостонские газеты перепечатали сообщение из Нью-Йорка о нескольких встречах со странным созданием, предположительно «тем же самым животным, которое наделало столько бед на юге Франции». Газеты нагнетали напряжение: «Он кажется крайне свирепым, и вид его столь ужасен, что опасаются, как бы он не опустошил колонии сильнее, чем дикие индейцы» [The Boston-Gazette, and Country Journal. Apr. 29, 1765; The Boston Evening Post. Apr. 29, 1765]. Снова мы видим образ опасности.

Известия из Франции дали толчок типичной городской легенде, функционирующей как бродячий сюжет. Место действия менялось с юга Франции на Нью-Йорк, тем самым дополнительно актуализируя историю для американского читателя. Исследователи современных городских легенд фиксируют похожие примеры их распространения, когда, например, американский сюжет о «машине-ракете» получает российскую «локализацию» [Алексеевский 2012].

Третий сюжет, рассматриваемый в данной статье, является чисто американским, а не заимствован из Европы. Это история о зараженном чае, ввезенном в Америку на кораблях Ост-Индской компании. «Истории об отравленной еде» (Food contamination stories) составляют целый пласт современного фольклора. Исследователи фиксируют их бурное распространение в 1970-х – 1990-х гг. Их появление связывают с переходом от домашней еды к потреблению полуфабрикатов или фастфуда, приготовление которых потребители не могут контролировать (в США этот процесс получил название макдональдизации питания). Также «истории об отравленной еде» связывают с «культурой недоверия», т.е. с комплексом социальных страхов и предубеждений, направленных на институты власти и контроля [Fine 1980; Кормина 2015; Архипова 2020: 221–250]. Существуют полярные точки зрения относительно хронологических рамок «культуры недоверия». Социальный антрополог Ж.В. Кормина считает ее специфическим феноменом современного информационного общества [Кормина 2015: 145]. По мнению философа и социолога С. Вершинина, «культура недоверия» существует в любом социуме [Вершинин 2001: 61].

Американский материал подтверждает скорее вторую точку зрения. В Америке XVIII в. чай был таким же продуктом вне контроля потребителя, как и

излюбленный объект современных легенд – кока-кола. В то время чай выращивался только в Китае, с которым у американцев не было прямых контактов. Готовый продукт ввозила в Америку Ост-Индская компания – типичный пример могущественной и неконтролируемой корпорации, которая часто фигурирует в современной «культуре недоверия». Бостонские газеты передавали целый спектр городских легенд, аналоги которых известны и в XXI в. Это сюжеты об отвратительных способах приготовления, особенно когда речь идет об иноэтничной кухне; о намеренном заражении или загрязнении пищи¹. Рассказывалось, например, что кули в Китае утрамбовывают чай в ящиках ногами [The Boston-Gazette, and Country Journal. Nov. 29, 1773]. «Boston Gazette» уверяла читателей, что чай Ост-Индской компании гнилой и заражен насекомыми [The Boston-Gazette, and Country Journal. Nov. 29, 1773]. В другом номере передавали слух о том, что корабль капитана Коффина (тот самый «Дартмут», который 16 декабря 1773 г. стал главной сценой «чаепития») привез в Бостон не только чай, но и оспу [The Boston-Gazette, and Country Journal. Dec. 13, 1773].

Разумеется, в данном случае история о зараженном чае была связана с текущей политической повесткой: в первой половине 1770-х гг. чай в Америке был обложен налогом (неконституционным, как считали патриоты) и потому стал объектом антианглийских протестов. Нет сомнения, что изложенные выше городские легенды провоцировали «моральную панику», кульминацией которой стало «бостонское чаепитие».

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что даже «в правление д'Аламбера и Дидро» (если воспользоваться выражением Вольтера) мифологическое мышление сохранялось. В бостонской прессе можно выявить мифологические сюжеты разного типа. История о вампирах в Восточной Европе связана с традиционным фольклором. Она заимствована из низшей мифологии славянских народов. Но сюжет оказался актуальным также в городской среде Нового времени и стал частью новоанглийской культуры. Он высоко остенсивен; он спровоцировал длительную практику борьбы с «вампирами».

История Жеводанского зверя, с одной стороны, вписывается в контекст рассказов об экзотических и чудовищных существах, характерных для сенсационного материала эпохи Просвещения. В бостонской прессе XVIII в. можно найти, например, статьи о патагонских великанах или о «человеке-рыбе» из Испании. Но в Америке история Жеводанского зверя превратилась также в феномен городского фольклора. Известны сообщения, в которых рассказ о встрече с чудовищем перенесен из Франции в Нью-Йорк; это известный механизм актуализации бродячего сюжета.

Третий рассмотренный сюжет не имеет очевидной связи с европейской новостной повесткой. Это история о зараженном чае, типологически родственная современным сюжетам об отравленной или зараженной пище. Это также высоко остенсивный сюжет: в Америке 1770-х гг. происходило массовое уничтожение чая. «Бостонское чаепитие» – самый известный, но не единственный пример такого рода.

¹ Например, в городской легенде о жареной крысе в KFC присутствует приготовление еды, которое потребитель не может контролировать; приготовление еды этническими чужаками (мигранты – персонал заведений фастфуда); а также корпорация: Fine 1980.

Один из рассмотренных сюжетов прямо связан с текущей политикой: «черные легенды» о чае публикуются в ходе кризиса англо-американских отношений, спровоцированного Чайным актом 1773 г. Отсюда их остенсивный потенциал. Два других сюжета прямо с политикой не связаны, хотя интересны попытки вписать Жеводанского зверя в антикатолическую конспирологическую повестку. Тем не менее, он, видимо, оставался слишком локальным, чтобы породить устойчивую городскую легенду. Остенсивность и длительность бытования сюжета о вампирах обусловлена тем, что актуализировался в связи с чувством беспомощности перед неизлечимой болезнью, а также потерял свою изначальную восточноевропейскую локализацию.

Литература

Алексеевский М.Д. Автомобиль с ракетным двигателем: механизм распространения городских легенд в Интернете // Научный альманах «Традиционная культура». 2012. Т. 13. №3(47). С. 173–183. URL: http://www.trad-culture.ru/sites/default/files/files_pdf/Алексеевский%20М.%20Д._0.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

Архипова А.С., Кирзюк А.А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.

Архипова А.С., Радченко Д.А. О неизбежности городской легенды в нашей жизни // Фольклор и антропология города. 2018. Т. 1. №1. С. 14–17.

Байдуж М.И. История изучения городских суеверий во второй половине XIX – начале XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1. С. 196–202.

Вершинин С.Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы // Антиномии. 2001. №2. С. 58–72.

Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке. URL: https://thelib.ru/books/goldsmit_oliver/grazhdanin_mira_ili_pisma_kitayskogo_filosofa_prozhivayuschego_v_londone_svoim_druzyam_na_vostoke-read-19.html (дата обращения: 24.07.2023).

Горбатов Д.С. Городские легенды как психологический феномен // В мире научных открытий: науч. период. изд. Красноярск: НИЦ, 2009. № 5. С. 141–143. URL: <https://naukarus.com/gorodskie-legendy-kak-psiologicheskii-fenomen> (дата обращения: 25.07.2023).

Делюмо Ж. Ужасы на Западе. Москва: Голос, 1994. 413 с.

Кирзюк А.А. Сюжет – это симптом? Как фольклористы изучают городские легенды // Фольклор и антропология города. 2018. Т. 1. №1. С. 20–43.

Кириллова Е.Н. Модели мифологического сознания в английской раннеготической прозе // Мифологос. 2022. №2. С. 80–97.

Кирюхин Д.В. Эволюция образа короля Артура в сочинениях придворных авторов конца XV – начала XVI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. №4–3. С. 100–106.

Кирюхина Е.М. Образ короля Артура в книжной графике прерафаэлитов и их последователей // Мифологос. 2022. №3. С. 110–121.

Кормина Ж.В. Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России // Антропологический форум. 2015. №27. С. 142–175.

Best J., Horiuchi G.T. The Razor Blade in the Apple: The Social Construction of Urban Legends // *Social Problems*. Vol. 32. No. 5 (Jun. 1985). Pp. 488–499.

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. N.Y.: St. Martin's Press, 2002. 282 p.

Ellis B. Aliens, Ghosts, and Cults: Legends We Live. Jackson: University Press of Mississippi, 2001. 291 p.

Ellis B. De Legendis Urbis: Modern Legends in Ancient Rome // *The Journal of American Folklore*. Vol. 96. No. 380 (Apr. – Jun. 1983). Pp. 200–208.

Fine G.A. The Kentucky Fried Rat: Legends and Modern Society // *Journal of the Folklore Institute*. Vol. 17. No. 2/3, Special Double Issue: The America Theme in American Folklore (May – Dec., 1980). Pp. 222–243.

Grose F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. L.: S. Hooper, 1785. 182 p.

Moriceau J.M. Histoire du méchant loup: 3 000 attaques sur l'homme en France (XVe – XXe siècle). Paris: Fayard, 2007. 640 p.

Smith J.M. Monsters of the Gévaudan: The Making of a Beast. Cambridge, Mass.: Harvard University, 2011. 378 p.

The Boston Evening Post. 1765.

The Boston-Gazette, and Country Journal. 1765, 1773.

The Derby Mercury. 1796.

The Massachusetts Gazette and Boston News-Letter. 1765.

Voltaire. Dictionnaire philosophique: 4 vols. Paris: Garnier frères, 1878.

References

Alekseevsky M.D. A Car with a Rocket Engine: A Mechanism for Spreading Urban Legends on the Internet // Scientific almanac «Traditional Culture». 2012. Vol. 13, No. 3(47). Pp. 173–183. URL: http://www.trad-culture.ru/sites/default/files/files_pdf/Алексеевский%20М.%20Д._0.pdf (accessed: 24.07.2023). (In Russian).

Arkhipova A.S., Kirzyuk A.A. Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR. Moscow: New Literary Review Publ., 2020. 536 p. (In Russian).

Arkhipova A.S., Radchenko D.A. About the Inevitability of an Urban Legend in Our Life // *Folklore and Anthropology of the city*. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 14–17. (In Russian).

Baiduzh M.I. History of the Study of Urban Superstitions in the Second Half of the XIX – Beginning of the XXI Century. // *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2011. No. 1. Pp. 196–202. (In Russian).

Vershinin S.E. The Phenomenon of Distrust in the Context of Post-Soviet Society: Towards the Formulation of the Problem // *Antinomy*. 2001. No. 2. Pp. 58–72. (In Russian).

Goldsmith O. The Citizen of the World: or, Letters from a Chinese Philosopher, Residing in London, to his Friends in the East. URL: https://thelib.ru/books/goldsmith_oliver/grazhdanin_mira_ili_pisma_kitayskogo_filosofa_prozhivayuschego_v_londone_svoim_druzyam_na_vostoke-read-19.html (accessed: 24.07.2023). (In Russian).

Gorbatov D.S. Urban Legends as a Psychological Phenomenon // In the World of Scientific Discoveries: scientific period. ed. Krasnoyarsk: SIC Publ., 2009. No. 5. Pp. 141–143. URL: <https://naukarus.com/gorodskie-legendy-kak-psihologicheskii-fenomen> (accessed: 25.07.2023). (In Russian).

Delumeau J. Horrors in the West. Moscow: Golos Publ., 1994. 413 p. (In Russian).

Kirzyuk A.A. Is the Plot a Symptom? How Folklorists Study Urban Legends // Folklore and anthropology of the city. 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 20–43. (In Russian).

Kirillova E.N. Models of Mythological Consciousness in English Early Gothic Prose // Mythologos. 2022. No. 2. Pp. 80–97. (In Russian).

Kiryukhin D.V. The Evolution of the Image of King Arthur in the Writings of Court Authors of the Late XV – Early XVI Century. // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2013. No.4–3. Pp. 100–106. (In Russian).

Kiryukhina E.M. The Image of King Arthur in the Book Graphics of the Pre-Raphaelites and Their Followers // Mythologos. 2022. No. 3. Pp. 110–121. (In Russian).

Kormina Zh.V. Killer Yeast: Gastronomic Conspiracy Theory and Culture of Distrust in Modern Russia // Anthropological Forum. 2015. No.27. Pp. 142–175. (In Russian).

Best J., Horiuchi G.T. The Razor Blade in the Apple: The Social Construction of Urban Legends // Social Problems. Vol. 32. No. 5 (Jun. 1985). Pp. 488–499.

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. N.Y.: St. Martin's Press, 2002. 282 p.

Ellis B. Aliens, Ghosts, and Cults: Legends We Live. Jackson: University Press of Mississippi, 2001. 291 p.

Ellis B. De Legendis Urbis: Modern Legends in Ancient Rome // The Journal of American Folklore. Vol. 96. No. 380 (Apr. – Jun. 1983). Pp. 200–208.

Fine G.A. The Kentucky Fried Rat: Legends and Modern Society // Journal of the Folklore Institute. Vol. 17. No. 2/3, Special Double Issue: The America Theme in American Folklore (May – Dec., 1980). Pp. 222–243.

Grose F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. L.: S. Hooper, 1785. 182 p.

Moriceau J.M. Histoire du méchant loup: 3 000 attaques sur l'homme en France (XVe – XXe siècle). Paris: Fayard, 2007. 640 p.

Smith J.M. Monsters of the Gévaudan: The Making of a Beast. Cambridge, Mass.: Harvard University, 2011. 378 p.

The Boston Evening Post. 1765.

The Boston-Gazette, and Country Journal. 1765, 1773.

The Derby Mercury. 1796.

The Massachusetts Gazette and Boston News-Letter. 1765.

Voltaire. Dictionnaire philosophique: 4 vols. Paris: Garnier frères, 1878.

Сведения об авторе:

Филимонова Мария Александровна

ведущий научный сотрудник Центра изучения США ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

e-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Bionotes:

Filimonova Maria Aleksandrovna

Leading Researcher at the Center for the Study of the United States, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences (Kursk, Russia).

Для цитирования:

Филимонова М.А. Пресса американского просвещения и городские легенды XVIII века // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 32–42.

For citation:

Filimonova M.A. Press of the American Enlightenment and Urban legends of the XVIII Century // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 32–42.

УДК 93/94

МИФЫ АМЕРИКАНСКОГО ДОВОЕННОГО ЮГА

Алентьева Татьяна Викторовна

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Аннотация

Обострение в современном американском обществе проблем афроамериканского населения вызвало настоящую войну с памятниками конфедератам, сражавшимся в Гражданскую войну 1861–1865 годов за независимость Юга и сохранение рабства. Одновременно это был протест против мифологизированного образа предвоенного Юга, позволяющего представлять Южную Конфедерацию в идеализированном виде, а ее защитников в образе благородных рыцарей, сражавшихся за свой особый образ жизни. Анализ и деконструкция южных мифов составляет важную и актуальную задачу научного исследования с позиций принципов диалектического познания действительности. Рассмотрение наиболее живучих южных мифов о кавалерах, греческой демократии, земледельческом рае, «короле-хлопке», южной плантации приводит к выводам об их исторической несостоятельности. В то же время они составляли основу южной идеологии, южного национализма, создавали матрицу особой южной предвоенной культуры.

Ключевые слова: США, XIX век, Гражданская война, мифы Юга

MYTHS OF THE ANTEBELLUM AMERICAN SOUTH

Alentieva Tatiana Victorovna

Kursk State University (Kursk, Russia)

Abstract

In recent years Afro-American problems in modern USA have aggravated. It was accompanied by a kind of war with monuments to the Confederates who fought in the Civil War of 1861–1865 for the independence of the South and the preservation of slavery. At the same time, it was a protest against the mythologized image of the antebellum South, which allows representing the Southern Confederation in an idealized form, and its defenders in the image of noble knights who fought for their special way of life. The analysis and deconstruction of Southern myths is an important and urgent task for scientific research according to the principles of dialectical cognition of reality. The most tenacious Southern myths about cavaliers, Greek democracy, agricultural paradise, the «King Cotton», the Southern plantation are considered in this article. The myths evidently were a failure from the historical point of view. At the same time, the myths formed the basis of Southern ideology, Southern nationalism, and created a matrix of a special Southern antebellum culture.

Keywords: USA, XIX century, Civil War, myths of the South

Введение (Introduction)

Актуальность изучения мифологии предвоенного американского Юга не подлежит сомнению, поскольку до сих пор не только в исторической науке не утихают споры о предпосылках и причинах Гражданской войны в США, самого кровавого конфликта в их истории. Но и американское общество раздирают

противоречия в связи с оценками противоборствующих сторон конфликта, что наглядно показала борьба с памятниками конфедератам и движение BLM («Черные жизни имеют значение»). Война с памятниками в США в 2017 и 2020 гг. наглядно подтвердила живучесть южных мифов в сознании части американского общества. В связи с этим важнейшей задачей исследователя является изучение мифологии американского предвоенного Юга, ее истоков и влияния на идентичность и ментальность южан. Решение данной проблемы – цель статьи. При этом задачей для исследователя является доказательство несостоятельности южных мифов.

Методы (Methods)

Для критического анализа исторических мифов необходим диалектический подход, использование принципов объективности и историзма. Из специальных исторических методов были использованы: историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, ретроспективный методы, позволяющие проследить эволюцию, выявить особенности и характерные черты, установить связь с современностью американских южных мифов до Гражданской войны.

Литературный обзор (Literature Review)

Изучение современной американской историографии убеждает в том, что существует мощное направление «южной школы», доказывающее существование особой цивилизации Юга, историческую правоту южан. «Кавалер и янки» Уильяма Тейлора была одной из первых работ, в которой автор реконструировал основы американской идентичности, предшествовавшей Гражданской войне, анализировал литературу и культуру Юга. Историки-южане Э. Крэвен, Д. Маккарделл, Р. Торнтон весьма настойчиво доказывали существование самостоятельной южной нации, ее право на отделение от Союза [Craven 1953; McCardell 1981; Thornton 2000]. Американский Юг, как считает А. Нортон имел собственную социокультурную модель, основанную на аграрном типе хозяйствования [Norton 1986: 116]. Историк Д. Фауст полагает, что Южная конфедерация имела свою собственную национальную идентичность и могла бы положить начало складыванию особой нации североамериканских южан [Faust 1988: 2–7]. Р. Каррент пишет, что южане хотели сохранить свою самобытность и сопротивлялись «осеверянию». Некоторые историки, защищая особую идентичность Юга, даже вводят такой термин как «southernism» [Current 1983: 17]. Также популярными были темы, связанные с гендерными исследованиями [Clinton 1983]. В той или иной мере, американские исследователи затрагивали мифологию южан, появилось несколько статей, объединенных в сборник «Миф и южная история» [Myth and Southern History 1989].

Внимание отечественных американистов в настоящее время переключилось на анализ южной социокультурной модели с позиций цивилизационного подхода, наряду с интересом к ментальности и идентичности южан, а не только в свете марксистской парадигмы, как это делалось ранее [Супоницкая 2018; Пазенко 2004; Алентьева 1999; Алентьева 2000; Алентьева 2003]. Тем не менее мифологию Юга отечественные историки не затрагивали. Изучением «южного мифа» активно занимались литературоведы, рассматривая творчество отдельных американских писателей [Морозова 2004]. Анализ достижений американских и российских исследователей приводит к выводу, что исследования истории и культуры Юга, его инаковости создали хорошую основу для изучения южной мифологии, что является в настоящее время настоящей задачей исследователя.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

В канун Гражданской войны как Север, так и Юг, соглашались с тем, что две ветви американской цивилизации породили два различных типа человеческого характера [Мюррин 1997: 48]. Существенные различия между двумя секциями отмечали многие современники. Оценивая характеры северян и южан, Джордж Макклелан, будущий главнокомандующий Севера в Гражданской войне, писал в своих мемуарах, что до войны ни северяне, ни южане не понимали друг друга. «Большие различия существовали в социальной организации и привычках, – отмечает он. – На Юге обычай носить и использовать по любому поводу смертоносное оружие, редкие поселения, безделье и безрассудность большинства невежественных белых, притязание на естественное расовое господство ... и в то же время кичливость и подчеркивание превосходства по отношению к предприимчивым, миролюбивым и законопослушным северянам... Оба народа заблуждались относительно друг друга» [McClellan 2009: 30].

Растущая диверсификация двух секций вела к закреплению в общественном мнении каждой собирательных образов-стереотипов с набором положительных и негативных дефиниций. Кузен Родерик – образ южанина-джентльмена, элегантного денди, владельца плантации, рабов и акций. Братец Джонатан – янки, деловитый, прагматичный, умеющий не упустить свою выгоду в любой ситуации. Утверждения об особой цивилизации Юга охотно развивали южные пропагандисты, стремясь закрепить эту мысль в общественном мнении южан путем постоянного повторения. Журнал «De Bow's Review» писал: «Развитие и перспективы северной и южной секций Союза привлекают величайшее внимание. Каждая имеет свою специфичную форму цивилизации... Их противостояние внутри одной конфедерации назревало долго, но теперь оно стало определяющим» [De Bow's Review 1857: 623]. Из номера в номер публиковались статьи, сопоставляющие две различные социокультурные модели. Путем непрерывного повторения у читателей складывался устойчивый стереотип о неполноценности Севера, несмотря на все его экономические успехи. В южной периодике подчеркивались «распушенность и свобода нравов северян: в религиозной сфере – церковь вовлечена в бизнес, в области женских прав – доминирует проповедь свободной любви и спиритуализма, в литературе – погоня за сенсационностью и низкопробность». Еще более негативно северные штаты воспринимались в связи с тем, что их настойчиво изображали, как рассадник аболиционизма, источник всяких реформаторских призывов и опасных теорий. Образ Севера изображался крайне негативно, как рассадник религиозного безверия, населенный служителями Мамоны, озабоченными только погоней за богатством. Северян сравнивали с разбойниками и негодьями, варварами и вандалами, готовыми под прикрытием красивых слов о «свободе и союзе» поработить и ограбить Юг.

Постоянное сравнение двух секций, подчеркивание их непреодолимых различий становится действенным манипулятивным приемом. Как отмечает Энн Рубин, демонизация северян, страхи расового смешения, «черного правления», постоянное подчеркивание отличия южной культуры, формирование чувства принадлежности к особой региональной и национальной общности происходило главным образом через печать (газеты и журналы). Однако немаловажную роль играли листовки, плакаты, песни, поэмы, романы и повести и, конечно, персональная корреспонденция, слухи и сплетни [Rubin 2007: 11–12]. Особую роль в отторжении северной социокультурной модели для южан играли тщательно

конструируемые и растиражированные мифы. Южные идеологи старательно формировали идеологическую утопию, способную системно закрепить весь набор разрабатываемых ими и пропагандируемых мифологем: («миф о кавалерах», «плантаторский миф», миф о белой леди – «хозяйке большого дома», «миф о земледельческом рае», «миф об античной демократии», «миф о короле-хлопке» и т.д.). Все они служили созданию большого «южного мифа», призванного закрепить инаковость Юга, сформировать в дихотомии свой/чужой целостную картину счастливого, процветающего южного общества джентльменов, противопоставляемого коммерческому, погрязшему в погоне за наживой, раздираемому социальными противоречиями Северу торгашей.

«Южный миф» – это набор повествований, легенд, вымышленных историй, стереотипов, клише, который берет свое начало со времени заселения англичанами американского континента. До Гражданской войны южное мифотворчество базировалось на развитии идеологии южного национализма, создании особого, отличного от Севера, общества, после войны ностальгия стала главным ингредиентом мифотворчества. Поскольку южане изображали себя иными, другими, мифотворчество служило основанием и оправданием этой дихотомии в довоенные и военные времена. После войны мифотворчество использовалось для пропаганды былой славы Юга, оправданием его «проигранного дела». Современное южное мифотворчество, продолжающее транслировать и развивать ранее созданные мифы предвоенного Юга можно классифицировать как коммерциализацию мифов [Thompson 2008: 596.].

Одним из первых на Юге складывается Миф о кавалерах, особом рыцарстве южан, кодексе чести южных джентльменов. Как отмечали многие историки, южные колонии основывались главным образом английскими дворянами – «стюартовскими кавалерами». Южане искали свои исторические корни в оппозиции кавалеров-роялистов пуританскому правлению в Англии в период революции XVII в. Популярный образ круглоголового как на Севере, так и на Юге, представлялся как образец благочестия, строгости, дисциплины и подавления естественных страстей. Зато кавалеры, наоборот, были не религиозны, легкомысленны, не умерены в еде и выпивке, одержимы страстями и недисциплинированы. Образ английского кавалера, принятый южанами, был символическим отторжением пуританской культурной традиции и связанной с ней идеологии и ценностей. Представленный в дихотомии Cavalier/Roundhead, образ кавалера приобретал особое значение [Алентьева 2003: 105–108].

Собственно, это было не случайно, так как аграрный характер цивилизации Юга придавал ему некоторое сходство со средневековой Европой. На Юге возрождался как бы рыцарский культ, выразившийся в исключительно развитом чувстве чести, увлечении войной и военным делом, привязанности к семье, идеализации женщины (конечно, настоящей леди) и поклонении ей. На Севере честь означала богатство, респектабельность, занятия бизнесом и коммерческой деятельностью. Атрибутами рыцарского культа на Юге являлись владение оружием, верховая езда, различные соревнования, особый этикет. Южане традиционно поставляли стране военных министров, высших офицеров и даже президентов. Из 15 довоенных президентов 9 родились на Юге.

В то же время чувство чести южан не следует идеализировать, его понимание было весьма специфично. Не случайно, на Юге прославлялся культ насилия и жестокости, популярными были дуэли. А для того, чтобы держать рабов

в повиновении, создавались особые полувоенные формирования наподобие «Рыцарей золотого круга», предшественников современного Ку-клукс-клана.

Конструирование мифов зависит от их репрезентации, поэтому мифологические системы обычно передаются с помощью образов, символов и аллегорий. По этой причине важным инструментом в развитии и поддержании идеологических мифологических систем является художественная литература. В 1834 г. появляется книга южанина Уильяма Карузерса «Кавалеры Виргинии. Жизнь аристократии XVII века». Автор утверждал, что английские кавалеры были «основателями аристократии, которая существует до настоящего времени. Они являлись непосредственными предками бесстрашной расы людей, этой великодушной и благородной породы любителей охоты на лис, хорошего вина, дуэлей... Они создали особый характер виргинца, узнаваемый повсюду» [Caruthers 2012: 35]. Свои идеи о южном рыцарстве У. Карузерс развил и в другом романе «Рыцари золотой подковы» (1841).

Южане, по их собственным словам, не желали тратить энергию на различные занятия, требующие умственных усилий, и культивировали лишь одно из величайших искусств – искусство жить приятно. Различные состязания, обеды и балы в Виргинии, охота на лис в долине Шенандоа, неделя скачек в Чарльстоне, театры и карнавалы в Новом Орлеане были не менее важны, чем дела на плантации, политика и науки. Южный идеал, согласно сложившимся представлениям, максимально приближался к образу жизни английского джентльмена XVIII столетия [Southern Literary Messenger. 1848: 470–475]. О сходстве южан с европейскими дворянами неоднократно упоминают путешественники из Европы. В их сравнениях северяне-янки предстают алчными и грубыми, а кавалеры-южане – утонченными аристократами и джентльменами. Такие утверждения охотно подхватывали южные публицисты. Вот что писал в своей известной книге участник Гражданской войны Э. Поллард: «Рабство способствовало созданию на Юге особого и благородного типа цивилизации... Характер и обычаи южан, иногда склонные к жестокости ...тем не менее, по большей части, исполнены понятий рыцарства, благородных манер, великодушных, щедрых, доблестных черт» [Pollard 2014: 50–52]. Эти стереотипы были весьма приблизительны и не вполне вскрывали подлинные различия двух регионов. Социум Юга был достаточно сложным из-за постоянно существовавшей здесь антиномии: свободные белые – черные рабы. Большую часть белого населения Юга составляли мелкие фермеры и бедняки, презрительно именуемые «белой швалью».

Кроме того, в условиях усилившегося аболиционистского «вызова» Севера неизбежно должен был следовать «ответ» Юга, подчеркивавший его инаковость, его право быть «другим». В произведениях южных писателей, особенно У.Г. Симмса, складываются основные контуры Юга как «страны в стране» и входят в постоянный обиход понятия «южная история», «южная культура» и «южная литература» [Алентьева 2006: 92–94]. В рамках формирующейся оппозиции свое/чужое, мы/другие возникает осознание культурной самобытности Юга, отторгающей ментальность и ценности Севера.

Южное общество складывалось как сугубо аграрное, сельское, и таким оно оставалось длительное время. Аграрный тип хозяйства был признанным источником образцов и образов южного политического дискурса, основным компонентом в южной концепции идентичности, в формировании южных

мифологем. Именно это обращало взоры южан к идеологии времен Войны за независимость, так как для всей Америки тогда было характерно доминирование сельского хозяйства, сохранение ряда черт традиционного общества. Южане рассматривали себя непосредственно как защитников этого революционного «старого режима», а Юг как регион, приверженный классическому республиканизму [Oakes 1985: 567–569]. Следуя заветам Т. Джефферсона, они стремились законсервировать аграрный тип экономики, что позволяло олицетворять себя античными Афинами.

Политический дискурс южан отображал их приверженность идеалам античности. Отсюда следовала популярность Мифа об античной демократии, возрожденной на американском Юге. Проецируя принципы афинской демократии на американское общество, идеологи южан стремились доказать, что особый институт Юга не противоречит идеалам свободы. Довольно распространенным становится обращение к образцам греческой и римской истории, что нашло свое отражение в названиях многих американских городов (Троя, Афины, Ганнибал, Сиракузы и т.д.). Концепция гуманной демократии, высокой культуры, освобожденной от ограничивающих ее требований экономики, с тем, чтобы заняться созданием благородной южной цивилизации, особой рафинированной культуры, являлась идеалом достаточно привлекательным при сравнении с мечтой Севера об индустриализации, основанной на эксплуатации наемного труда [Паррингтон 1963: 102]. Основой этой цивилизации должна была стать демократия для всех белых, независимо от их материального положения. По этой концепции предприимчивый мелкий фермер мог достигнуть высокого положения джентльмена-плантатора и обеспечить своим детям достаток, который открыл бы им путь к полноценному гражданству, в то время как на самом деле положение отдельных слоев белого населения было совершенно различным [Russell 1973: 161–163].

С самого начала колонизация Юга была скорее не религиозной, а коммерческой, деловой. Колонисты приезжали сюда не строить новый мир, создавать «Град на холме», как новоанглийские пуритане. Они не стремились к изоляции от Европы и были заинтересованы в теснейшем торговом общении с Англией. Свидетельством коммерческой ориентации было возделывание товарных культур – индиго, риса, табака, позднее хлопка, предназначенных на европейские рынки. Южное общество складывалось как сугубо аграрное, сельское. Отсюда росли корни Мифа о земледельческом рае. По уверениям южных идеологов, это было стабильное сельскохозяйственное общество, возглавляемое отечески добрыми белыми плантаторами, которые относились к своим рабам как к своей собственной семье. Все были счастливы, и у них было все, что им было необходимо. Как на самом деле обстояли дела на Юге с экономической точки зрения дает представление следующая зарисовка, сделанная писателем XIX века Г. Грейди, при описании похорон в округе Пикенс, штат Джорджия. «Могилу рыли в мраморной каменоломне, но надгробие привезли из Вермонта, дело происходило в полосе сосновых лесов, но деревянный гроб был сделан в Цинциннати; кладбище было недалеко от железорудной шахты, но гвозди и лопаты были питтсбургского производства, рядом паслись тысячи овец, но саван был соткан в Массачусетсе. “Юг дал только тело и яму”» [Смирнягин 1989: 163–164].

Сельское хозяйство воспринималось южанами, как способ культивировать гражданские добродетели и устанавливать препятствия для правительственной

коррупции и расширения необоснованных претензий со стороны центральной власти. При этом следует упомянуть еще один термин – «Хлопковое царство», которое, также является элементом южной мифологии. Хлопок использовался как неперенный символ южного ландшафта. Бесконечные хлопковые поля символизировали богатство и процветание Юга. Перевороту в хлопководстве в огромной степени способствовало изобретение хлопкоочистительной машины Э. Уитни. Культура хлопка становится основной сельскохозяйственной культурой южного региона. Юг приобретает монополию снабжения хлопком мирового рынка [Алентьева 2020: 65–66]. Показательна в этом плане знаменитая речь плантатора и политика Дж. Хэммонда о «короле-хлопке», произнесенная в сенате США в 1858 году: «Но разве нет другой причины, почему мы никогда не будем иметь войны, как той, что любая нормальная нация не может воевать с хлопком? Не сделав ни одного выстрела, не обнажив меча, если они прибегнут к войне с нами, мы можем поставить на колени весь мир... Что случится, если не будет поставок хлопка в течение трех лет? ... Англия ниспроверглась бы в пропасть, увлекая за собой весь цивилизованный мир... Нет, вы не осмелитесь воевать с хлопком. Никакая власть на земле не посмеет воевать с ним. Хлопок – это король» [Hammond 2018: 311–322]. Южная пресса искусно создавала образ процветающего хлопкового королевства, формируя в южном сознании представление о собственной значительности.

Большим спросом на довоенном Юге пользовалась литература о жизни и нравах плантации, подобно романам Джорджа Такера «Долина Шенандоа» (1824), Джона П. Кеннеди «Суоллоу Барн» (1832), Уильяма Карузера «Кентуккиец в Нью-Йорке» (1834), Огастеса Лонгстрита «Картинки Джорджии» (1835) и Джона Кука «Виргинские комедианты» (1854). Таким образом складывался Миф о южной плантации, как главной экономической составляющей, хозяйственной и культурной ячейки общества. Идеализированная картина благополучия и изобилия, патерналистских отношений между рабами и их хозяевами, создавалась не только современниками, но и последующими историческими сочинениями, усилиями писателей-южан, достаточно вспомнить нашумевший роман М. Митчелл «Унесенные ветром», образами, создаваемыми кинематографистами Голливуда.

В реальности на предвоенном американском Юге доминировали идеи и утвердились стереотипы, свойственные господствующей экономически и политически верхушке – крупным плантаторам, рабовладельческой аристократии, которые в численном отношении составляли очень небольшой процент населения: 200 тыс. чел. из 11,13 млн. населения 15 рабовладельческих штатов. В 1860 г. плантаторов, имевших более 20 рабов, было всего 46,3 тыс. чел., с числом рабов более 50 – 10,7 тыс. [Olmsted 1983: 541; Алентьева 2020: 66].

Предвоенный Юг не являл собой идиллическую картину, представленную в красочных мифологемах. Рабовладельцы постоянно опасались восстаний рабов, поэтому на всей территории южных штатов господствовал полувоенный режим с особой системой пропусков для негров и постоянным патрулированием.

Заключение (Conclusions)

Перед Гражданской войной на американском Юге происходит становление регионального самосознания, идет процесс культурной самоидентификации, выразившейся в мифологизации прошлого, поиске архетипов и политических идей, способных противостоять Северу. Создается целый набор пропагандируемых мифологем: «миф о кавалерах», «плантаторский миф», «миф об античной

демократии» и другие. Именно мифологически стереотипное восприятие массовым сознанием южан существующих реалий обуславливает «инаковость» Юга по сравнению с Севером в предвоенное время. В этот период значительно усилилась пропаганда южан, целью которой было представить рабство в виде благодеяния для афроамериканцев. Эти мифы оказались востребованными в период Гражданской войны и после ее окончания. Они не преодолены до сих пор в сознании части американцев, что ярко демонстрируют войны с памятниками конфедератам в наши дни. Они до сих пор являются не только частью американской национальной памяти, но и входят составной частью в ее культурные коды, в то, что определяется как коллективное бессознательное [Ставицкий 2019: 47–60]. Кроме того, южные мифы успешно коммерциализируются и порождают туристический бум. Все это доказывает, что преодоление мифов, их деконструкция является весьма сложной проблемой.

Литература

Алентьева Т.В. Писатель и журналист Юга У.Г. Симмс: от теории южного национализма к сецессии // Американский ежегодник, 2004. Москва: Наука, 2006. С. 90–119.

Алентьева Т.В. Общественное мнение в США в преддверии Гражданской войны (1850–1861 гг.). Москва: ИНФРА-М, 2020. 359 с.

Алентьева Т.В. Национальная идентичность Юга США перед Гражданской войной // Время и человек в зеркале гуманитарных исследований: в 2 т. / под ред. А.В. Репринцева. Т. 1. Курск: Изд-во КГУ, 2003. С. 105–108.

Алентьева Т.В. Сецессия Юга как отражение менталитета южан // Профессионалы за сотрудничество. Вып. 3. М.: Московский проект «Кеннан», Книжный дом «Университет», 1999. С. 263–274.

Морозова И.В. «Южный миф» в произведениях писательниц Старого Юга. Санкт-Петербург: Изд. СПбГУ, 2004. 247 с.

Мюррин Дж. Война, революция и формирование нации: американская революция в сопоставлении с гражданской войной // Американский ежегодник, 1997. Москва: Наука, 1997. С. 21–54.

Пазенко Е.А. «Остров Юг». К вопросу о культурной самоидентификации южан США в первой половине XIX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2004. №1. С. 70–79.

Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли: в 3 т. Москва: Издательство иностранной литературы, 1963. Т. 2.

Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. Москва: Мысль, 1989. 384 с.

Ставицкий А.В. Роль мифа в современном обществе // Ценности и смыслы. 2019. № 3 (61). С. 47–60.

Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. Москва: Editorial URSS, 2018. 232 с.

Caruthers W.A. The Cavaliers of Virginia or the Recluse of Jamestown. A Historical Romance of the Old Dominion: 2 vols. N.Y.: Gale, Sabin Americana, 2012. Vol. 1.

Clinton C. Myths of Southern women seen; The Plantation Mistress: Woman's World in the Old South. N.Y.: Pantheon, 1984. 331 p.

- Craven A.* The Growth of Southern Nationalism. 1848–1861. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1953. 433 p.
- Current R.N.* Northernizing the South. Athens: University of Georgia Press, 1983. 147 p.
- De Bow's Review.* Vol. 22. N 6. June 1857.
- Faust D.G.* The Creation of Confederate Nationalism. Ideology and Identity in the Civil War South. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988. 110 p.
- Hammond J.H.* Selections from the Letters and Speeches of the J.H. Hammond of South Carolina / ed. by C.N. Wilson. N.Y.: Forgotten Books, 2018. 378 p.
- McCardell J.* The Idea of the Southern Nation. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1981. 416 p.
- McClellan G.B.* McClellan's Own Story. The War for the Union. Ithaca, New York: Cornell University Library, 2009. 710 p.
- Myth and Southern History.* Essays with a mythic perspective on the antebellum American South: 2 vols. / ed. by P. Gerster, N. Cords. Champaign: Illinois Press Edu, 1989.
- Norton A.* Alternative Americas: A Reading of Antebellum Political Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 363 p.
- O'Brien M.* Rethinking the South. Essays in Intellectual History. Athens: University of Georgia Press, 1993. 288 p.
- Oakes J.* From Republicanism to Liberalism: Ideological Change and the Crisis of Old South // *American Quarterly.* Fall 1985. Vol. 37. N 6. P. 567–569.
- Olmsted F.L.* The Cotton Kingdom. N.Y.: McGraw-Hill Humanities, 1983. 624 p.
- Ousterweis R.G.* Romanticism and Nationalism in the Old South. New Haven: Yale University Press, 1949. 275 p.
- Pollard E.A.* The Lost Cause. A New Southern History of the War of the Confederates. N.Y.: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 530 p.
- Rubin A.S.* A Shattered Nation. The Rise and Fall of the Confederacy. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007. 336 p.
- Russel R.* Critical Studies in Antebellum Sectionalism. Westport: Praeger, 1973. 223 p.
- Southern Literary Messenger.* Vol. 14. N 8. Aug. 1848.
- Thompson C., Tian K.* Reconstructing the South: How Commercial Myths Compete for Identity Value through the Ideological Shaping of Popular Memories and Countermemories // *Journal of Consumer Research.* Vol. 34. February 2008. P. 595–602.
- Thornton R.G.* The Southern Nation: The New Rise of the Old South. N.Y.: Pelican Publishing Company, 2000. 256 p.

References

- Alenteva T.V.* Pisatel i zhurnalist Yuga U.G. Simms: ot teorii yuzhnogo natsionalizma k setsessii [Writer and Journalist of the South W.G. Simms: from the Theory of Southern Nationalism to Secession] // *Amerikanskiy ezhegodnik,* 2004. M.: Nauka, 2006. S. 90-119. (In Russian).
- Alenteva T.V.* Obschestvennoe mnenie v SShA v preddverii Grazhdanskoy voyni (1850–1861 gg.). [Public Opinion in the United States on the Eve of the Civil War (1850–1861).] M.: INFRA-M Publ., 2020. 359 s. (In Russian).

Alenteva T.V. The National Identity of the South of the United States before the Civil War // *Vremya i chelovek v zerkale gumanitarnyih issledovaniy* / Pod red. A.V. Reprintseva. V 2 t. T. 1. Kursk: Izd-vo KGU Publ., 2003. Pp. 105–108. (In Russian).

Alenteva T.V. Secession of the South as a Reflection of the Southern Mentality // *Professionalnyi za sotrudnichestvo. Vyip. 3*. M.: Moskovskiy proekt «Kennan», Knizhnyiy dom «Universitet», 1999. Pp. 263–274. (In Russian).

Morozova I.V. "Southern Myth" in the Works of Female Writers of the Old South. SPb.: Izd. SPbGU Publ., 2004. 247 p. (In Russian).

Murrin J. War, Revolution and the Formation of a Nation: the American Revolution in Comparison with the Civil War // *Amerikanskiy ezhegodnik*, 1997. M.: Nauka Publ., 1997. Pp. 21–54. (In Russian).

Pazenko E.A. «Ostrov Yug». K voprosu o kulturnoy samoidentifikatsii yuzhan SShA v pervoy polovine XIX v. ["South Island". On the Question of the Cultural Self-identification of the Southerners of the USA in the First Half of the XIX Century.] // *Rossiya i ATR. Vladivostok*, 2004. No. 1. Pp. 70–79. (In Russian).

Parrington V.L. Main Currents in American Thought. M.: Izdatelstvo inostrannoy literaturyi, 1963. T. 2. (In Russian).

Smirnyagin L.V. Districts of the USA: a Portrait of Modern America. M.: Myisl Publ., 1989. 384 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. The Role of Myth in Modern Society // *Tsenosti i smyislyi*. 2019. No. 3 (61). Pp. 47–60. (In Russian).

Suponitskaya I.M. The Antinomy of the American South: Freedom and Slavery. M.: Editorial URSS Publ., 2018. 232 s. (In Russian).

Bruce C. White Society in the Antebellum South. L.-N.Y.: Addison-Wesley Longman Ltd. Publ., 1985. 216 p.

Caruthers W.A. The Cavaliers of Virginia or the Recluse of Jamestown. A Historical Romance of the Old Dominion: In 2 Vols. N.Y.: Gale, Sabin Americana, 2012.

Clinton C. Myths of Southern women seen; The Plantation Mistress: Woman's World in the Old South. N.Y.: Pantheon, 1984. 331 p.

Craven A. The Growth of Southern Nationalism. 1848-1861. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1953. 433 p.

Current R.N. Northernizing the South. Athens: University of Georgia Press, 1983. 147 p.

De Bow's Review. Vol. 22. N 6. June 1857. P. 623.

Faust D.G. The Creation of Confederate Nationalism. Ideology and Identity in the Civil War South. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988. 110 p.

Hammond J.H. Selections from the Letters and Speeches of the J.H. Hammond of South Carolina / ed. by C.N. Wilson. N.Y.: Forgotten Books, 2018. 378 p.

Hundley D.R. Social Relations in our Southern States / ed. by W.J. Cooper, Jr. Baton Rouge-L.: Louisiana State University Press, 1979. 378 p.

McCardell J. The Idea of the Southern Nation. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1981. 416 p.

McClellan G.B. McClellan's Own Story. The War for the Union. Ithaca, New York: Cornell University Library, 2009. 710 p.

Myth and Southern History. Essays with a mythic perspective on the antebellum American South: 2 vols. / ed. by P. Gerster, N. Cords. Champaign: Illinois Press Edu, 1989.

- Norton A.* Alternative Americas: A Reading of Antebellum Political Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 363 p.
- O'Brien M.* Rethinking the South. Essays in Intellectual History. Athens: University of Georgia Press, 1993. 288 p.
- Oakes J.* From Republicanism to Liberalism: Ideological Change and the Crisis of Old South // American Quarterly. Fall 1985. Vol. 37. N 6. P. 551–571.
- Olmsted F.L.* The Cotton Kingdom. N.Y.: McGraw-Hill Humanities, 1983. 624 p.
- Ousterweis R.G.* Romanticism and Nationalism in the Old South. New Haven: Yale University Press, 1949. 275 p.
- Pollard E.A.* The Lost Cause. A New Southern History of the War of the Confederates. N.Y.: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 530 p.
- Rubin A.S.* A Shattered Nation. The Rise and Fall of the Confederacy. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007. 336 p.
- Russel R.* Critical Studies in Antebellum Sectionalism. Westport: Praeger, 1973. 223 p.
- Southern Literary Messenger. Vol. 14. N 8. Aug. 1848. P. 470–475.
- Thompson C., Tian K.* Reconstructing the South: How Commercial Myths Compete for Identity Value through the Ideological Shaping of Popular Memories and Countermemories // Journal of Consumer Research. Vol. 34. February 2008. P. 595–602.
- Thornton R.G.* The Southern Nation: The New Rise of the Old South. N.Y.: Pelican Publishing Company, 2000. 256 p.

Сведения об авторе:

Алентьева Татьяна Викторовна

профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

E-mail: alenttv@mai.ru

Bionotes:

Alentieva Tatyana Viktorovna

Professor, Department of World History, Kursk State University, Doctor of History, Professor (Kursk, Russia).

Для цитирования:

Алентьева Т.В. Мифы американского довоенного юга // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 43–53.

For citation:

Alentieva T.V. Myths of the American Pre-war South // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 43–53.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В ТРАДИЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ

УДК 930.2 (167.2)

DOI:

МИФОЛОГЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Буровский Андрей Михайлович
ООО «КИФАБ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Историческая самоидентификация человека – то есть присоединение индивида к исторической общности, происходит двумя основными способами: присоединением к государству, и присоединением к этносу. Оба способа, конечно, мифологичны: независимо от реального происхождения человека, они обеспечивают ему самоопределение в истории, чувство принадлежности к чему-то большому, без чего его собственная жизнь обесмысливается.

Оба способа внутренне противоречивы, и к тому же создают дополнительные сложности. Часть населения страны неизбежно не «вписывается» в любой вариант самоопределения.

На взгляд автора, интересным выходом может стать хорологический, то есть территориальный подход. Он не менее мифологичен, но позволяет объединяться всем обитателям данной территории, независимо от подданства и национальной принадлежности. Этот подход начал применяться в США, но в России он может дать даже лучшие результаты.

Ключевые слова: самоидентификация; территория; народы; государства; история; мифология

MYTHOLOGEMES OF HISTORICAL SELF-IDENTIFICATION

Burovsky Andrey Mihaylovich
KIFAB LLC (Saint Petersburg, Russia)

Abstract

The historical self-identification of a person - that is, the accession of an individual to a historical community, occurs in two main ways: by joining a state, and by joining an ethnic group. Both ways, of course, are mythological: regardless of the real origin of a person, they provide him with self-determination in history, a sense of belonging to something big, without which his own life is meaningless.

Both methods are internally contradictory, and also create additional difficulties. Part of the country's population inevitably does not "fit" into any variant of self-determination.

In the author's opinion, a chorological, that is, a territorial approach, can become an interesting way out. It is no less mythological, but it allows all the inhabitants of a given territory to unite, regardless of citizenship and nationality. This approach has started in the United States, but in Russia it may give even better results.

Keywords: self-identification; territory; peoples; states; history; mythology

...И никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе.

Введение (Introduction)

Историческое знание мифологично по определению. Известные из истории личности, политические деятели даже сами народы неизбежно идеализируются или очерняются. Историческая общность, к которых человек причисляет себя и которую он считает своими предками, по неизбежности мифологический конструкт. Вопрос, как определяется эта общность «моих предков»? Автору известно два таких способа: государственный и национальный. Недавно он узнал о третьем способе и он, с точки зрения автора, имеет большие преимущества.

Методы (Methods)

Автор сравнивает варианты, которые предлагают разные модели культурно-исторической самоидентификации и последствия принятия каждой из них.

Литературный обзор (Literature Review)

Какие варианты исторической идентичности предлагает людям и народам историческая наука? Собственно говоря, их всего две.

Одна, и самая традиционная идея – отождествления себя с государством или, по крайней мере, – лояльности к государству. Идея эта восходит буквально к первым опытам историографии Европы. Григорий Турский писал «Историю франков», но история племени для него – только мифологическое начало государственного образования – королевства Меровингов [Григорий Турский, 1987]. Беда Достопочтенный писал «Церковную историю народа англос», но был просто вынужден описывать деяния королей, войны и придворную жизнь [Беда Достопочтенный, 2001]

Та же тенденция в летописании, в том числе и летописании Древней Руси: летописная традиция откровенно объединяла многоязыкое, многоплеменное собрание подданных Рюриковичей в некое политическое единство. Пусть рыхлое, но все же единство, противостоящее племенным самоидентификациям.

С появлением научной историографии этот подход сделался мейстримом преподавания истории и пропаганды исторических знаний. Государственную направленность хранят сочинения Карамзина и Соловьева в России [Карамзин 2018; Соловьев 1992], Ранке в Пруссии [Ranke, 1839-1847], всего сообщества историков Британии с 18 столетия [Айзенштат, 2016: 107-115].

Государственного подхода не избежал ни английский религиозный моралист 18 столетия, Иосиф Беррингтон [Berington, 1790], ни блистательный современный публицист Питер Акرويد [Ackroyd, 2013].

В России та же напасть: и Костомаров – регионалист, больше всего любивший Малороссию [Костомаров, 1903-1906], – и оппозиционный во все времена антигосударственник и либерал, Сергей Пушкирев [Пушкирев, 1985] могли сколько угодно критически относиться к Государству Российскому – но и критикуя, порой прямо ругая его, они писали историю ГОСУДАРСТВА.

Этот подход, справедливости ради, наиболее научен. Действительно: в преподавании истории, тем более в пропаганде исторических знаний неизбежно замалчивание каких-то страниц, раздувание других, идеализация одних и очернение «враждебных» исторических деятелей. Но изложение деятельности государства, принимаемых им постановлений и законов, ведущихся войн в наибольшей степени приближается к идеалу исторического исследования, выдвинутого Леопольдом фон Ранке, и принятого... по существу дела, всеми:

«воспроизвести, как это было на самом деле».

Этот подход предлагает человеку отождествление себя с государством и его лидерами: не важно, наследственными монархами или с избранными президентами и назначенными ими министрами. Давно и справедливо писалось, что государство в этом смысле заменяет семью, а лидеры государства занимают место основателей и лидеров семьи и клана в родословной.

Другой подход осмелюсь назвать «национальным» – это история народа. Такая история имеет несомненные преимущества: народ может жить в разных государствах, и самоотождествление тогда не слишком зависит от принятия тех или иных политических сущностей. Не случайно «национальная» историография родилась в раздробленной веками Германии. Ярчайший (и очень талантливый) представитель германского национализма, один из основателей немецкой первобытной археологии, Густав Коссинна, прямо связывал археологические культуры и древние народы с современными немцами [Kossinna, 1935]. Это давало ему основания утверждать, что если франки были «немцами», а черняховская культура создана германским народом готов, то современная ему Германия имеет право претендовать на территорию Франции, Польши, Прибалтики и Украины.

Выглядело это примерно так же, как если бы современные русские претендовали на территорию современных балканских государств и Греции – славяне в набегах 6 века доходили до Пелопоннеса, а 622 году славянский флот появился у берегов Италии.

Аргументы Коссинны приводили в восторг нацистов, но принимать их всерьез трудно – причем из соображений не только этических, но и сугубо научных. И древние народы не тождественны современным. И все народы во все времена – смешанного происхождения. И громадная площадь черняховской археологической культуры II-IV веков заселена была не только германскими племенами, но предками славян, сарматами, даками, гетами, фракийцами, готами, поздними скифами, гепидами [Черняховская культура, 1960].

С одной стороны, национально-историческое самоотождествление не привязано к государству. Немцу оно позволяет идентифицировать себя с теми германскими княжествами или вольными городами, которые ему больше нравятся. Россиянин не обречен привязывать свои корни исключительно к Московии, из которой выросла Российская империя. Он оказывается «своим» и в Новгороде Великом, и на русском поморском Севере, и в Великом княжестве Литовском и Русском, и в коронных землях Польского королевства.

Но мифологии тут больше, потому что современные народы, во-первых, в любом случае не тождественны древним и даже сравнительно недавним. Так, русские лишь частично тождественны тем, кого называли русскими и русинами, и кто сам себя так называл в XVII веке... Не говоря о том, что в XIV веке так не называли себя ни новгородцы, ни псковичи.

Во-вторых, все современные народы включают в себя вчерашних врагов. Это порождает не меньшие напряжения, чем «государственно-исторический» подход.

Если «мы» – это Государство Российское, то получается, «мы» в XVI веке завоевали Казанское, а потом и Сибирское ханства. И кто нам теперь болгары – поволжские татары?! Очевидно, что не потомки покоренных... Но тогда – кто!?

Но если «мы» – русские, то мы тоже завоевали земли болгар, взяли штурмом и разорили их столицу.

Конечно, из этих противоречий есть выходы.

Во-первых, на многие противоречия можно закрывать глаза, потому что повторяемые с детства мантры принимаются практически без осмысления и критики. Ну что с того, что вовсе не все славянские племена так уж рвались войти в государство Рюриковичей? Что многие летописные «славянские» племена были балтскими, финно-угорскими и иранскими [Седов, 1999; Федоров, 1960]? С дошкольных времен человек привыкает считать славянами вятичей и тиверцев, «не замечать» «инородческой» сути мери и голяди. Со школы привыкает без улыбки слышать формулы, согласно которым «от Руси отделилась Малая и Юго-Восточная Русь», – то есть 70% русских земель и 80% населения «отделились» от 30 и 20%. Привыкает – и всё.

Во-вторых, провозглашается общность, частями которой и «оказываются» разные, в том числе когда-то враждовавшие, народы. Такой общностью может быть не только «советский народ», но и «евразийцы» – не случайно такая идея очень популярна в тюркоязычных регионах России и в Казахстане. «Историческое» евразийство [Савицкий, 1926: 202; Савицкий, 1991; Гумилев, 2003] очень отличается от современной политической идеи [Назарбаев, 1994; Евразийское пространство..., 1994; Бакирланова, 2017], но во всех версиях сохраняет идею родственных и расположенных друг к другу народов.

Такой же интегрирующей общностью провозглашается и общность «россиян», то есть подданных России независимо от национальной принадлежности.

Последний случай – пример соединения государственного подхода, в котором растворяется национальный. Собственно, научное слово «этнос» предполагает ведь не обязательно общность по крови или по культурно-исторической принадлежности. Общность людей может определяться и по политической принадлежности – говоря грубо, по паспорту.

Но оказывается, есть еще один подход, несколько новый для россиянина.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Уже немало лет назад мой сын привез из Бостона удивительную футболку. Изображены на ней было трое индейцев в европейской одежде, но в куртках с бахромой, с перьями в шевелюрах и со старинными карабинами в руках. Надпись сверху гласила: «Территориальная милиция». Надпись снизу: «Мы защищали Америку с 1492 года».

Тогда меня больше всего поразило безумие этой футболки. Действительно: какое отношение год открытия Америки Колумбом имеет к истории США? Каким образом индейцы США могли воевать с «бледнолицыми» в 1492 году, если первый европеец ступил на землю будущих США только в середине 16 века? А англосаксы появились еще столетием позже?

Наконец, территориальная милиция возникла в конце 17 столетия именно как орудие войны колонистов против индейцев. Официальные британские власти лояльно относились к индейским племенам – те платили пушниной. Вот поселенцы, постоянно живущие в «штатах» и всё больше осознающие себя американцами, нуждались в землях аборигенов. Они присваивали эти земли, творя откровенное насилие. Индейцы отвечали набегам, истребляя врагов до младенца в люльке и до беременной бабы – по всем правилам «почвы и крови» первобытных людей.

Индейцы США, члены «Территориальной милиции», встречающие Колумба с оружием своих самых страшных врагов... Сюрреализм буквально заставлял

помотать головой от чувства полнейшей нереальности.

Но постепенно благородное безумие главной идеи заставляло изменить отношение. Оказалось – в самом конце XX – начале XXI веков в США начала развиваться идея, которую можно назвать идеей территориальной, а если «по-научному» – хорологической идентификации. По принципу – твоими предками являются все, кто когда-либо жил на этой территории.

Сегодня уже пишутся учебные пособия с названиями «История Западного полушария» и «История Северной Америки». Порой «историю Западного полушария» упоминают и в российских учебниках [Загладин., Симония, 2008]– подозреваю, не без «тлетворного влияния Запада».

Идея совершенно «свежая» и для Соединенных Штатов. Еще совсем недавно историки этой страны высказывались примерно так: «Неполных четыре столетия отделяют нас от начала истории Америки... История Америки — это история старой культуры, перенесенная на необъятные, дикие просторы. Америка как бы перескочила через первые шесть тысячелетий истории человечества и начала творить собственную историю, уже зрелая, уверенная и себе; ибо первые поселенцы были не дикари, а цивилизованные люди, пересадившие в Америку культуру многовековой давности [Nevins A., Commager, 1992].

Несомненно, присоединиться к такому замечательному народу – сплошное удовольствие. Но при этом американец оказывается носителем «исторической вины» и перед нег... то есть перед афро-американцами, и перед индейцами. И еще вопрос, в какой степени потомок даже давних эмигрантов (шведов, евреев, ирландцев, поляков, японцев...нужное вставить) принадлежит к числу американцев.

Объединяя одних, идея отделяет их от других – быть может, тоже лояльнейших граждан США, его верных сыновей и дочерей.

А хорологическая концепция никого ни от кого не отделяет. В «Историю Северной Америки» история англо-саксонских первопоселенцев вписывается как яркая, героическая страница – но лишь одна из многих страниц истории Североамериканского континента.

Более того! Вот первопоселенцы превращают непроходимые леса в сады и пахотные земли, правят фургоны на запад, и это всё – твои предки. Гордись. Но одновременно другие – и тоже твои предки – строят глинобитные селения и возделывают кукурузу. А еще другие загоняют бизонов в ловушки, а узнав лошадей, лихо истребляют бизоньи стада. Кто-то для обработки своей плантации покупает рабов – белых и чер...африканских. А кто-то мотыжит эту плантацию, надеясь когда-нибудь стать свободным...или подгадать момент, вонзить мотыгу не в красную землю Алабамы, а в затылок надсмотрщика, бежать на Север. И все эти люди – твои предки. Не меньше, чем водители фургонов.

Противостояние? Вражда? Ну какая ж вражда между близкой роднёй по континенту... Как пел Александр Городницкий, «Берега теряют реки //Образуя океан».

И ещё более того! Даже если в США приехал только твой дед или отец – это твои предки 15 или 35 тысяч лет назад пересекли Берингийскую сушу, первыми вступив на землю нового материка. А очень может статься, что и раньше.

Напомню, что в современных США проживает около 3 млн индейцев, и еще около 3 млн людей с примесью индейской крови. Времена дискриминации индейцев давно канули в лету; иметь индейскую бабушку или индейского предка –

вершина снобизма американца в конце XX – начале XXI столетия.

При желании, конечно, индеец может культивировать идеологию «жертвы». Построить ее на психологии «побежденных» и несправедливо обиженных [Сea, 1991: 28]. Американцы, кстати, первыми дали этому маразму «научное» название – виктимизация (от латинского *victima* — жертва). Это примерно то же, о чём не раз писали и участники нашей конференции применительно к некоторым не лучшим сторонам создания украинской самоидентификации – на идее коллективной жертвы [Ставицкий, 2020б; Ставицкий, 2020в: 430].

На что есть основания – в конце концов, замечательная республика, «пересадившие в Америку культуру многовековой давности», расцвела на землях, цинично отнимаемых у индейцев.

Конечно, виктимизация отвратительна и нелепа. Негритян..афро-американская виктимизация по типу: «чего вы хотите от человека, предков которого привезли в Америку в цепях!» у автора сих строк вызывает желание ответить, что до тех же 1860-х годов его предки, крепостные крестьяне Тверской губернии, были живым скотом. Что их сдавали в рекруты, пороли на конюшне и продавали, разделяя семьи. Так что не обижайтесь, уважаемые, если я на конференции появлюсь небритый, с ароматом трехдневного перегара, и зашибу кого-нибудь из потомков дворян.

Дикость, конечно, но мы сейчас о мифах. Один миф самоидентификации допускает возможность виктимизации. А вот другой – не допускает по принципу. Какой из них симпатичнее?

Ведь если индеец – потомок всех здесь когда-либо обитавших, он потомок и основателей США. И афроамериканец – тоже. «Отцы-пилигримы», создатели Новой Англии – его непосредственные предки.

В океане хронологической истории теряют смысл и политические переосмысления Американской революции и Гражданской войны 1861-1865 годов, – а сейчас они заставляют ссориться и европейцев... то есть евро-американцев, конечно [Алентьева, 2020: 352; Филимонова, 2020: 439].

Миф? Разумеется, хронологический вариант самоидентификации – чистой воды миф. Но ведь такие же мифы – и государственный, и национальный. Только хуже.

«Одним из главных достоинств мифа является сохранение смыслового и символического единства при максимально возможном смысловом разнообразии» [Ставицкий, 2019].

Какой из трех мифов самоидентификации даёт больше возможностей для сохранения смыслового и символического единства?

«Миф представляет собой сложный самоорганизованный механизм по переработке смысловой энтропии в организованную информацию, работающий через самоусложнение на саморазвитие, обеспечивающий поиск, организацию, хранение, трансляцию и пополнение той информации, которая нужна для поддержания необходимого нам смысла [Ставицкий 2020а: 106.]

Какой из трех мифов самоидентификации лучше перерабатывает смысловую энтропию в организованную информацию, несущую необходимый нам смысл?

Нервные потуги «вырастить» представления о России как особой цивилизации, построены на противопоставлении «свой-чужой» [Габриэлян, 2019: 287]. Автору доводилось писать о том, что любой миф крымской истории естественно враждебен любым другим [Буровский, 2019: 248].

Хорологический миф примиряет и такого рода противоречия. Потому что в нём предками «крымчака» оказывается и армянин, и византийский грек из Кафы, и татарин, и русский (украинский?) поселенец.

Точно также именно Вы, дорогой читатель, были стрельцом, который с бердышом идёт на штурм Казани 2 октября 1552 года. Но Вы же одновременно были и татаринном, выцеливающим из лука стрельца со стены. И «аглицким» мастером, взрывающие стены Казани подведением минных подкопов.

Конечно, не об одном Крыме речь, далеко не только о Казани... Идея, прекрасно сформулированная Невисом и Комманджером, очень полезна в качестве основной концепции российской (русской) исторической самоидентификации.

В конце концов, вот нас учат: «славяне перевалили Карпаты, это и есть наши предки». Да, это часть наших предков. Но сколько их было, этих «предков»? Если славян было несколько десятков тысяч – уже много. Возможно, Карпаты в IV столетии перевалили несколько просто «тысяч», без «десятков». А Восточную Европу в IV-VI веках населяло от 800 тысяч до полутора миллионов людей [Седов 2002: 624; Седов 2019: 378]. Крайне забавны «обвинения» некоторых украинских историков в том, что они-то славяне, европейцы, а вот великоросы – зловердная помесь славян, финно-угров и тюрок.

Можно подумать, к востоку от Карпат «переваливших» славян ожидали истинные арийцы с морозно-голубыми глазами и нордическим характером. Финно-угры и балты обитали и на современной Волыни [Третьяков 1966:308] а ираноязычные тиверцы под ударами половцев ушли именно на территорию будущей Украины. А готы (европейцы, но как-то не совсем славяне) столицу своего государства Ойум основали примерно там, где много позже возникнет Киев.

Мы – помесь славян с финно-уграми и тюрками? Нет, все еще «хуже». Мы все – потомки многих народов. Кучка славян растворилась в массе обитавших здесь племен. Дала им язык, начала более высокой культуры... И растворилась.

Если Вы принимаете хорологический подход – Вы наследник всех этих народов – в том числе гуннов и маньчжур – владык Китая. И предков народов, вторгшихся в Индию. Хм...но и сибирских предков индейцев...

Боюсь, что некоторым любителям мероприятий такого рода хорологическая самоидентификация может подсказать не очень здоровые идеи. Не лучше, чем национальная «подсказывала» Коссинне.

Но я даже написал некое учебное пособие – историю России до русских [Буровский, 2022]. Исходя именно из этой идеи – нашими предками являются все, кто когда-либо жил на этой земле. Люди с упрощенным отношением к жизни любят «находить» предков в лице то скифов, то сарматов, то ариев, пришедших почему-то напрямиком с Северного полюса.

Но почему предки – только и единственно скифы? Скифы и другие ираноязычные народы – не русские и не единственные предки русских. Они входят в число предков русских, как и многие другие народы, в первую очередь балтские и финно-угорские.

Но тогда в число наших предков входят и те, кто обитал здесь в каменном веке. Правда, они предки не только русских, но думаю, предками можно и поделиться.

Прекрасный вариант объединения.

Заключение (Conclusions)

Хорологическая самоидентификация – хотя бы теоретически самый лучший способ объединения людей. Не надо создавать никакие «евразийские», «восточнохристианские» или «советские» конструкты. Не надо абсолютизировать ни кровь, ни почву, ни государство, ни нацию. Вопрос, конечно, насколько общественное сознание способно воспринять эту идею. Не только в России, а вообще в любой стране.

История показывает: на уровне частной родословной смешение народов – прекрасный способ прекратить практически любую распрю.

Помню слова одной своей студентки, очень красивой девушки с огромными зелеными глазами. Еврейка по матери и немка по отцу, о событиях в Германии 1930-х годов Женя убежденно произнесла:

– Они там все были ненормальные.

Ещё помню, как коллега показал мне погребение германца с черепом, разнесенным клевцом. Тремя днями раньше, буквально в 20 км, я расчищал скелет славянина, левую половину груди которого пробил арбалетный болт – аккуратно против сердца.

– И там, и там твои лежат. – Сказал коллега; он был совершенно прав.

Иногда я вспоминаю об этих двух, выгуливая собаку над Невой. В Петербурге весной почти все время ветрено, тучи буквально летят с близкого моря. Глядя на несущееся небо Русской Прибалтики, под тревожными порывами теплого ветра, я вспоминаю Валентина Иванова: «Да останется прошлое только прошлым». Да останется.

... И никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе.

Литература

Айзенштат М.П. Историки Британии в середине XVIII века (по письмам Х. Уолпола) // Диалог со временем. 2016. Вып. 57.

Алентьева Т.В. Мифы Гражданской войны в США // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020 (дата доступа: 05.04.2022).

Бакирланова А. Евразийская идея Президента Нурсултана Назарбаева и ее развитие // Вестник КазНУ. 2017. № 2.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов / Пер. с лат., вступ. статья, комментарии В.В. Эрлихмана. СПб: Алетей, 2001.

Буровский А.М. Исторические мифы в Крыму: непримиримое противоречие // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019.

Буровский А.М. Наша древнейшая история. Москва: Наше завтра, 2022.

Габриелян О.А. Россия как цивилизация: мифопоэтическое осмысление // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева,

С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019.

Григорий Турский. История франков = Historia Francorum. Москва: Наука, 1987.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. Москва: Кристалл, 2003.

Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира с древнейших времен до конца XIX века: Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 8-е изд. Москва: ООО ТИД Русское слово – РС., 2008.

Карамзин Н.М. Собрание сочинений в 7 тт. Москва: Слово / Slovo, 2018.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Кн. 1—8. — СПб., 1903—1906

Назарбаев Н.А. Выступление в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, 29 марта 1994 года. [Электронный ресурс] // URL://www.akorda.kz (дата доступа 02.10.2020)

Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация. Алматы: Казахстан, 1994.

Пушкарёв С.Г. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт: Посев, 1985

Савицкий П.Н. О евразийской литературе // Славянская книга. Месячник славянской библиографии. Прага: Пламя, 1926. № 4—5.

Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. Москва: Виктима-М.; Русский путь, 2019.

Sea Л. Открытие или сокрытие? // Три каравеллы на горизонте. Москва: Международные отношения, 1991. 208 с.

Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. Москва: УРСС, 1999.

Седов В.В. Славяне в древности. Москва: Академический проект, 2019

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

Соловьев В.С. Собрание сочинений в 15 тт. Москва: ПАИМС, 1992.

Ставицкий А.В. Миф в историческом поле культуры: психологический аспект // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019.

Ставицкий А.В. Человек и миф: тайна мифотворчества // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020а.

Ставицкий А.В. Мифологема «измены» гетмана Мазепы в украинской историографии: модели, версии, идеи, интерпретации // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020б.

Ставицкий А.В. Миф о «батуринской резне» как фактор формирования украинской идентичности в свете нарастающей украинской Руины // Миф в

истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. Москва, Ленинград: Наука, 1966. 308 с.

Фёдоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. Москва: Изд-во АН СССР, 1960.

Филимонова М.А. Мифологизация Американской революции в восприятии современников // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. (дата доступа 05.04.2022).

Черняховская культура. Материалы и исследования по археологии СССР. № 82. Москва: Изд-во АН, 1960.

Ackroyd P. The history of England. Volume II. Tudors. London: St. Martin's Griffin, 2013.

Berington J. History of the Reign of Henry II and of Richard and John, his sons. Birmingham: M.Swinney, 1790

Kossinna G. Altgermanische Kulturhöhe. Eine Einführung in die deutsche Vor- und Frühgeschichte. Leipzig, 1935.

Nevins A., Commager H. S. A pocket history of the United States. NY: Telex, 1992

Ranke L. von. German History in the Age of the Reformation, 6 vols. Berlin: Duncker & Humblot, 1839–1847.

References

Ajzenshtat M.P. Historians of Britain in the Middle of the 18th Century (According to the Letters of H. Walpole) // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 57. (In Russian).

Alent'eva T.V. Myths of the American Civil War // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A. V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020 (data dostupa: 05.04.2022). (In Russian).

Bakirlanova A. Eurasian Idea of President Nursultan Nazarbayev and its Development] // Vestnik KazNU. 2017. № 2. (In Russian).

Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaya istoriya naroda anglov [Church history of the people of the Angles] / Per. s lat., vstup. stat'ya, kommentarii V.V. Erlihmana. SPb: Aletejya Publ., 2001. (In Russian).

Burovsky A.M. Historical Myths in Crimea: an Irreconcilable Contradiction] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2018 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej O.A. Gabrielyana, A.V. Stavitsky, V.V. Napaeva, S.V. Yurchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2019. (In Russian).

Burovsky A.M. Our Ancient History. Moscow: Nashe zavtra Publ., 2022(In

Russian).

Gabrielyan O.A. Rossiya kak civilizaciya: mifopoeticheskoe osmyslenie [Russia as a civilization: mythopoetic comprehension] // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2018 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej O.A. Gabrielyana, A.V. Stavickogo, V.V. Hapaeva, S.V. Yurchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2019. (data dostupa: 05.04.2022). (In Russian).

Grigorij Turskij. History of the Franks = Historia Francorum. Moscow: Nauka Publ., 1987. (In Russian).

Gumilev L.N. Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations. Moscow: Kristall, 2003. (In Russian).

Zagladin N.V., Simoniya N.A. History of Russia and the World from Ancient Times to the End of the 19th Century: A Textbook for Grade 10 Educational Institutions. 8-e izd. Moscow: OOO TID Pysckoe slovo - RS. Publ., 2008. (In Russian).

Karamzin N.M. Collected Works in 7 vols. Moscow: Slovo/Slovo Publ., 2018. (In Russian).

Kostomarov N. I. Collected works. Book. 1–8. SPb., 1903–1906. (In Russian).

Nazarbaev N.A. Speech at Moscow State University named after M.V. Lomonosov, March 29, 1994. [Elektronnyj resurs] // URL:// www.akorda.kz (data dostupa 02.10.2020) (In Russian).

Eurasian Space: Integration Potential and its Implementation. Almaty: Kazahstan Publ., 1994. (In Russian).

Pushkarev S.G. Self-government and Freedom in Russia. Frankfurt: Posev Publ., 1985. (In Russian).

Savitsky P.N. About Eurasian Literature // Slavyanskaya kniga. Mesyachnik slavyanskoy bibliografii. Praga: Plamya, 1926. № 4–5. (In Russian).

Savitsky P.N. Scientific Tasks of Eurasianism. Articles and letters. Moscow: Viktima-M Publ.; Russkij put' Publ., 2019. (In Russian).

Sea L. Opening or Hiding? // Tri karavelly na gorizonte. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1991. (In Russian).

Sedov V.V. At the Origins of East Slavic Statehood. Moscow: URSS Publ., 1999. (In Russian).

Sedov V.V. Slavs in Antiquity. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2019. (In Russian).

Sedov V.V. Slavs: Historical and archaeological research. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. (In Russian).

Solov'ev V.S. Collected Works in 15 vols. Moscow: PAIMS Publ., 1992. (In Russian).

Stavitsky A.V. Myth in the Historical Field of Culture: Psychological Aspect // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2018 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej O.A. Gabrielyana, A.V. Stavitsky, V.V. Hapaeva, S.V. Yurchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2019. (data dostupa 05.04.2022) (In Russian).

Stavitsky A.V. Man and Myth: the Secret of Myth-making // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A.V.

Stavitsky. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020A. (data dostupa 05.04.2022) (In Russian).

Stavitsky A.V. Mythologeme of Hetman Mazepa's "Treason" in Ukrainian Historiography: Models, Versions, Ideas, Interpretations] // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A.V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020b (data dostupa 05.04.2022) (In Russian).

Stavitsky A.V. The Myth of the "Baturin Massacre" as a Factor in the Formation of Ukrainian Identity in the Light of the Growing Ukrainian Ruin // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A. V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020v. (data dostupa 05.04.2022). (In Russian).

Tret'yakov P.N. Finno-Ugric peoples, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1966. (In Russian).

Fyodorov G.B. The Population of the Prut-Dniester Interfluve in the 1st Millennium AD. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960. (In Russian).

Filimonova M.A. The Mythologization of the American Revolution in the Perception of Contemporaries // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A.V. Stavitsky. Sevastopol': Filial MGU imeni M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. (data dostupa 05.04.2022) (In Russian).

Chernyakhov culture. Materials and research on the archeology of the USSR. No. 82. Moscow: Izd-vo AN Publ., 1960. (In Russian).

Сведения об авторе:

Буровский Андрей Михайлович

Генеральный директор ООО «КИФАБ», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: burovsky@mail.ru

Bionotes:

Burovsky Andrey Mihaylovich

General Director of KIFAB LLC, doctor of Philosophical Sciences, Professor. (Saint-Petersburg, Russia)

Для цитирования:

Буровский А.М. Мифологемы исторической самоидентификации // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 54–65.

For citation:

Burovsky A.M. Mythologemes of Historical Self-identification // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 54–65.

УДК 94 (477)

МИФЫ ОБ ИСТОРИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНБАССА В УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКЕ

Баранов Андрей Владимирович

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар, Россия)

Аннотация

Тема статьи актуальна вследствие необходимости социокультурной интеграции Донбасса с Россией, малоизученности проблемы. Цель статьи – подвергнуть критическому анализу мифы об истории и современной идентичности Донбасса, конструируемые в украинской политической аналитике. Работа выполнена в русле методик исторического источниковедения и критического дискурс-анализа. Автор определяет основные аспекты мифологизации проблемы, риторические и дискурсивные приёмы, используемые специалистами Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса и Национального института стратегических исследований. Мы отмечаем, что противодействие украинскому мифотворчеству настоятельно требует распространять и укреплять в Донбассе российскую национальную идентичность, эффективно распределять ресурсы для проведения научно обоснованной политики идентичности.

Ключевые слова: миф; история; идентичность; Донбасс; Россия; Украина; политическая аналитика

MYTHS ABOUT THE HISTORY AND IDENTITY OF DONBASS IN UKRAINIAN POLITICAL ANALYTICS

Baranov Andrey Vladimirovich

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Abstract

The topic of the article is relevant due to the need for socio-cultural integration of Donbass with Russia, the little-studied problem. The aim of the article is to analyze the myths about the history and modern identity of Donbass, constructed in Ukrainian political analytics. The work is carried out in line with the methodology of historical source studies and critical discourse analysis. The author defines the main aspects of the mythologization of the problem, rhetorical and discursive techniques used by specialists of the Institute of Political and Ethnonational Studies named after I.F. Kuras and the National Institute for Strategic Studies. We note that countering Ukrainian myth-making urgently requires spreading and strengthening Russian national identity in the Donbass, effectively allocate resources to conduct a science-based identity policy.

Keywords: myth; history; identity; Donbass; Russia; Ukraine; political analytics.

Введение

Тема статьи актуальна ввиду насущной необходимости социокультурной интеграции Донбасса с Россией, на что обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём выступлении 2 августа 2023 г. [Путин 2023]. Для того, чтобы разработать и реализовать эффективную политику идентичности, надо системно и трезво понимать современное состояние идентичности населения Донбасса, исторические причины нынешней информационной войны, которая

ведётся странами Запада и Украиной за умы жителей новых субъектов Российской Федерации. Вопреки своей актуальности, проблема остаётся малоизученной. Российские политологи и историки редко исследуют работы идеологического противника, критикуя его аргументы и мифологизированные построения.

Цель статьи – подвергнуть критическому анализу мифы об истории и современной идентичности Донбасса, конструируемые в украинской политической аналитике. Поэтому для рассмотрения выбраны монографии, сборники статей, экспертно-аналитические доклады и записки, отдельные статьи, опубликованные украинскими политологами за 2005–2021 гг. Выборка текстов включает в себя работы сотрудников Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса и Национального института стратегических исследований (г. Киев). Как известно, данные экспертно-аналитические организации являются наиболее активными в конструировании мифологем украинского этнонационализма и последовательно выражали прозападную позицию даже до захвата власти нацистами 22 февраля 2014 г. Поэтому их аналитические продукты репрезентативны для решения задач исследования. В будущем исследование темы перспективно для информационного противодействия украинской националистической пропаганде, для решения задач укрепления российской идентичности в Донбассе, Запорожской и Херсонской областях.

Литературный обзор

Общетеоретический аспект анализа политической мифологии обоснован в работах Э. Кассирера [Кассирер 1990: 58–65], Р. Барта [Барт 2000], А.Н. Кольева [Кольев 2003], Р.А. Сегала [Segal 2004], Н.И. Шестова [Шестов 2005], О.Н. Стрельник [Стрельник 2014], Т. Аполте и Ю. Мюллер [Apolte, Müller 2022: 1–13]. В данных работах созданы методологические принципы междисциплинарного синтеза в исследовании современных политических мифов. Их авторы отмечают как иррациональность, логическую противоречивость мифов, так и их «пластичность», полезность для конструирования новых идентичностей и переформатирования исторической памяти, для ведения пропагандистских кампаний. Историческая наука [Мосионжик 2012], как и исследования коллективной памяти [Нора 1989: 7–24; Асман 2022], символической политики [Вязовик 2014: 93–109] уделяют значительное внимание конструированию исторических мифов, их использованию в современных этнонационалистических доктринах и информационных войнах. Значительную роль в исследованиях темы играют также работы о конструировании территориальной и этнической идентичности [Этнические группы... 2006; Wodak, De Cillia, Reisigl, Liebhart 2009].

Прикладные исследования нацистроительства и конструирования региональных идентичностей на постсоциалистической Украине провели зарубежные эксперты Т. Кузьо [Kuzio 2001: 343–365], Ю. Бестерс-Дильгер и Я. Грицак [Україна 2011: 352–380], Н. Хенке [Henke 2020]. Даже враждебные России и Донбассу западные авторы [Г. Сассе, А. Лакнер 2018: 1–19; Kudelia, van Zil 2019: 801–821] признают значительную роль исторической памяти и соответствующих маркеров идентичности в расколе регионального сообщества Донбасса на сторонников российской и украинской идентичностей.

В российской политологической школе анализ данной темы долго пребывал на периферии внимания. Первой значительной работой следует признать книгу этнолога С.С. Савоскула [Савоскул 2001]. Исследования активизировались в 2010-х гг., что объясняется эскалацией конфликта идентичностей в Донбассе, как и на

всём пространстве Юга и Востока тогдашней Украины. Следует упомянуть работы В.Е. Григорьянца, С.С. Жильцова, А.В. Ишина и А.В. Мальгина [Григорьянц и др. 2011: 106–227], А.В. Ставицкого [Ставицкий 2014], О.Б. Неменского [Неменский 2015: 26–34], И.С. Шатило [Шатило 2015: 38–44], А.В. Марчукова [Марчуков 2018]. Их авторы, опираясь на богатый исторический материал, аргументировали наличие идентичности Новороссии и её принципиальные отличия от украинской; намечали контуры политики идентичности и формирования исторической памяти в Донбассе. Участвовал в этой деятельности и автор статьи [Баранов 2015: 98–106; Баранов 2022: 169–194].

Наибольший интерес для темы статьи представляют новейшие исследования, авторы которых анализируют опыт политики идентичности в независимых ДНР и ЛНР, а затем – в условиях начавшейся интеграции Донбасса в российское общество и государство. Важное значение имеет статья О.В. Онопко и Л.Б. Внуковой, авторы которой сравнивают стратегии формирования идентичности Донбасса и Украины – сторон конфликта [Онопко, Внукова 2018]. Проект национальной идентичности Донбасса в системе Русского мира аргументировали донецкие философы Д.Е. Муза [Муза 2016: 135–168] и Н.В. Пробейголова [Пробейголова 2018]. Методы и технологии патриотического воспитания молодёжи в ДНР и ЛНР освещены в коллективной монографии под редакцией Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой [Патриотическое воспитание... 2018]. Л.Б. Внукова и Т.Ю. Власкина [Внукова, Власкина 2021: 73–86], И.Е. Татаринцов и А.В. Герасимов [Татаринцов, Герасимов 2019: 537–545] провели исследования на основе анализа текстов в социальных сетях и анкетных опросов.

Что касается украинских исследований темы после 2013 г. [Донбас і Крим... 2015; Pakhomenko, Tryma, Francis 2018; Abibok 2018; Haran, Yakovlyev, Zolkina 2019], то они носят ярко выраженный этнократический характер, отрицая сам факт существования русской идентичности в Донбассе, сводя проблему к «сепаратизму» и мнимой российской агрессии. Очевидно, что идеалом для их авторов была бы унификация идентичностей, уничтожение памяти о российском прошлом и настоящем Донбасса, упрочение агрессивной украинской идентичности, одновременно государственной и этнической.

Методы

Автор применил в исследовании метод качественного критического дискурсивного анализа, интент-анализ, а также методы исторического источниковедения, позволяющие проверить датировку текстов, обстоятельства их создания, политическую направленность текста и речевые стереотипы выражения смыслов. Учитывается роль тех или иных речевых конструкций в логическом построении текстов и способах их аргументации [Ставицкий 2022; Кузина, Ситько 2022: 158–175]. Делается вывод о преднамеренном манипулировании историческими фактами и сведениями социологических опросов, чем систематически занимаются украинские аналитики для обоснования прав своего государства на земли Новороссии.

Результаты и обсуждение

Система экспертно-аналитических организаций, выполняющих заказы органов государственной власти на подготовку управленческих решений, сложилась на постсоциалистической Украине ещё в 1990-х гг. В том числе, она включает в себя академические учреждения (Институт политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины, далее

сокращённо – ИПиЭИ); высшие учебные заведения (особенно характерна Киево-Могилянская академия), ведомственные институты, аффилированные с военными и силовыми ведомствами (Национальный институт стратегических исследований Администрации Президента Украины, сокращённо – НИСИ), а также частные структуры (Украинский институт экономических и политических исследований имени А. Разумкова). Как правило, почти все экспертно-аналитические организации Украины финансируются странами Запада и поэтому занимают антироссийские позиции. Редкое исключение представляет Киевский международный институт социологии (КМИС) во главе с М.Б. Погребинским, отстаивавший многовекторную внешнюю политику Украины и федерализацию страны. Внешнеполитическая экспертиза Украины достаточно разноаспектно и глубоко изучена донецким международником, депутатом Народного Собрания ДНР О.В. Онопко [Онопко 2020]. Но этого нельзя сказать об украинской внутривнутриполитической, в том числе – этнополитической экспертизе, слабо изученной в России.

Деятельность украинских экспертных структур по оправданию военно-карательных действий в Донбассе началась уже в 2014 г. и опиралась на ряд проектов по исследованию региональных и местных идентичностей, проводившихся в предшествующий период. Ранее подобные работы предназначались для повышения эффективности избирательных кампаний, теперь же они решают задачи ведения информационной войны против России и пророссийских выступлений на Востоке и Юге Украины, деконструкции символов гордости и исторической памяти русского населения Донбасса.

В полной мере эти целевые установки проявились в коллективной монографии «Донбасс и Крым: цена возвращения», изданной НИСИ в 2015 г. под редакцией В.П. Горбулина, О.С. Власюка, Е.М. Лобановой и О.М. Ляшенко. Основная часть объёмистого труда раскрывает военные и геополитические аспекты темы. Но один из параграфов [Донбас і Крим... 2015: 280–296] раскрывает ресурсы конструирования украинской идентичности в непокорном регионе: контроль над телерадиовещанием и контентом передач, создание цензурных и карающих органов. Так, в марте 2015 г. при Министерстве информационной политики Украины был создан межведомственный орган – комиссия по вопросам обеспечения стабильного функционирования системы национального телевидения и радиовещания с участием представителей Министерства финансов, МВД, СБУ, Администрации Госспецсвязи, Госкомтелерадио, Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания. Особое внимание уделяется теле- и радиовещанию на территорию ДНР и ЛНР, использованию западных информационных агентств и сайтов, а также медиаресурсов российской либерально-западнической оппозиции. Авторы текста жаловались на отсутствие целостной системы информационной политики Украины и её слабое финансирование. Они вынуждены признать, что «в деятельности почти всех общенациональных вещателей постоянно фиксируются материалы, сделанные» на заказ, практикуется замалчивание фактов, распространение недостоверной и непроверенной информации и т.п., а непрофессиональная подача общеукраинской аудитории сведений о событиях в Донбассе «безусловно, вызывает раскол в украинском обществе»; украинские медиа часто используют «язык вражды» [Донбас і Крим... 2015: 291].

Другой пример манипулятивных практик в деятельности украинских аналитических структур – серия монографий и сборников статей об истории и современном состоянии Донбасса. Монография под редакцией В. Котигоренко излагает в объёме 150 страниц очерк истории Донбасса, пытаясь доказать априорно сфальсифицированные выводы: 1) украинцы проживали в регионе всегда, начиная с раннего средневековья; 2) элиты регионального сообщества были украинскими, а не русскими (в политико-гражданском смысле); 3) в советский период существовала суверенная (?) государственность УССР; 4) межэтнические и языковые отношения после 1991 г. характеризовались исключительной гармоничностью, Украинское государство обеспечивало (?) равноправие этнических групп, причём русские в Донбассе названы авторами монографии «диаспорой», как будто русский язык и русская культура не преобладали в регионе со времён Екатерины Великой, а население региона не было полиэтничным [Донбас в етнополітичному вимірі... 2014: 25–171].

Переходя к обзору изменений этнического и языкового состава с 1991 г., авторы монографии вынуждены признать уменьшение удельного веса украинцев в населении Донецкой и Луганской областей за 1989–2001 гг., но довольно неубедительно объясняют этот процесс спадом общей численности населения, тем более, что признают усиленный миграционный приток украинцев и отток русских из региона [Донбас в етнополітичному вимірі... 2014: 172–173, 212]. Отмечаются также порайонные различия в удельном весе украинцев; их ареал проживания связан с сёлами и малыми городами. Напротив, этнические русские (по самооценке) в 2001 г. почти полностью проживали в городах: 95% русских в Донецкой области – горожане и 88,8% – в Луганской области [Донбас в етнополітичному вимірі... 2014: 177–178]. Активно развивалась этническая реидентификация – то есть, смена этнической самооценки, принятие русскими в Донбассе украинства (это объясняет 2/3 прироста численности украинцев) [Донбас в етнополітичному вимірі... 2014: 214]. Но авторы монографии умалчивают о принуждении считать себя украинцами, массово происходившем уже во время переписи 2001 г. Они сетуют на «стереотипы» о непрестижности украинского языка и украинской культуры в Донбассе и объясняют это явление преподаванием социально-гуманитарных предметов в средней и высшей школе на русском языке [Донбас в етнополітичному вимірі... 2014: 268]. Из этого делается ложный вывод: «продолжение доминирования русского языка в регионе» равнозначно игнорированию интеграционных возможностей украинского языка, т.е. отрицается положительное значение двуязычия [Там же: 303]. Описывая информационное противоборство 2004–2014 гг., авторы монографии обвиняют активистов пророссийских движений Донбасса в сепаратизме и восхваляют население Западной Украины, отрицают существование украинского национализма, называя критику неонацистских движений лишь «политтехнологической схемой Кремля» [Там же: 466].

Представляет значительный интерес также монография М.С. Кармазиной о политической идентичности городского сообщества Донецка, выполненная по единой программе с исследованиями идентичностей других крупных городских сообществ (Киева, Одессы и др.). В том числе, данный историк рассматривает историко-культурные и экономические ресурсы формирования идентичности [Кармазіна 2016: 71–121], символику, праздники и обрядность, влияние общественно-политической активности и контента массмедиа на самосознание

горожан. М.С. Кармазина сетует на невнимание центральных властей Украины к городскому пространству Донбасса: топонимике, символам гордости, памятникам и т.д., к тому, что автор презрительно называет «законсервированностью» советского наследия. Верхом цинизма выглядит вывод М.С. Кармазиной, проведшей большую часть жизни за изучением истории КПСС, о фиктивности русской идентичности в Донбассе: «Попадание индивида в сети виртуальных благ («славянского единства», «русского мира», «православного братства» и др.) была одной из причин, которые сделали возможным уничтожение «иммунитета общества» и создание «самодельных» «ДНР» и «ЛНР», обернулись фактическим самоуничтожением региона» [Кармазіна 2016: 225–226]. Жители Донецка обвиняются Кармазиной в пассивности, слабой саморефлексии, негативном отношении к жителям других регионов; идентичность Донбасса именуется даже «тюремной», основанной на страхах, мифах и фрустрациях [Кармазіна 2016: 229]. По сути, украинские апологеты приписывают пророссийским элитам Донбасса те низменные черты и действия, которыми на самом деле обладает киевский режим.

В другой монографии (под редакцией О.О. Рафальского, В.О. Котигоренко и М.И. Панчука) региональное сообщество Донбасса обвиняется в сепаратизме, ксенофобии, которые якобы следуют из численного преобладания русских в составе населения и манипулятивных действий местных элит, противопоставляющих себя Киеву [Політичні аспекти кризи... 2015: 47–50].

Бесспорно, что столь бездоказательный и эмоциональный дискурс рассуждений выдаёт не высказанные «вслух» киевскими аналитиками проекты: тотальную унификацию на основе принятия западной цивилизационной ориентации общества, отказа от православного и даже восточно-христианского наследия, замалчивания либо очернения всех исторических событий и явлений, хоть в какой-то мере сближающих Малороссию с Россией. Закономерно, что жёсткой критике украинских экспертов подверглась и Украинская Православная церковь (Московского патриархата). Тем самым, речь идёт о принудительной смене цивилизационной идентичности Украины, о «перепрошивке» сознания миллионов людей [Войналович, Кочан 2014].

В итоге встаёт закономерный вопрос об альтернативе подобным политическим проектам. Как известно, после восстания «Русской весны» ДНР и ЛНР существовали более восьми лет в статусе самопровозглашённых, непризнанных государств. Проект «Новороссия» после подписания Минских соглашений временно был отложен и не упоминался в российской официальной прессе. Такая неопределённость создала условия для разработки различных доктрин идентичности Донбасса в широком идеологическом спектре: от акцентирования полиэтничного характера сообщества до конструирования «регионального варианта» русского языка [Залевская 2018]. Однако социологические опросы и анализ дискурса постов в социальных сетях ДНР и ЛНР однозначно подтверждали растущее распространение в регионе именно русской этнической и российской национальной идентичностей [Онопко, Внукова 2018; Внукова, Власкина 2020]. Точку в дискуссиях, хочется верить, поставили нормативно-правовые акты Российской Федерации о принятии ДНР и ЛНР в состав нашего государства. Следовательно, на Донбасс распространились в октябре 2022 г. нормы «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» о формировании и укреплении российской идентичности, российской гражданской нации.

Заключение

Критический анализ мифов об истории и современной идентичности Донбасса, конструируемых в украинской политической аналитике Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса и Национального института стратегических исследований после 2013 г., подтвердил наличие таких речевых мифологизированных стереотипов и установок, как: русофобия, отказ от общей для русских и украинцев православной и восточно-славянской самоидентификации, подтасовка исторических фактов, ассоциирование Донбасса и его истории с преступностью, маргинальностью, сепаратизмом. Будучи выраженными в научных по форме изложения текстах, эти стереотипы направлены на диффамацию противника, его идейное разоружение, то есть, являются одной из технологий информационной войны. Такой политике использования и навязывания мифов, проводимой украинскими аналитиками, следует противопоставить системную государственную стратегию России по социокультурной интеграции Донбасса. Особое внимание в российской политике интеграции необходимо уделить преподаванию в средней и высшей школе Донбасса патриотически ориентированных курсов истории России, обществознания и других социогуманитарных дисциплин. В соответствии с конституциями ДНР и ЛНР целесообразен статус русского языка как единственного государственного. Другие языки могут изучаться в качестве региональных и местных, только по добровольному согласию учеников и их родителей. Следует уделить повышенное внимание контролю над медиапространством ДНР и ЛНР, повышению квалификации журналистов, недопущению антигосударственной деятельности прозападных и проукраинских информационных ресурсов. Идентичность Донбасса должна в российской политике интеграции позиционироваться как региональная, органически связанная с общим цивилизационным и историческим наследием России.

Литература

Ассман А. Европейская мечта: четыре урока истории; Переизобретение нации: почему мы боимся её и почему мы нуждаемся в ней. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 508 с.

Баранов А.В. Политическая идентичность Новороссии: состояние и ресурсы конструирования // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2015. № 2 (43). С. 98–106.

Баранов А.В. Политические конфликты в слабых государствах: история и современность (на материалах Югославии и Украины). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 261 с.

Барт Р. Мифологии. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 2000. 351 с.

Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 73–86.

Войналович В.А., Кочан Н.І. Релігійний чинник етнополітичних процесів на Донбасі: історія і сучасність. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2014. 304 с.

Вязовик Т.П. Версия прошлого как государственный миф // Символическая политика: сборник научных трудов. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. Москва: ИНИОН РАН, 2014. С. 93–109.

Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. Москва: Восток – Запад, 2011. 228 с.

Донбас в етнополітичному вимірі / авт. кол.: В. Котигоренко (керівник), О. Калакура, Л. Ковач та інші. Київ: ІПіЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України, 2014. 584 с.

Донбас і Крим: ціна повернення / за заг. ред. В.П. Горбуліна, О.С. Власюка, Е.М. Лібанової, О.М. Ляшенко. Київ: Національний інститут стратегічних досліджень, 2015. 474 с.

Залевская Н. От донбасского регионального патриотизма к России. [Электронный ресурс]. URL: <https://novorosinform.org/738382> (дата обращения: 02.03.2023).

Кармазіна М.С. Політичні ідентичності в сучасній Україні: міська громада Донецька. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2016. 232 с.

Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1990. № 2. С. 58–65.

Кольев А.Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. Москва: Логос, 2003. 383 с.

Кузина О.А., Ситько Ю.Л. Символические знаковые ситуации и формирование мифа в цветных революциях // Мифологос. Севастополь, 2022. № 3. С. 158–175.

Марчуков А.В. Новороссия. Формирование национальных идентичностей (XVIII – XX вв.). Москва: Изд-во «Кучково поле», 2018. 512 с., 48 л.

Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 415 с.

Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика. Москва: Издатель Воробьев А.В., 2016. 232 с.

Неменский О.Б. Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана // Вопросы национализма. 2015. № 4 (24). С. 26–34.

Онопко О.В. Крым и Черноморский регион в политической картине мира экспертов Национального института стратегических исследований Украины (на материалах аналитических докладов к посланиям Президента Верховной Раде) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2020. № 4 (65). С. 79–84.

Онопко О.В., Внукова Л.Б. Политическая символика и формирование гражданской идентичности населения Донбасса в современных условиях // Парадигмы общественного развития. Севастополь, 2018. № 10. С. 73–78.

Патриотическое воспитание в Донбассе: история, теория, практика / под общ. ред. Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой. Донецк: Издательский дом “Edit”, 2018. 228 с.

Політичні аспекти кризи на Донбасі: діагностика стану та напрями врегулювання. Аналітична доповідь / ред. кол. Рафальський О.О. (гол.), Котигоренко В.О., Панчук М.І. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2015. 268 с.

Пробейголова Н.В. Технологии мифотворчества в процессе конструирования современной политической реальности (на примере Украины, ЛНР и ДНР):

цивилизационный подход // Журнал Института Наследия. 2018. № 2 (13). [Электронный ресурс]. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/208.html> (дата обращения: 02.03.2023).

Путин обсудил ситуацию с библиотеками в новых регионах. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/08/02/knigi-sentiabria.html> (дата обращения: 02.03.2023).

Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. Москва: Наука, 2001. 437, 1 с.

Ставицкий А.В. «Историческая политика» на Украине: мифологический аспект Миф в истории, политике, культуре: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 352–358. [Электронный ресурс]. URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2022/02/01a.-Mif-sbornik-5-2021-v.pdf> (дата обращения: 02.03.2023).

Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибэст, 2015. 748 с.

Стрельник О.Н. Мифологические корни политической идеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 4. С. 17–29.

Татаринев И.Е., Герасимов А.В. Южнорусская идентичность на Донбассе: некоторые особенности бытования в XXI веке // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. С. 537–545.

Україна: Процеси націотворення / уряд. А. Каппелер. Київ: Видавництво «К.І.С.», 2011. 416 с.

Шатило И.С. Новороссия как историческая реальность и политический проект // Власть. 2015. № 2. С. 38–44.

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 409 с.

Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. Москва: Новое издательство, 2006. 198 с.

Abibok Yu. On the Way to Creating the “Donbas People”. Identity Policy in the Self-Proclaimed Republics in East Ukraine // Centre for Eastern Studies. Glasgow, 2018. № 270. Pp. 1–8.

Apolte Th., Müller J. The persistence of political myths and ideologies // European Journal of Political Economy. London, 2022. Vol. 71. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102076>

Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas // Eurasian Geography and Economics. 2019. Pp. 1–25.

Henke N. Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective // ECMI Research Paper #125. Flensburg, 2020. 31 p.

Kudelia S., van Zyl J. In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas // Nationalities Papers. New York, 2019. Vol. 47 (5). P. 801–821.

Kuzio T. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the “Other” // Ethnicities. New York, 2001. N 1 (3). Pp. 343–365.

Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. Berkeley, 1989. № 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. Pp. 7–24.

Pakhomenko S., Tryma K., Francis J.A. The Russian-Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare // The Use of Force Against Ukraine and International Law. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2018. Pp. 298–312.

Sasse G., Lackner A. War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine // Post-Soviet Affairs. New York, 2018. Pp. 1–19.

Segal R.A. Myth: a Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. XI, 163 p.

Wodak R., De Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity (Critical Discourse Analysis). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 288 p.

References

Assman A. The European Dream: Four Lessons of History; Reinvention of the Nation: Why We are Afraid of It and why We Need It. Moscow: New Literary Review Publ., 2022. 508 p.

Baranov A.V. The Political Identity of Novorossiia: the State and Resources of Construction // The Caspian Region: Politics, Economy, Culture. Astrakhan, 2015. No. 2 (43). Pp. 98–106.

Baranov A.V. Political Conflicts in Weak States: History and Modernity (Based on the Materials of Yugoslavia and Ukraine). Krasnodar: Kuban State University Publ., 2022. 261 p.

Bart R. Mythology. Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2000. 351 p.

Vnukova L.B., Vlaskina T.Y. Self-identification of Donbass Residents in the Context of Socio-Political Views: Socio-Linguistic Aspect // Bulletin of Tomsk State University. 2021. No. 463. Pp. 73–86.

Voynalovich V.A., Kochan N.I. Religious Factor of Ethnopolitical Processes in the Donbas: History and Modernity. Kiev: I.F. Kuras Institute for Political and Ethnonational Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2014. 304 p.

Vyazovik T.P. Version of the Past as a State Myth // Symbolic Politics: Collection of Scientific Papers. Vol. 2: Disputes About the Past as Designing the Future. Moscow: INION RAS Publ., 2014. Pp. 93–109.

Grigoryants V.E., Zhiltsov S.S., Ishin A.V., Malgin A.V. Federalization of Ukraine: Towards Unity Through Diversity. Moscow: East – West Publ., 2011. 228 p.

Donbass in the Ethno-political Dimension / authors: V. Kotigorenko (head), O. Kalakura, L. Kovach and others. Kiev: I.F. Kuras IPIEND of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2014. 584 h.

Donbass and Crimea: Refund Price / edited by V.P. Gorbulin, O.S. Vlasyuk, E.M. Libanova, O.M. Lyashenko. Kyiv: National Institute for Strategic Studies Publ., 2015. 474 p.

Zalevskaya N. From Donbass Regional Patriotism to Russia. [Electronic Resource]. URL: <https://novorosinform.org/738382> (date of access: 02.03.2023).

Karmazina M.S. Political Identities in Modern Ukraine: the City Community of Donetsk. Kiev: I.F. Kuras IPIEND of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2016, 232 P.

Kassirer E. Technique of Modern Political Myths // Bulletin of the Moscow University. Series 7: Philosophy. 1990. No. 2. Pp. 58–65.

Kol'ev A.N. Political Mythology: Realization of Social Experience. Moscow: Logos Publ., 2003. 383 p.

Kuzina O.A., Sitko Yu.L. Symbolic Sign Situations and the Formation of Myth in Color Revolutions // Mythologos. Sevastopol, 2022. No. 3. Pp. 158–175.

Marchukov A.V. Novorossiia. Formation of National Identities (XVIII – XX Centuries). Moscow: Publishing house “Kuchkovo Field”, 2018. 512 p.

Mosionzhnik L.A. Technology of Historical Myth. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2012. 415 p.

Muza D.E. Russia in the Coordinate System of the Global World: Metaphysics, Ideology, Pragmatics. Moscow: Publisher Vorobyov A.V., 2016. 232 p.

Nemensky O.B. Evolution of Russian and Ukrainian Identity in Ukraine After Euromaidan // Questions of Nationalism. 2015. No. 4 (24). Pp. 26–34.

Onopko O.V. Crimea and the Black Sea Region in the Political Picture of the World of Experts of the National Institute for Strategic Studies of Ukraine (Based on the Materials of Analytical Reports to the President’s Messages to the Verkhovna Rada) // The Caspian Region: Politics, Economy, Culture. Astrakhan, 2020. No. 4 (65). Pp. 79–84.

Onopko O.V., Vnukova L.B. Political Symbolism and the Formation of Civil Identity of the Population of Donbass in Modern Conditions // Paradigms of Social Development. Sevastopol, 2018. No. 10. Pp. 73–78.

Patriotic Education in Donbass: History, Theory, Practice / under the general editorship of D.E. Muza, E.V. Balko and Ya.V. Polyakova. Donetsk: Publishing House “Edit”, 2018. 228 p.

Political Aspects of the Crisis in Donbas: Diagnostics of the State and Directions of Settlement. Analytical Report / ed. by Rafalsky O.O. (head), Kotigorenko V.O., Panchuk M.I. Kiev: I.F. Kuras IPIEND of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2015. 268 p.

Probejgolova N.V. Technologies of Myth-Making in the Process of Constructing Modern Political Reality (on the Example of Ukraine, LNR and DNR): a Civilizational Approach // Journal of the Heritage Institute. 2018. No. 2 (13). [Electronic Resource]. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/208.html> (accessed: 02.03.2023).

Putin Discussed the Situation with Libraries in the New Regions. [Electronic Resource]. URL: <https://rg.ru/2023/08/02/knigi-sentiabria.html> (date of access: 02.03.2023).

Savoskul S.S. Russians of the New Abroad: The Choice of Fate. Moscow: Nauka Publ., 2001. 437, 1 p.

Stavitsky A.V. “Historical politics” in Ukraine: Mythological Aspect // Myth in History, Politics, Culture: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2021, Sevastopol). Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2021. Pp. 352–358. [Electronic Resource]. URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2022/02/01a.-Mif-sbornik-5-2021-v.pdf> (date of access: 02.03.2023).

Stavitsky A.V. The National Historical Myth of Ukraine. Sevastopol: Ribest Publ., 2015. 748 p.

Strelnik O.N. Mythological Roots of Political Ideology // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2014. No. 4. Pp. 17–29.

Tatarinov I.E., Gerasimov A.V. South Russian Identity in the Donbas: Some Features of Existence in the XXI Century // Black Sea Region in the Context of Russian Civilization: History, Politics, Culture: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2019. Pp. 537–545.

Ukraine: The Process of Nation-Making / ed. by A. Kappeler. Kiev: “K.I.S.” Publ., 2011. 416 p.

Shatilo I.S. Novorossiia as a Historical Reality and a Political Project // Power. 2015. No. 2. Pp. 38–44.

Shestov N.I. Political Myth Now and Before. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2005. 409 p.

Ethnic Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Cultural Differences / ed. by F. Barth. Moscow: New Publishing House, 2006. 198 p.

Abibok Yu. On the Way to Creating the “Donbas People”. Identity Policy in the Self-Proclaimed Republics in East Ukraine // Centre for Eastern Studies. Glasgow, 2018. № 270. Pp. 1–8.

Apolte Th., Müller J. The persistence of political myths and ideologies // European Journal of Political Economy. London, 2022. Vol. 71. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102076>

Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas // Eurasian Geography and Economics. 2019. Pp. 1–25.

Henke N. Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective // ECMI Research Paper #125. Flensburg, 2020. 31 p.

Kudelia S., van Zyl J. In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas // Nationalities Papers. New York, 2019. Vol. 47 (5). P. 801–821.

Kuzio T. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the “Other” // Ethnicities. New York, 2001. N 1 (3). Pp. 343–365.

Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. Berkeley, 1989. № 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. Pp. 7–24.

Pakhomenko S., Tryma K., Francis J.A. The Russian-Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare // The Use of Force Against Ukraine and International Law. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2018. Pp. 298–312.

Sasse G., Lackner A. War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine // Post-Soviet Affairs. New York, 2018. Pp. 1–19.

Segal R.A. Myth: a Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. XI, 163 p.

Wodak R., De Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity (Critical Discourse Analysis). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 288 p.

Сведения об авторе:

Баранов Андрей Владимирович

профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Bionotes:

Baranov Andrey Vladimirovich

Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Doctor of Politics, Doctor of History, Professor (Krasnodar, Russia).

Для цитирования:

Баранов А.В. Мифы об истории и идентичности Донбасса в украинской политической аналитике // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 66–78.

For citation:

Baranov A.V. Myths about the History and Identity of Donbass in Ukrainian Political Analytics // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 66–78.

УДК 172.4

ТРАДИЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ XX – XXI ВЕКОВ

Пивоев Вячеслав Михайлович

Северный институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста РФ) в г. Петрозаводске (Петрозаводск, Россия)

Аннотация

Эпоха перемен провоцирует необходимость переосмысления идентичности и выстраивания программ социально-культурного развития общества. В их основе трансформация бинарной идентификации «мы/они», «свой/чужие». В этих условиях важно осознавать границы и меру собственной идентичности, не поддаваться соблазнам и иллюзиям «иных» ценностных программ, противостоящих «своим», традиционным, поскольку они способны разрушить духовное единство нашего народа.

Ключевые слова: идентичность, «свой», «чужой», трансформация, страх, освоение, традиция

TRADITIONS OF IDENTIFICATION AND TRANSFORMATION OF IDENTITY IMAGES IN RUSSIA IN THE XX-XXI CENTURIES

Pivoev Vyacheslav Mikhailovich

Northern Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of the Russian Federation) in Petrozavodsk
(Petrozavodsk, Russia)

Abstract

The era of change provokes the need to rethink identity and build programmes of socio-cultural development of society. They are based on the transformation of binary identification "us/them", "our own/others". In these conditions it is important to understand the boundaries and measure of one's own identity, not to give in to the temptations and illusions of "other" value programmes opposing "our own", traditional ones, as they can destroy the spiritual unity of our people.

Key words: identity, "own", "foreign", transformation, fear, assimilation, tradition

В настоящее время Россия вместе со всем миром переживает эпоху кардинальных перемен, которая провоцирует кризис идентичности в сознании молодежи России и особенно это связано с современной ситуацией во взаимоотношениях России и Украины, что требует ответа на вопрос: для нас, россиян, украинцы «свои» или «чужие»? Кого из украинцев мы можем считать «своими»? Если украинские солдаты убивают русских солдат и своих сограждан, посылают снаряды и ракеты на территорию российских поселений, угрожают Крыму, то не правомерно ли считать их «чужими», «врагами»?

Параллельно возникла проблема отношения к гражданам нашей страны, которые уехали за границу, спасаясь от мобилизации и осуждая действия нашей армии на территории Новороссии по спасению русских на Юго-Востоке Украины от геноцида.

Эти беглецы встали на путь предательства интересов безопасности и благополучия нашего Отечества, то есть стали «чужими» для России. Не менее важным основанием является существование человека на границе с другими государствами, с иной культурой и менталитетом их граждан. Еще недавно республики Казахстан, Азербайджан, Грузия, Армения, Украина входили в состав Советского Союза, а их жители для россиян считались «своими», но теперь они стали самостоятельными государствами, реализующими свои интересы и цели, не всегда совпадающими с интересами России.

Возникает естественный вопрос о том, как воспринимать их граждан: как «чужих» или, признавая их право на «инаковость», считать «другими», «иными», но все же «своими»? И, наконец, в переходную эпоху в сознании каждого человека возникает борьба привычного «Я» с изменившимся под влиянием новых реалий иным «Я» и, соответственно, происходит трансформация идентичности, сопровождающаяся пересмотром важнейших ценностных ориентиров и убеждений.

Отказаться от привычек всегда очень нелегко, особенно людям старших поколений; молодежь чаще готова уехать в другую страну, предполагая, что «там» лучше, чем «здесь». При перемене места жизни неизбежны трудности адаптации, «освоения» языка, обычаев, культуры «чужой страны».

Дилемма «свое/чужое» возникла в древности и имеет два уровня – инстинктивно-психологический и сознательно-аксиологический. Первый опирается на потребности выживания, преодоления страха и обнадеживания. Он связан с инстинктами «рептильного мозга» по обеспечению безопасности и удовлетворения базовых материальных потребностей [Пивоев 2011: 11–14)].

Второй возникает по мере освоения мира и расширения пространства существования при столкновении с конкуренцией иных («чужих») групп, что приводит к осознанию различий и противоречий – «мы/они» [Поршнева 1979: 78–84, 96–116].

Изначально «чужой» – это враг, но по мере его «освоения» его статус как источника опасности ослабевает. Незвестный «чужой» — опасен, известный «чужой» менее опасен, так как мы узнаем, чего от него можно ожидать (хорошего или плохого).

Страх – это реакция на нашу неготовность к опасности. Если мы знакомы с возникающей опасностью, то страх — минимален. Возникает изначальная формула древнейшей морали и зародыш «права»: «убить своего – преступление, убить чужого –подвиг». Позднее жесткость такой нормы смягчается, но она остается в фундаменте жизненных ориентаций.

«Чужой», по мере его «освоения», может переходить в категорию «иногo», «другого». При этом его отличия от «своих» уже не считаются угрожающими и опасными, но находятся в пределах допустимого разнообразия и толерантного отношения. В Петрозаводске в 1997 – 2017 гг. состоялись одиннадцать научных конференций по проблемам взаимоотношений «своего» и «чужого» в условиях Европейского Севера России.

Идентификация на основе различения «своих» и «чужих» особенно важна в обществе с коллективистским менталитетом, каким является Россия. Общая характеристика различий «своего» и «чужого» может быть представлена в таблице 1:

«Свое»	«Чужое»
Истинность, достоверность	Иллюзорность, сомнительность
Уверенность в будущем	Проблематичность гарантий безопасного будущего
Защищенность	Опасность
Надежность	Непрочность
Гарантированность благополучия	Сомнительность благополучия
Привычность	Рискованная новизна

Исторические изменения в общественной жизни способны провоцировать необходимость переосмысления собственной идентичности у людей. За прошедшее столетие в сознании россиян происходили трансформации антиномичных образов идентичности «своих/чужих», которые формировались на основе мифологических традиций и под влиянием средств массовой информации и пропаганды. Так, бывшие воры, спекулянты и уголовники в первые годы советской власти могли становиться крупными руководителями, организаторами производства, генералами НКВД. Примеры такого рода описаны в книгах профессора А.А. Тайбакова [Тайбаков 2022: 184; Тайбаков А. 2022: 380].

В апреле 2023 г. в Крымском университете (г. Симферополь) состоялась успешная защита кандидатской диссертации Л.А. Холовой «Трансформация образа Чужого в социальной реальности постсоветского пространства» [Холова 2023: 26], где были представлены результаты осмысления изменений в образе «чужого» в постсоветском сознании россиян. Однако работа (в целом вполне убедительная и обоснованная) весьма выиграла бы при наличии наглядного представления изменений в идентификационных параметрах на протяжении последнего столетия. Представленный материал преследует цель развить идеи Л.А. Холовой.

Формирование позитивных и негативных стандартов идентичности в противопоставлении «своих» («мы») и «чужих» («они») осуществляют средства массовой информации и произведения искусства (кино, литература и театр). Наиболее эффективным манипулятивным потенциалом обладают кино и телевидение, опирающиеся на зрительное восприятие, создающее иллюзию очевидности и истинности получаемой информации. Несмотря на то, что сегодня конкуренцию телевидению составляет Интернет и сетевые технологии, телевосприятие остается одним из самых эффективных инструментов создания упрощенных и в немалой степени мифологизированных образов «своих» и «чужих» [Владиминова 2011].

Как заметил Конрад Лоренц, «сейчас во многих местах индивид, сознательно уклоняющийся от воздействия средств массовой информации, например, телевидения, рассматривается как патологический субъект. Эффекты, уничтожающие индивидуальность, приветствуются всеми, кто хочет манипулировать большими массами людей» [Лоренц 1998: 59].

Можно выделить пять этапов трансформации таких образов за прошедшее столетие. Основные этапы смены образов идентичности «своих/чужих» в менталитете россиян в XX–XXI вв. показаны в таблицах 2–6: 1920—1940 гг.

1. Таблица 2

<i>«Свой»</i>	<i>«Чужой»</i>
Пролетарий и бедный крестьянин	Кулак, эксплуататор, буржуй
Передовик производства («стахановец»)	Бюрократ, саботажник, интеллигент
Коммунист, комсомолец, пионер	Троцкист, враг народа, вредитель
Интернационалист	Националист
Марксист	Идеалист
Атеист	Священник

2. 1940–1947 годы Таблица 3

<i>«Свой»</i>	<i>«Чужой»</i>
Советский человек, защитник Родины	Немецкий агрессор
Труженик тыла («все для фронта»)	Спекулянт, дезертир
Коммунист, комсомолец, пионер	Шпион, диверсант, враг народа
Материалист	Идеалист

3. 1950—1995 гг. Таблица 4

<i>«Свой»</i>	<i>«Чужой»</i>
Добросовестный труженик	Фарцовщик, тунядец, спекулянт
Коммунист, комсомолец, пионер	Стиляга, поклонник западного образа жизни
Ответственный руководитель	Взяточник
Законопослушный гражданин	«Вор в законе»
Материалист, марксист	Идеалист
Коллективист	Индивидуалист

4. 1995—2021 гг. Таблица 5

<i>«Свой»</i>	<i>«Чужой»</i>
Сторонник дружбы народов	Патриот
Защитник	Террорист, экстремист
Интернационалист, принимающий общечеловеческие ценности	Националист
Либерал	Консерватор
Коллективист	Олигарх
Активный предприниматель	Чиновник-бюрократ

5. 2022—2023 гг. Таблица 6

<i>«Свой»</i>	<i>«Чужой»</i>
Патриот России	Предатель, прислужник Запада
Консерватор	Либерал
Защитник традиционных семейных ценностей	Приверженец ЛГБТ и трансгендерной трансформации
Гуманист	Фашист
Государственник	Анархист, либертарианец

Аристотелевская логика предлагает выбор «или-или» для осмысления дилеммы «свой/чужой», но гораздо разумнее не абсолютизировать это различие, не проявлять негативной реакции до озлобленной ненависти, выбирая синхронную двойственность «и/и», в духе толерантности допуская «чужому» право на

инаковость, проявлять разумную терпимость к его желанию быть другим в рамках правовых и моральных ограничений. Понятно, что эта терпимость имеет свои пределы и определяется степенью негативной напряженности во взаимоотношениях «своих» и «чужих». Легче всего идти на крайние меры, призывая к уничтожению «чужих». Разумнее отставлять «двери открытыми», помогая «чужому» перейти на уровень «иногo», «другого», уважая его «инаковость». При этом можно обогащать свой духовный мир позитивными ценностями других народов, не жертвуя своей системой ценностей, лежащей в фундаменте «своего».

Кризис традиционной идентичности и перепрограммирование основ самоидентичности россиян (особенно молодого поколения) — острые проблемы информационно-идеологической войны, которую ведут против России в течение семидесяти лет идеологи Запада, стремясь подорвать наше духовное единство и подчинить своим «правилам».

Литература

Вальденфельс Б. Мотив чужого: Сб. Мн.: ПроPILEI, 1999. 176 с.

Владимирова М. Б. Трансформация массового сознания под воздействием СМИ (на примере российского телевидения). Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. 144 с.

Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Москва: Республика, 1998. 393 с.

Пивоев В.М. Философия надежды, или Мифология. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 108 с.

Поршнев Б. Социальная психология и история. Москва: Наука, 1979. 232 с.

Тайбаков А. Константа Френкеля: Подлинная история жизни технократа ГУЛАГа. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2022. 184 с.:

Тайбаков А. Семен Фирин: Неисправимый романтик ГУЛАГа. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2022. 380 с.

Холова Л.А. Трансформация образа Чужого в социальной реальности постсоветского пространства: Автореф. дисс. канд. филос. наук. Симферополь, 2023. 26 с.

References

Waldenfels B. The Motive of the Stranger: Collected Works, Minsk: Propylaeus Publ, 1999. 176 p.

Vladimirova M. B. Transformation of Mass Consciousness under the Influence of Mass Media (on the example of Russian television). Moscow: FLINTA: Nauka Publ, 2011. 144 p.

Lorenz K. The Back of the Mirror. Moscow: Respublika Publ, 1998. 393 с.

Pivoev V.M. Philosophy of Hope, or Mythology. Petrozavodsk: Izd-voor PetrSU Publ, 2011. 108 p.

Porshnev B. Social Psychology and History. Moscow: Nauka Publ, 1979. 232 с.

Taibakov A. Frenkel's Constanta: A Genuine Life Story of a Gulag Technocrat. Petrozavodsk: KarNTS RAS Publ, 2022. 184 p.

Taibakov A. Semyon Firin: The Incurable Romantic of the Gulag. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ, 2022. 380 p.

Kholova L.A. Transformation of the Image of the Stranger in the Social Reality of the post-Soviet Space: Avtoref. diss. kand. philos. nauk. Simferopol, 2023. 26 p.

Сведения об авторе:

Пивоев Вячеслав Михайлович

доктор философских наук, профессор Северного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) в г. Петрозаводске (г. Петрозаводск, Россия).

E-mail: pivoev@mail.ru

Bionotes:

Pivoev Vyacheslav Mikhailovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Northern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) in Petrozavodsk (Petrozavodsk, Russia).

Для цитирования:

Пивоев В.М. Традиции идентификации и трансформации образов идентичностей в России XX – XXI веков // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 79–85.

For citation:

Pivoev V.M. Traditions of Identification and Transformation of Identity Images in Russia of XX – XXI Centuries // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 79–85.

МИФОЛОГИЯ ВОЙНЫ

УДК 81`27

DOI:

ВОЙНА КАК МИФ: КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ» (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ)

Пименова Марина Владимировна

Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского
(г. Санкт-Петербург, Россия).

Бодриков Алексей Борисович

Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Цель статьи – описать тенденции развития когнитивной модели «театр военных действий» в русской лингвокультуре в период 1904–1905 гг. Актуальность проведенного исследования заключается в описании стереотипов русской лингвокультуры, связанных с когнитивной моделью *театр военных действий*, в аспекте осмысления эволюции когнитивной модели от XIX вв. до начала XX в. Научная новизна исследования состоит в первом опыте обращения к теме когнитивной модели *театр военных действий* в период русско-японской войны в русской лингвокультуре во времена российской империи. Для описания изучаемой когнитивной модели в качестве источника языкового материала выступает Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Работа выполнена в рамках Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований. Основными в статье являются: описательный, концептуальный и интерпретативный методы исследования. Сценарий «театра военных действий» воспринимается как реализация последовательных событий. Военный сценарий театра на фронте предполагает дополнительные компоненты: 1. Взаимодействие руководства: военные советы; 2. Обмен информацией: сообщения читателям; 3. Медицинская составляющая: наличие врачей и медсестер, медицинского оборудования; 4. Идеологическая составляющая: патриотизм, появление партизан, героизм, религия, освещение событий в газетах, дезинформация, шпионство. Структура концепта *война*, характерная для XIX в., в начале XX в. меняет свою сценарную составляющую. Для этого сценария уже не актуальны такие признаки, как: ‘гвардия’, ‘мобилизация армии’, ‘ценз на возраст призывников’, ‘сражения’, ‘поражения’, ‘переговоры’, ‘разгром противника’, ‘пленение войск противника’, ‘захват столицы вражеского государства’, ‘штаб-квартира’, ‘размещение военного лагеря’. В начале XX века наблюдается переосмысление мифа о войне: война предстает перед взорами читателей в аспекте классики – как битва гладиаторов на арене Колизея. Зритель территориально отстранен от зоны боевых действий, он не вовлечен в события. Появляются новые смыслы войны, относящиеся к истории и культуре Древнего Рима.

Ключевые слова: когнитивные признаки, структура концепта, военные концепты, символический концепт, концептология, языковая картина мира, лингвокультурология

WAR AS A MYTH: THE THEATER OF WAR COGNITIVE MODEL (ON THE EXAMPLE OF THE PERIOD OF THE RUSSO-JAPANESE WAR)

Pimenova Marina Vladimirovna

Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University
(St. Petersburg, Russia).

Bodrikov Alexey Borisovich

Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University
(St. Petersburg, Russia).

Abstract

The purpose of the article is to describe the trends in the development of the cognitive model "theater of war" in Russian linguistic culture in the period 1904-1905th. The relevance of the study lies in the description of the stereotypes of Russian linguoculture associated with the cognitive model of the *theater of operations*, in the aspect of understanding the evolution of the cognitive model from the 19th century until the beginning of the twentieth century. The scientific novelty of the study consists in the first experience of addressing the theme of the cognitive model of the *theater of operations* during the Russian-Japanese war in Russian linguoculture during the Russian Empire. To describe the cognitive model under study, the National Corpus of the Russian Language (www.ruscorpora.ru) acts as a source of language material. The work was carried out within the framework of the St. Petersburg-Kemerovo School of Conceptual Research. The main ones in the article are: descriptive, conceptual and interpretive research methods. The "theater of war" scenario is perceived as the realization of successive events. The military scenario of the *theater of operations* assumes additional components: 1. Leadership interaction: military councils; 2. Exchange of information: messages to readers; 3. Medical component: availability of doctors and nurses, medical equipment; 4. Ideological component: patriotism, emergence of partisans, heroism, religion, newspaper coverage, disinformation, espionage. The structure of the *war* concept, characteristic of the 19th century, at the beginning of the 20th century changes its script. For this scenario, such signs as: 'guards', 'mobilization of the army', 'requirement for the age of conscripts', 'battles', 'defeats', 'negotiations', 'defeat of the enemy', 'capture of enemy troops', 'capture of the capital of an enemy state', 'headquarters', 'placement of a military camp'. At the beginning of the twentieth century, a rethinking of the myth of the war is observed: the war appears before the eyes of readers in the aspect of the classics - like a battle of gladiators in the arena of the Colosseum. The viewer is territorially removed from the combat zone, he is not involved in the events. New meanings of war appear, relating to the history and culture of Ancient Rome.

Key words: cognitive signs, concept structure, military concepts, symbolic concept, conceptology, language picture of the world, linguoculturology

Введение (Introduction)

В статье описывается заимствованное в русский язык выражение *театр военных действий*. Ведущим в исследовании термином выступает *когнитивная модель*. *Когнитивная модель* – это «стереотипный образ, с помощью которого организуется некоторый жизненный опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, оценку этого опыта, а также то, что мы хотим выразить» [Пименова 2001: 33]. Другое название когнитивной модели в терминологии современной лингвистики – *фрейм, сценарий, концептуальная схема* [Davidson 1973–1974: 5]. Когнитивная модель (фрейм) вбирает в себя некий комплекс ассоциаций, связанных со словом или сочетанием слов: «Фреймы (конкретные концептуальные структуры), сохраняющиеся в языковом фонде, берут свое начало в знании окружающего мира. Под фреймами понимается концептуальная структура, которая охватывает определенную лексическую

единицу как ассоциативный контекст или же при помощи которой она воспроизводится, причем сценарии имплицитно временной отрезок происходящего» [Пименов 2009: 57]. Совокупность некоторых взаимосвязанных признаков формирует сценарий: «Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и/ или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий и причин возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено причинами, послужившими его появлению» [Пименова 2003: 59].

В лингвистической литературе отмечены единичные работы, в которых изучаются сценарии концептов: *радость* [Пименова 2009: 68–80], *мечта* [Сергеев 2010], при этом совершенно отсутствуют работы, в которых была проанализирована когнитивная модель *театр военных действий*. Научная новизна исследования заключается в обращении к основным способам реализации когнитивной модели *театр военных действий* в русской лингвокультуре в начале XX в. – в 1904–1905 гг., когда шла русско-японская война. Именно в этот период наблюдается всплеск активного употребления соответствующего выражения для описания военных действий русской и японской армий.

На пересечении XX – XXI вв. в лингвокультурологии становится актуальным исследование символов, закрепленных за соответствующими когнитивными моделями, реализуемыми в языке в виде устойчивых сочетаний. В первую очередь, лингвокультурная символика закрепляется в языковой картине мира. «Языковая картина мира складывается в языке исторически; это совокупность представлений о мире, собираемых и хранимых в народном сознании веками; это способ организации действительности в сознании и языке» [Лучик 2019: 13]. Чтобы понять ментальность народа, необходимо обратиться к символам лингвокультуры; это помогает осознать закрепленные стереотипы восприятия и поведения людей. По словам В. В. Колесова, «ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах языка» [Колесов 1999: 148]. Язык транслирует культуру: культура отображается в формах и категориях родного языка (по В.В. Колесову), а это создаёт основы ментальности народа. «Существование человека в языке предполагает трёхмерность связей: отношение человека к знаку-слову (мы его называли символом), его отношение к идее-смыслу и его отношение к вещи и миру. Полнота восприятия предполагает все три источника в поступлении информации: и чувства, и разум, и волю» [Колесов 2001: 6].

Язык насыщен символикой, которая является родной, пустившей глубокие корни в лингвокультуре. Другая часть символики привнесена из других культур, является заимствованной, зачастую навязанной, отображающей иную ментальность. Цель статьи – определить основные символы синкретичной когнитивной модели *театр военных действий* в русской лингвокультуре, отделив то, что существует в ней искони, от того, что заимствовано из других лингвокультур.

Символы лингвокультуры отображают древние архетипы, которые уже не осознаются носителями языка. В контекстах такие архетипы вербализуются в виде стёртых метафор и скрытых, малопонятных символов. «Ментальные “архетипы” складываются исторически, идеал ментальности – не сиюминутная идея социального наполнения» [Колесов 1995: 14–15]. Изучение концептов в аспекте языка и культуры – перспектива исследований [Bartmiński 2006; Wierzbicka 2007], в

том числе с позиций изучения милитарных концептов [Бодриков 2018; Пименова, Бодриков 2019а; Пименова, Бодриков 2019б].

Объектом исследования данной статьи является синкретичная когнитивная модель «театр военных действий», состоящая из: 1. Символического концепта *война*, 2. Концепта *театр*, 3. Сценария спектакля («театральное действие»). Все три компонента воспринимаются синкретично, в изучаемой когнитивной модели они скрыты за соответствующими символами. Существованию этого сложного концептуального комплекса в языковой картине мира и лингвокультуре есть объяснение: Россия принимала участие во многих войнах, в которых воевала как на собственной территории, так и территориях другие стран. Однако образы *театра военных действий* не являются стереотипными для носителей русского языка, они выражают устойчивые инокультурные архетипы сознания.

Методы исследования (Methods)

Для определения когнитивных признаков когнитивной модели использовался комплекс методов: метод компонентного анализа слова, репрезентанта концепта, описательный метод, метод концептуального анализа, дескриптивный метод.

Литературный обзор (Literature Review)

В научной литературе отмечена одна статья, в которой описываются отдельные аспекты милитарных когнитивных моделей *власть – армия* и *власть армии* [Демидова, Бодриков 2022: 90–99]. Других подобных работ на похожую тему в научной литературе нет.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Русско-японская война охватывает период с 27 января (9 февраля) 1904 года по 23 августа (5 сентября) 1905 года. Конфликт происходил между Российской и Японской империями, цель войны – контроль Маньчжурии, Кореи и Жёлтого моря. Данный период выбран в качестве временного компонента исследования в связи с большим количеством языкового материала в НКРЯ, в котором активно реализуется когнитивная модель *театр военных действий*. Весь языковой материал указывает на далёкое расположение фронта от центра России, территориальную удаленность боевых действий от столицы (*Театр военных действий находится почти под рукой Японии и в громадном расстоянии от Европейской России, центра всех наших как военных, так и материальных сил*. С.Ю. Витте. Война с Японией. 1905). Поэтому восприятие войны читателями происходит через третьи лица – посредством газет и свидетелей с фронта, представляющих информацию и дезинформацию (последняя отмечена в контекстах, описывающих японскую идеологию). По словам В.М. Найдыша, налицо признаки первобытного мифа – «идентификация реальности с содержанием сознания, неразличение объекта и его образа в сознании субъекта» [Найдыш 2022: 25]. Театр – самый продуктивный источник образов для описания войны и военных действий: «Первобытная мифология – это допонятийное мышление образами» [Там же: 20]. Отсюда – актуальность театральной модели войны, которая совершенно не соответствует действительности и лишь отдаленно напоминает реальность. Эта модель отображает иноязычную ментальность, не соответствующую традициям русского языкового сознания.

История формирования когнитивных моделей – вопрос, который требует подробного освещения. Когнитивная модель появляется тогда, когда лингвокультура ассимилировала определенный сценарий события,

объективизируемого в языке устойчивым сочетанием. Одним из примеров реализации когнитивной модели может служить заимствованное в русский язык выражение *театр военных действий*. Война через это выражение предстает в виде инокультурного мифа: если в восприятии носителей русского языка война стереотипно связана со страданиями, лишениями, защитой своих границ, то внедренное в русское языковое сознание выражение *театр военных действий* преподносит иное восприятие войны – как театра, в котором есть актеры, действующие по определенному сценарию, и зрители. Война воспринимается зрителями отстраненно – как картина разворачивающихся событий, в которых настоящие кровопролитие и смерть видятся как необходимые атрибуты действий актеров на сцене. Война в таком ракурсе воспринимается сквозь призму гладиаторских боёв на арене Колизея, где по-настоящему сражались и умирали бьющиеся с противником гладиаторы. Отстранённость и идеология – важные компоненты описываемой когнитивной модели: в начале XX в. отмечены контексты, в которых на войну едут художники и скульпторы для зарисовки батальных сцен и «театральных» типажей героев (*Отъезд художников на театр военных действий. На днях уезжают на Дальний Восток несколько скульпторов во главе с А.Г. Тимусом с целью воспроизведения различных типов и сцен. Телеграммы // «Русь», 02.03.1904*).

Обратимся к истории возникновения выражения *театр военных действий*. На пересечении XVIII в. и XIX в. в российском дискурсе появляется выражение *военный театр*, представляющее восприятие войны как театра. Это выражение встречается в контексте, описывающем Ф. Лефорта – немецкого сподвижника Петра I (*Ему тѣмъ было сіе пріятнѣе, что въ ономъ начальствоваль тогда надъ гарнизономъ Генераль Гордонъ, свойственникъ его по женѣ, и что онъ не принужденъ будетъ на великое разстояніе отдаляться отъ театра военнаго... И. Голиков. Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женевца, Франца Яковлевича. 1800*). Вариантом ему может быть выражение *театр войны*, появившееся в русской лингвокультуре в 1812 г. (*Нельзя было всех дел предоставлять на распоряжение губернских начальств и поручить одному Князю Кутузову управление всеми губерниями, которые находились близ театра войны или, быв объявлены в военном положении, вышли из общей связи государственного управления. А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 г.*). Последнее выражение – калька с европейских языков. В английском языке выражение *theater of war* появилось в 1703 г. в значении «место, в котором происходит война или боевые действия» [Merriam-webster.com: интернет-ресурс]

Выражение *театр военных действий* в разных языках Европы звучит так: англ. *theater of operations*; нем. *Schauplatz der Operationen*; нидерл. *theater van operaties*; франц. *théâtre d'opérations*. Для примера современного толкования слов, составляющих это сочетание, возьмем английский язык. Слово *operations* и его эквиваленты в других языках имеют соответствие в русском языке – *операции*. Английское слово *operations* имеет несколько толкований: 1. выполнение практической работы или чего-либо, связанного с практическим применением принципов или процессов; 2. а) проявление власти или влияния; б) качество или состояние функционального или оперативного; в) метод или способ функционирования; 3. процедура, выполняемая на живом теле, обычно с помощью инструментов, специально предназначенная для устранения повреждений или дефектов или восстановления здоровья; 4. любой из различных математических

или логических процессов (например, сложение) получения одного объекта из других в соответствии с правилом; 5. а) обычно военные действия, миссии или маневры, включая их планирование и выполнение; б) офис на линии полета аэродрома, где пилоты оформляют допуск к полетам и где контролируется полет с поля; в) агентство организации, которому поручено выполнение основных плановых и оперативных функций штаб-квартиры и подчиненных ей подразделений; 6. деловая сделка, особенно спекулятивная; 7. один шаг, выполняемый компьютером при выполнении программы; 8. обычно малый бизнес или заведение [Merriam-webster.com: интернет-ресурс].

Английское слово *theatre* переводится следующим образом: 1. обычно малый бизнес или заведение; 2. здание, в котором показывают фильмы; 3. пьесы как развлечение; 4. работа по написанию, продюсированию и игре в пьесах; 5. комната в больнице, используемая для медицинских операций; 6. литературное выражение *theatre (of war/operations)* переводится как «место, в котором происходит война или боевые действия» [Oxford Advanced Learner's Dictionary: интернет-ресурс].

Согласно Национальному корпусу русского языка, впервые выражение *театр военных действий* появляется в произведении Н.Д. Дурново 1812 года (*Его пленение положило бы конец войне, тогда как в настоящее время театр военных действий перенесен в Германию*. Н. Д. Дурново. Дневник. 1812). Контекст касается территории Германии. О влиянии иных лингвокультур на внедрение данного выражения в русский язык указывает тот факт, что все контексты первой половины XIX в., содержащие его, имеют авторов с иностранными фамилиями: А.О. Дюгамель в 1830 г., М.В. Корф в 1838-1852 гг., К.М. Базили 1847 г., Ф.Ф. Торнау в 1869 г. Кроме того, выражение *театр военных действий* упоминается в описаниях войн между иностранными государствами: 1860 г. – война между Англией, Францией и Китаем, середина XIX в. – война на Балканах, конец XIX в. – война в Японии, Турции в 1897 г. и на Кавказе в 1895 г. К середине XIX в. это выражение становится привычным и широко употребляется в политическом дискурсе. Оно встречается у Ф.В. Булгарина в 1846-1849 гг., И.С. Аксакова в 1849–1856 гг., М.И. Богдановича в 1876 г.

Как концептуализируется театр в аспекте изучаемой когнитивной модели? Описание местонахождения на войне происходит через метафору локализации в партере театра (*Но все это такъ спокойно, планомерно, что трудно представить себѣ, что сидишь въ центрѣ театра военных дѣйствій*. Н. Г. Гаринь-Михайловскій. Дневникъ во время войны. 1904). Однако близкое расположение к театру имеет неприятные последствия для дел, связанных с войной, из-за излишнего рвения участников событий (*И чѣмъ ближе къ театру военных дѣйствій, тѣмъ хуже или желѣзнодорожная дѣла, потому что тѣмъ больше было людей, желавшихъ отличиться за ея счетъ*. Н. Г. Гаринь-Михайловскій. Дневникъ во время войны. 1904). В описании войны появляется театральный признак ‘антракт’ (*На театре военных действий затишье*. Вести // «Русь», 04.04.1904).

Театр понимается как изображение неких действий, как реализация определенного сценария войны. Сам сценарий войны прописан согласно стратегии и тактике – учению об успешном ведении военных действий (*Это – тактика, а стратегія обратна: объявляя войну, надо двинуть на театр военных дѣйствій сразу побольше, – тогда и успѣхъ быстрый обеспеченъ и дорогое выйдет на дешевое*. Н. Г. Гаринь-Михайловскій. Дневникъ во время войны. 1904). Военный

сценарий несколько необычен в этот период. Он предполагает описание таких компонентов, как: положение дел на фронте (**Положение на театре военных действий по-прежнему неопределенное**. Война // «Русское слово», 29.12.1904), распространение религиозных книг среди воюющих с обеих сторон (*Иван Акимович Сenumsа приходил сказать, что профессора Семинарии – Ивасава, Сайкаиси и он – хотят выразить патриотизм Семинарии составлением и отпечатанием книжки русско-японских разговоров в пользу войска; отпечатают тысяч десять экземпляров и пожертвуют, чтоб отосланы были на театр военных действий*. архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник. 1904), наличие/ отсутствие перемен (*На театре военных действий перемен нет*. Вести // «Русское слово», 18.04.1905), труппы (*Поворинскому, желающему за свой страх и риск организовать на театре военных действий консервирование трупп убитых воинов, родные и близкие которых пожелают предать останки земле в Европейской России*. Вести // «Русское слово», 31.08.1904), постановки (*Срок постановки – 2-го августа непосредственно на театр военных действий*. Вести // «Русское слово», 15.07.1904), советы (*Полковник Одеу, проживший в течение трех месяцев на манчжурском театре военных действий и отозванный союзным советом по требованию русских властей, прочел на днях в цюрихском офицерском собрании лекцию, в которой доказывал, что Россия совершенно не была подготовлена к войне с Японией*. Разные известия // «Русское слово», 30.01.1905), события (*Большинство склонны видеть в нем таинственное знамение относительно будущих событий на театре военных действий*. Вести // «Русский листок», 21.01.1905), переброску войск (*Все это время идет отправка только сибирских войск на театр военных действий*. Н.Г. Гаринь-Михайловский. Дневник во время войны. 1904), пребывание (*Она провела более 14 месяцев в Манчжурии, на театре военных действий, следуя за армиями Куропаткина и Линевица*. Вести // «Новое время», 19.12.1907), сопровождение (*Он сам был на театре военных действий и приехал оттуда, сопровождая партию раненых*. В.Э. Краевский. В Японии. 1905), отправку на фронт (*Но пусть отправляются на театр военных действий*. В.Э. Краевский. В Японии. 1905), возвращение воевавших (*Так и упомяните: сведения эти любезно сообщены штабс-капитаном Рыбниковым, только что вернувшимся с театра военных действий*. А.И. Куприн. Штабс-капитан Рыбников. 1905), известия (*Известия с театра военных действий продолжают быть неблагоприятными*. Вести // «Русское слово», 08.03.1905), освещение событий в средствах массовой информации, в том числе газетах (*Уже несколько месяцев тянется этот гипноз: люди противоположных воззрений, патриоты кнута и борцы революции, разноцветные политики и безцветная обывательская масса, – с различными чувствами, но с одинаковым волнением, – хватаются изо дня в день за газетный лист, приносящий известия с «театра военных действий»*. А. Н. Потресов. Под шум войны. 1904). Среди участников войны были известные лица в государстве (*На этих днях вернулся с театра военных действий и уехал в «Ясную Поляну» третий сын Льва Толстого – Андрей Львович*. Вести // «Русское слово», 08.02.1905). Существовавшие на предшествующем этапе признаки театрального сценария войны: ‘переговоры’, ‘минирование’, ‘возведение переправ и земельные работы’, ‘анализ ситуации на фронте’, ‘использование карт’, ‘наличие штаб-квартиры’, в контекстах называемой *главной квартирой*, ‘размещение военного лагеря’, ‘сообщения командованию’ в контекстах 1904-1905 гг. не обнаружены.

Структура концепта *война* тоже включает сценарий. В этот сценарий входит несколько компонентов, среди которых: войска (*Все это время идет отправка только сибирских войск на театр военных действий...* Н.Г. Гаринь-Михайловский. Дневник во время войны. 1904), армия (*Турецкая война показала, как невыгодно не выбрасывать на театр военных действий сразу большія армии.* Н.Г. Гаринь-Михайловский. Дневник во время войны. 1904), представленные воинами-защитниками, которые в результате войны получают раны и увечья (*Петербург, 25, I. Вчера Государь Император с Государынями Императрицами Марией Федоровной и Александрой Федоровной осчастливили посещением доставленных с театра военных действий доблестных защитников – раненых и увечных воинов, находящихся на излечении в лазарете Ее Величества.* Вести // «Русское слово», 08.02.1905), высшее командование, военный совет, офицерское собрание (*Полковник Одеу, пробывший в течение трех месяцев на манчжурском театре военных действий и отозванный союзным советом по требованию русских властей, прочел на днях в цюрихском офицерском собрании лекцию, в которой доказывал, что Россия совершенно не была подготовлена к войне с Японией.* Разные известия // «Русское слово», 30.01.1905), мобилизация (*Будет ли он послан на театр военных действий – Собинов еще не знает.* Вести // «Русское слово», 04.07.1905), путь (*Н.Д. Оболенский, командированный по высочайшему повелению для ознакомления на местах с делом эвакуации больных и раненых воинов как в Москве, так и по всему пути до театра военных действий.* Московская жизнь // «Московский листок», 30.12.1904), враг (*Нашъ противникъ, обслѣдовавъ все это основательно, взвѣсилъ, сколько силы мы можемъ доставить на театр военных действий, сколько потребуется на это времени и, принимая во вниманіе всѣ слабыя стороны нашего одряхлѣвшаго строя, убѣдился, что онъ имѣетъ много шансовъ на выигрышъ; имѣя за собой не одинъ «авось», а серьезный расчетъ онъ рѣшилъ поставить на карту все, что имѣлъ; онъ рѣшилъ поставить карту «на банкъ».* П.Н. Ларенко. Страдные дни Порт-Артура. 1906). Описание действий врага своеобразно, а несколько театрально. Освещение событий происходит в метафорах игры в карты (*выигрши, расчет, поставит на карту, поставит карту на банк*). Актуальные признаки концепта *война* в предыдущий период XIX в.: ‘гвардия’, ‘ценз на возраст призывников’, ‘сражения’, ‘поражения’, ‘переговоры’, ‘перемещения военных сил’, ‘разгром противника’, ‘пленение войск противника’, ‘захват столицы вражеского государства’ в контекстах 1904-1905 гг. не выявлены.

Что такое *театр военных действий* в 1904–1905 гг.? Обычно речь идет об определенной местности, где происходят военные действия. Это конкретные локусы: Дальний Восток – Маньчжурия (*Нижние воинские чины, пострадавшие на театре военных действий в Манчжурии, и находящиеся ныне в Мариинском приюте для ампутированных и увечных воинов, 12 января были вызваны в Собственный Его Величества дворец, для представления их в полном снабжении теми протезами, которые они получили в приюте взамен отсутствующих конечностей.* По телефону // «Московский листок», 31.01.1902), Порт-Артур (*Телеграммы с театра военных действий Порт-Артура.* Телеграммы // «Новости дня», 11.02.1904), Восточная Сибирь – район Прибайкалья (*Со мной вместе ехал Соловьев, который вчера только надел казачью форму 2-го Верх-Удинского полка и отправлялся на Восток к театру военных действий.* В.А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров. 1904). В.О. Ключевский, писавший

историю государства, упоминает переброску армии на большие расстояния (*Наскоро собираемые полки быстро таяли в боях, от голода, болезней, массовых побегов, ускоренных передвижений на огромных расстояниях – от Невы до Полтавы, от Азова и Астрахани до Риги, Калиша и Висмара, а между тем расширение театра военных действий требовало усиления численного состава армии.* В.О. Ключевский. Русская история. 1904). Сам фронт военных действий имеет большую протяженность. Он может распространяться, приближаясь к крупным городам, в том числе на вражеской территории (*В Нагасаки все дышит близостью театра военных действий.* В. Э. Краевский. В Японии. 1905). По окончании войны армия распускается, а воины становятся запасными (*Говорят о крупных беспорядках среди запасных, возвращающихся с театра военных действий на родину.* Вести // «Русское слово», 27.01.1906). Когнитивная модель *театр военных действий* в XIX в., включавшая признаки: ‘западные границы’, ‘стратегически важный южный берег’, ‘юг’, ‘определенный регион’, например: ‘Европа’, в изучаемый период эти признаки не показывает.

Языковые факты указывают на амбивалентность описываемых событий, сопровождающих описание когнитивной модели *театр военных действий*. Двойственность прослеживается в подаче информации о субъектах действия. Если действующее лицо – отечественные войска, то ее в русской прессе и донесениях с фронта именуют *армией*. Военные соединения противника называются *шайкой хунхузов* (*На театре военных действий перемен нет. По словам лиц, только что вернувшихся из Монголии, в частях ее, прилежащих к Ляохе, присутствия японцев не замечается, но всюду встречаются шайки хунхузов, с которыми приходится иметь частые перестрелки.* Вести // «Русское слово», 18.04.1905). Неоднозначность оценок в театре военных действий указывает на идеологическую подоплеку подаваемой информации.

Отмечены инновации, формирующие миф о далёкой и неочевидной для жителей центральной части России войне: мы видим новый миф, «охватывающий мировоззрение во всей совокупности природных, культурных, человеческих измерений и формирующий т. н. мифологическую картину мира» [Ставицкий 2022: 61]. В начале XX в. (1904-1905 гг.) появляются новые компоненты сценария войны:

1. В начале XX в. чрезвычайно важна идеологическая составляющая изучаемой когнитивной модели. В первую очередь, активизировался патриотизм как особая идеологема нового времени (*Он становится на маленькую скамеечку, которую носит с собой, и произносит патристическую речь, но поводу последних известий с театра военных действий.* В.Э. Краевский. В Японии. 1905).

2. Появляется новая идеология как способ моральное разложение противника, формирующий новые смыслы у мирного населения путём дезинформации (*Японцы в Пекине ежедневно распространяют бесплатно среди туземного населения печатные бюллетени, содержащие вымышленные известия об успехах японского оружия на театре военных действий.* Вести // «Русь», 23.02.1904).

3. Возникает медицинская компонента сценария. Для лечения раненых на войне необходимы врачи (*Известный писатель В. Вересаев на днях уезжает на театр военных действий в качестве врача.* Вести // «Русское слово», 04.07.1904) и сёстры милосердия (*Вчера утром, с сибирским поездом «экспресс» Московско-Курской жел. дороги, прибыла с театра военных действий героиня – сестра милосердия г-жа Яковенко-Яковлева, тяжело раненая в ногу во время исполнения*

ею святых обязанностей сестры милосердия, при оказании помощи раненым под огнем японских снарядов. *Московская жизнь* // «Московский листок», 26.12.1904). В помощь медицинским работникам на фронт отправлялось военное оборудование (*Посланный городом на театр военных действий рентгеновский кабинет по дороге пропал*. Известия // «Русское слово», 19.01.1905). В контекстах XIX в. в описаниях театра военных действий компоненты «врач», «сестра милосердия», «медицинское оборудование» отсутствуют.

4. В этот же период появляется компонент «шпион»: человек, собирающий сведения для врага (*Японской армии служат, как сообщает корреспондент «Neue Freie Presse», многие тысячи шпионов, рассеянные и поблизости и на значительном расстоянии от театра военных действий*. Телеграммы // «Русь», 12.06.1904).

5. Мирное население стало привлекаться в качестве действующих лиц на войне: отмечен новый компонент «партизан» (*Проникшее в газеты известие о сформировании отряда горцев для партизанской войны на театре военных действий получило осуществление...* Вести // «Русь», 16.03.1904).

6. Для освещения событий на фронте работали корреспонденты (*Вчера в колонном зале «Эрмитажа» чествовали многолюдным банкетом недавно вернувшегося с театра военных действий (корреспондента «Русского Слова») Василия Ивановича Немировича-Данченко*. Разные известия // «Новости дня», 19.02.1905).

7. Война – это источник зарабатывания денег для бирж и банков. Война проводится за счет кредитов и банковского курса (*Иностранные биржи, по видимому, даже уверены, что другого исхода быть не может: это доказывает курс кредитного рубля, не испытавший вчера того понижения, которое можно было бы ожидать при настоящей остановке на театре военных действий*. Вести // «Московский листок», 01.06.1905).

Социальные перемены в обществе, изменение локуса военных действий, развитие науки и техники приводит к расширению когнитивной модели *театр военных действий* в русской лингвокультуре. Появляются новые стратегии и тактики манипуляции общественным сознанием, которые показывают на усилении роли идеологии в сценарии войны.

Идеология стала играть заметную роль в описании театра военных действий. Вариативность этого компонента чрезвычайно насыщена: ‘героизм’ (*Судя по последним известиям с театра военных действий, в сражении у Цзинь-Чжоу обе стороны обнаружили беспримерный героизм*. Вести // «Русь», 29.05.1904), ‘религия’ (*Jefferys говорил еще, что собирается проситься на театр военных действий, чтоб проповедывать христианство японскому войску, о чем, по его словам, тоже «считал (почему-то) нужным предупредить меня»*. архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник. 1904).

Заключение (Conclusions)

Сценарий, заложенный в когнитивной модели *театр военных действий*, имеет определенный набор когнитивных признаков:

1. Событие – война;
2. Время – начало XX вв. (1904-1905 гг.);
3. Пространство – Маньчжурия, Порт-Артур, Восточная Сибирь;
4. Субъект – высшее командование, войска, армия, воины-защитники, военный совет, офицерское собрание, враг;

5. Объект – враг;

6. Действие – переброска военных сил, сопровождение, отправка солдат на фронт, возвращение воевавших, военные советы, события, пребывание, известия, освещенные события на фронте;

7. Статика (отсутствие действия) – положение дел на фронте, наличие/отсутствие перемен.

8. Активизация церкви – распространение книг среди воюющих сторон. Интересно, что такие пункты сценария, как «причина возникновения», «цель войны», «условия войны», в период 1904–1905 гг. не упоминаются в исследованных контекстах. В этот период не актуальны такие когнитивные признаки концепта *война*, как ‘гвардия’, ‘сражения’, ‘поражения’, ‘переговоры’, ‘разгром противника’, ‘пленение войск противника’, ‘минирование’, ‘возведение переправ и земельные работы’, ‘захват столицы вражеского государства’, актуальные в предшествующий период XIX в.

Пункты 2 и 3 этого сценария могут объединяться и называться топос. В аспекте когнитивной модели *театр военных действий* топос формируется определенной локацией в 1904–1905 гг. – Дальний Восток.

Литература

Бодриков А.Б. Лингвокультурологическое исследование концепта *воин* в аудитории военного технического вуза // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия «Педагогические науки». 2018. Т. 13. № 2. С. 38–43.

Демидова Е.Е., Бодриков А.Б. Способы экспликации когнитивных моделей «власть – армия» и «власть армии» в русской лингвокультуре // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106). С. 90–99. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-1-106-7>.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Языки и этнический менталитет. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1995. С. 13–24.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 368 с.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 304 с.

Лучик М. Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. Т. 14. С. 8–15.

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 13–31.

Пименов Е.А. Социальные концепты *богатство* и *бедность* // Новое в славянской филологии: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 56–62. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).

Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. 497 с.

Пименова М.В. Концептуализация *чувства* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. С. 58-120 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).

Пименова М.В. Сценарий как один из способов описания концепта (на примере концепта *радость*) // Новое в славянской филологии: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 68-80. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).

Пименова М.В., Бодриков А.Б. Русская языковая картина мира в аспекте символов воинской славы // Гуманитарный вектор. 2019а. № 5. Т. 14. С. 16-21.

Пименова М.В., Бодриков А.Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019б. Т. 21. № 4. С. 1131-1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138.

Сергеев С.А. Построение сценария как метод исследования концептов внутреннего мира // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2006. С. 905–911. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).

Ставицкий А.В. Миф и его основные функции в свете общей теории мифа // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 55–71.

Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2012. 120 s.

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1973 – 1974. Vol. 47. Pp. 5–20.

Operation // Merriam-webster.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/operation>. (дата обращения: 16.06.2022).

Theatre // Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/theatre>. (дата обращения: 16.06.2022).

Theater of war // Merriam-webster.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/theater%20of%20war>. (дата обращения: 16.06.2022).

Wierzbicka A. Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka // Słowa klucze. Różne języki – różne kultury. Warszawa, 2007. S. 16–34.

References

Bodrikov A.B. Linguistic and Cultural Study of the Concept of a Warrior in the Audience of a Military Technical University // Uchenye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Pedagogical Sciences". 2018. Т. 13. № 2. Pp. 38–43. (In Russian).

Demidova E.E., Bodrikov A.B. Ways of Explication of Cognitive Models "Power - Army" and "Power of the Army" in Russian Linguoculture // Bulletin of the Cherepovets State University. 2022. № 1 (106). Pp. 90–99. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-1-106-7>. (In Russian).

Kolesov V.V. Mental Characteristics of the Russian Word in Language and Philosophical Intuition // Languages and Ethnic Mentality. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PGU Publ., 1995. Pp. 13–24. (In Russian).

Kolesov V.V. "Life Comes from the Word ...". Sankt-Peterburg: Zlatoust Publ., 1999. 368 p. (In Russian).

Kolesov V.V. Ancient Russia: Heritage in the Word. Good and Evil. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2001. 304 p. (In Russian).

Luchik M. Conceptual, Linguistic and Poetic Pictures of the World: Universal, National and individual // Humanitarian Vector. 2019. № 5. Т. 14. Pp. 8–15. (In Russian).

Najdysh V.M. Archaeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // Mythology. Series "Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology". 2022. №1. Pp. 13–31. (In Russian).

Pimenov E.A. Social Concepts of *Wealth* and *Poverty* // New in Slavic Philology: Collection of Scientific Articles; otv. red. M. V. Pimenova. Sevastopol': Ribest, 2009. Pp. 56–62. (Seriya «Slavyanskij mir». Vyp. 4). (In Russian).

Pimenova M.V. Concepts of the Inner World (Russian-English Correspondences: dis. ... dokt. filol. nauk): thesis]. Sankt-Peterburg, 2001. 497 p. (In Russian).

Pimenova M.V. Conceptualization of Feeling in the Russian Language Picture of the World // The World of Man and the World of Language. Kemerovo: Kompleks «Grafika» Publ., 2003. Pp. 58–120. (In Russian).

Pimenova M.V. Scenario as One of the Ways to Describe the Concept (Using the Concept of Joy as an Example) // New in Slavic Philology: Collection of Scientific Articles; otv. red. M.V. Pimenova. Sevastopol': Ribest, 2009. Pp. 68–80. (Seriya «Slavyanskij mir». Vyp. 4). (In Russian).

Pimenova M.V., Bodrikov A.B. Russian Language Picture of the World in Terms of Symbols of Military Glory // Humanitarian Vector. 2019a. № 5. Т. 14. Pp. 16–21. (In Russian).

Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Military Concepts in the Russian language Picture of the World (on the Example of the Concept Warrior) // Bulletin of the Kemerovo State University. 2019b. Т. 21. № 4. Pp. 1131–1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138. (In Russian).

Sergeev S. A. Scenario Building as a Method for Studying the Concepts of the Inner World // New in Cognitive Linguistics: Proceedings of the I International Scientific Conference (Kemerovo, August 29–31, 2006). Kemerovo, 2006. Pp. 905–911. (Series "Conceptual Research". Issue 8). (In Russian).

Stavitsky A.V. Myth and Its Main Functions in the Light of the General Theory of Myth // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series. 2022, № 2. Pp. 55–71. (In Russian).

Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2012. 120 p. (In Polish)

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1973 – 1974. Vol. 47, P. 5-20. (In English)

Operation // Merriam-webster.com. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/operation>. (date of access: 16.06.2022).

Theater // Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/theatre>. (date of access: 16.06.2022).

Theater of war // Merriam-webster.com. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/theater%20of%20war>. (date of access: 16.06.2022).

Wierzbicka A. Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka // *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury.* Warszawa, 2007. Pp. 16–34.

Сведения об авторах:

Пименова Марина Владимировна

Ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Orcid: <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Бодриков Алексей Борисович

преподаватель, АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», кандидат филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия). bodrik1987@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>,

Bionotes:

Pimenova Marina Vladimirovna

Rector, Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia).

Bodrikov Alexey Borisovich

Lecturer, Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University, Candidate of Philology (St. Petersburg, Russia).

Для цитирования:

Пименова М.В., Бодриков А.Б. Война как миф: когнитивная модель «театр военных действий» (на примере периода русско-японской войны) // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 85–98.

For citation:

Pimenova M.V., Bodrikov A.B. War as a Myth: Cognitive Model "Theatre of Military Operations" (on the Example of the Period of the Russian-Japanese War) // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 85–98.

УДК 008:7.046

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ АНТИЧНОГО ВОИНСКОГО ГЕРОИЗМА

Скуридин Олег Александрович

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(г. Севастополь, Россия)

Духом огромный Геракл, титан многосильный, могучий,
С крепкими дланями, непобедимый, вершитель деяний...
Подвигов ты двенадцать пронёс от востока на запад,
Ты, о бессмертный, незыблемый, опытный и
бесконечный.

Орфический гимн Гераклу (пер. с древнегреч. О.В. Смыки)

Аннотация

Актуальность данной статьи обусловлена неослабевающим интересом к проявлениям героизма на поле боя, прослеживаемым от древности до современности. По мнению автора, истоки этого явления следует искать в греческой мифологии. Целью статьи служит исследование мифологических начал воинского героизма. Изначально слово «герой» в античности обозначало полубога, совершающего воинские подвиги во благо соотечественников. Примерами таких существ служили Геракл, Тесей и Ахилл. Геракл первый сознательно пошёл по героическому пути, совершив экзистенциальный выбор. Его примеру последовали Тесей и Ахилл. Дух соперничества мифических персонажей между собой стал побудительной силой для совершения подвигов на войне. Представители поколения героев гомеровской эпохи стремились достичь ореола «сияющей славы» у современников и потомков. После возникновения эллинского полиса появился мифический персонаж – Демос. Народ-герой побеждал на поле боя полчища иноземцев в период Греко-персидских войн. В позднеклассический период этот образ постепенно деградирует в греческом сознании, а на звание героя претендуют победоносные военачальники. Воины, погибшие за Отечество на поле брани, воспринимались в античности безусловными героями. Так родилось понятие «герой», означая военачальника, совершившего подвиг на поле брани или воина, сложившего голову во славу Родины. Данное понятие легло в основу концепта современного российского и европейского патриотизма, порождая новые мифологические образы.

Ключевые слова: мифологические истоки, героизм, античность, герой, полубог, Геракл, Тесей, Ахилл, военачальник, воин, Отечество, патриотизм

MYTHOLOGICAL ORIGINS OF ANCIENT WARRIOR HEROISM

Skuridin Oleg Alexandrovich

The State Museum-Preserve "Tauric Chersonese" (Sevastopol, Russia)

Abstract

The relevance of this article is due to the unabated interest in the manifestations of heroism on

the battlefield, traceable from antiquity to the present. According to the author, the origins of this phenomenon should be sought in Greek mythology. The purpose of the article is to investigate the mythological origins of military heroism. Originally, the word "hero" in antiquity referred to a demigod performing military feats for the benefit of his countrymen. Examples of such beings were Hercules, Theseus, and Achilles. Hercules was the first to consciously follow the heroic path, making an existential choice. Theseus and Achilles followed his example. The spirit of rivalry between mythical characters became the impetus for feats of arms in war. The generation of heroes of the Homeric era sought to achieve a halo of "shining glory" with contemporaries and descendants. After the emergence of the Hellenic polis, a mythical character, Demos, emerged. The people-hero defeated hordes of foreigners on the battlefield during the Greco-Persian Wars. In the Late Classical period, this image gradually degrades in Greek consciousness, and the title of hero is claimed by victorious warlords. Warriors who died for the Motherland on the battlefield were perceived in antiquity as absolute heroes. Thus was born the concept of a "hero," referring to a commander who performed a feat on the battlefield or a soldier who laid down his head for the glory of the Motherland. This concept formed the basis of the concept of modern Russian and European patriotism, generating new mythological images.

Key words: mythological origins, heroism, antiquity, hero, demigod, Heracles, Theseus, Achilles, warlord, warrior, Motherland, patriotism

Введение (Introduction)

Проблема возникновения воинского героизма волновала человеческий разум в эпоху Ренессанса [Бруно 1953], Новое и Новейшее время [Карлейль 2008, Михайловский 1998]. Истоки зарождения этого феномена можно найти в эллинских мифах.

Целью данной статьи служит исследование истоков воинского героизма в контексте греческой мифологии.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- дать определение изначальному понятию «герой»;
- рассмотреть героический выбор мифического персонажа;
- показать нравственную силу примера и духа соперничества для предпочтения дороги доблести;
- проследить путь героя в достижении славы;
- привести образцы визуализации героя-воина в скульптуре и живописи;
- исследовать генезис мифического образа Демоса-героя от возникновения до упадка;
- показать примеры героического поведения военачальников и простых воинов;
- дополнить понятие «герой», включив в него характеристики исторических личностей.

Полученные результаты помогут изучить сущность воинского героизма в эпоху античности, понять его влияние на духовную культуру современности.

Литературный обзор (Literature Review)

Заявленная тема получила освещение в отечественной и зарубежной литературе. Различные аспекты героизма рассматривались в контексте поэтики мифа [Мелетинский 2000], структуры мифологического сознания [Лосев 1957], генезиса античной мифологии [Тахо-Годи 1989] и др. Однако вопрос о становлении мифологических истоков эллинского воинского героизма, с нашей точки зрения, не получил достаточного освещения.

Новизна данной статьи заключается в исследовании зарождения античного воинского героизма в контексте греческого мифа.

Методы (Methods)

В качестве *теоретико-методологической базы* использовались труды специалистов в области культурологии, филологии, искусствоведения, истории. *Методология работы* носит междисциплинарный характер, что находит выражение в сочетании методов исследования: сравнительно-исторический и историко-генетический.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)*Понятие «герой» в греческой древности*

Слово «герой» в античности имело изначальное значение: полубожественное существо, стоящее на промежуточной ступени между богом и людьми, которое почиталось за воинские подвиги [Словарь античности 1989: 134].

Основой воинского героизма является «мужество» – состояние между страхом и отвагой [Аристотель 1983: 88]. Примеры мужества на поле брани показаны мифологическими персонажами, такими как Геракл, Тесей и Ахилл.

Поэтому истоки героического поведения следует искать в греческой мифологии. Основой такого поведения мог служить нравственный «выбор» мифической личности, поэтому перейдём к рассмотрению последнего.

Героический выбор

Героические качества имеют характер нисхождения от божественного к человеческому. Божество, осуществляющее предназначенные ему сверхъестественные задачи, не причастно к героическому уделу. Оно только помогает или мешает деятельности полубогов и людей, которые при определённых обстоятельствах могут стяжать славу героя. Например, с помощью олимпийцев повергают чудовищ Беллерофонт и Персей [Аполлодор 1972: 27–30].

По представлению античных эллинов жизнь разумного существа от рождения до смерти происходила по божественному плану. Витальную нить пряли, отмеряли и обрывали три сестры Мойры: Клото, Лахесис и Атропос [Там же: 6]. Очевидно, что при таких условиях возможность альтернативы полностью отсутствовала. Даже боги покорялись жребью судьбы. Однако мифологическая традиция знала примеры сознательного нравственного выбора.

Ксенофонт передаёт рассказ софиста V в. до н. э. Продика о том, что Геракл, достигнув порога зрелости, погрузился в раздумье о своём будущем. Находясь в уединении, он встретил двух женщин: одна из них олицетворяла Порочность, а другая – Добродетель [Ксенофонт 2007: 59–63].

По нашему мнению, перед мысленным взором Геракла предстали две стороны человеческой души – Анима и Анимус.

Порочность была Анимой – архетипом женской части психики у мужчин, апеллирующая к эмоциям и аффектам. Не удивительно, что в начале своей речи эта часть психики сделала акцент на то, что среди последователей именовалась Счастьем. Но в целом, она имела отталкивающую внешность, была не в меру упитанной и мягкотелой, использовала вызывающую косметику и одежду. Своему подопечному Порочность сулила беззаботную жизнь, полную телесных наслаждений. Вспомним слова немецкого психолога К. Юнга о том, что античному человеку Анима являлась в двух обликах: или богиней, или ведьмой [Юнг 1991: 126]. Второй облик скрывался за импозантной внешностью, ведь Порочность могла предложить Гераклу лишь бесславное прозябание, конечным итогом которого станет осознание бесцельно прожитой жизни и забвение. Поэтому её речь была резко прервана другой героиней.

Добродетель выглядела как настоящая богиня, высокий рост и благородная внешность выдавали её душевные достоинства. Это был Анимус – мужская половина психики, представленная в женском обличье. В соответствие со своей природой Добродетель-Анимус предлагала Гераклу тяжёлый труд во благо богов и соотечественников: «...хочешь, чтобы боги были к тебе милостивы, надо чтить богов; хочешь быть любимым друзьями, надо делать добро друзьям; желаешь пользоваться почётом в каком-нибудь городе, надо приносить пользу городу; хочешь возбуждать восторг всей Эллады своими достоинствами, надо стараться делать добро Элладе» [Ксенофонт 2007: 61]. Такой путь характерен для активного гражданина-патриота своего полиса и всей Эллады периода архаики и классики [Скуридин 2021: 14]. В качестве подтверждения этих слов Добродетель приводит довод, что подобное поведение согласуется с волей богов и приветствуется среди людей [Ксенофонт 2007: 62]. Для выполнения высокой миссии следует закалять своё тело трудами и военными упражнениями [Там же].

Если первая тропинка шла в сторону потакания эгоистической натуре смертного, то второй путь возвышал полубога до вершин Олимпа. Затраченные усилия для достижения конечной цели также распределялись крайне неравномерно: в первом случае достаточно руководствоваться своими желаниями, а во втором – требовались большие старания для проявления силы воли в раскрытии телесных и умственных качеств. Окончательный результат представлял собой крайности: безвестность или апофеоз.

Согласно датскому философу С. Кьеркегору, жизненная дилемма «или – или», является выбором между добром и злом, благодаря которому человек вступает в «область этики» [Антология мировой философии 1971: 711]. Таким образом мы имеем дело с одним из первых, зафиксированных в письменной традиции, *экзистенциальным выбором*. Его предстояло сделать полубогу – существу с двойственной природой, причастной человеческому и божественному уделу. Подобный выбор является прерогативой смертного, ибо бог стоит «по ту сторону добра и зла», и лишь к человеку применимы этические категории.

Заметим, что такое решение выражалось дилеммой: можно быть *полубогом*, но нельзя стать *полугероем*. Выбор Геракла был однозначным – это стезя чести и славы, достойным венцом которой стало обожествление.

Учитывая вышеизложенное, согласимся с мнением о том, что Геракл являлся архетипическим образцом эпического героя [Колосов 2015: 95].

Заразительный пример героического поведения и дух соперничества

Жизненный путь Геракла послужил *примером* для последующих мифологических личностей.

По словам историка-моралиста Плутарха (ок. 46–127 гг. н. э.) Тесею вступил на свой славный путь, впечатлённый подвигами Геракла: «...Тесею, восхищавшемуся доблестью Геракла, и ночью снились его подвиги, и днём не давали покоя ревность и соперничество, направляя мысль к одному – как бы свершить то же, что Геракл» [Плутарх 1961: 8].

Пример Геракла возбудил *дух соперничества* мифических героев между собой. Согласимся с мнением отечественного учёного А. И. Зайцева, что для гомеровских персонажей *агон* стал движущим фактором для проявления доблести в бою [Зайцев 2000: 108].

Для Ахилла также важен пример Геракла – «из мужей величайшего» [Гомер 1986: 261]. В «Илиаде» показано как агональные устремления дали

возможность проявить себя ахейским воителям (Аякс, Патрокл, Диомед) в условиях временного отсутствия вождя *мирмидонян* на поле брани. При этом, Гомером изображена исключительно воинская элита (“*warrior elite*”), сражающаяся на колесницах и вступающая в единоборство с равными себе по статусу аристократами [Vernant 1996: 51].

Очевидно, что последующие поколения героев желали подражать Гераклу в своей деятельности во благо соотечественников. Кроме того, они соперничали между собой на поприще достижения славы в бою.

Героический путь славы

Гесиод в «Трудах и днях» рисует историю человечества как своеобразную лестницу нравственной деградации, соотнося её «ступени» с металлом определённой ценности. Золотое, серебряное и медное поколения ушли в небытие, не оставив после себя замечательных образов и примеров для подражания. Между современными для Гесиода железными людьми и предыдущими «металлическими» поколениями жили герои.

Большинство из них пало на поле брани, однако некоторые были приобщены к участи божества:

*Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенёс громовержец Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные мёду плоды в изобилье приносит*
[Античная литература 1989: 63].

Для земледельцев, задавленных бытовыми и социальными проблемами жизнь на островах блаженных казалась недостижимой наградой. Такой удел оставался пределом мечтаний только для военной аристократической элиты [Токарев 1976: 393].

У Гомера слово *ήρωας* использовалось для обозначения свободного человека героической эпохи, по преимуществу воина [Liddel, Scott 1896: 655]. Цари и аристократы главные действующие лица «Илиада». Гомер описал момент выбора героического пути, совершённого Ахиллом. Им движет стремление к *неувядаемой посмертной славы среди людей будущих поколений*.

Вождь мирмидонян, узнав от божественной родительницы печальную правду о своём будущем, что после гибели Гектора «конец и тебе уготован» [Гомер 1986: 260], бесстрашно принял жребий судьбы:

*...Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
Здесь мне назначить её всемогущий Кронион и боги!..
Так же и я, коль назначена доля... лягу,
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду! [Там же: 261].*

Таким образом, *вечная слава* среди смертных, а не апофеоз Геракла становится главной целью героя эпоса.

Так был создан *образец для подражания*, когда павшие воины становились

героями, достойными того, чтобы быть «вечно чтимыми» (“*eternally remembered*”) [Stefanovic 2008: 17].

Визуализация героя-воина

Описанный образец требовал воплощения в скульптуре и картинах как зримый символ идеального воина.

Изваяние Геракла Фарнезе (Национальный археологический музей Неаполя) работы Гликона из Афин (I в. н. э.) (копия скульптуры мастера IV в. до н. э. Лисиппа) изображает полубога идеальным атлетом (Рис. 1). Громада физически развитого тела визуально подавляет примитивное вооружение – шкуру немейского льва и палицу, на которые опирается левая рука героя. Данная статуя отражает эстетическую категорию *калокагатии*, отражающую гармонию возвышенных качеств тела и психеи [Лосев 2021: 186]. Согласимся с мнением отечественного учёного А.А. Санженаква, что античная *калокагатия* – это состояние человека, при котором внешний мир может быть использован её обладателем только во благо [Санженакв 2014: 134].

Ахилл представлен Гомером предводителем дружины своих соплеменников. Он вооружён как простой гоплит эпохи архаики, имея панцирь, шлем, щит, копье и меч. Сверхъестественные качества этому оружию придавало только мастерство Гефеста [Гомер 1986: 272]. Поэтому даже вооружение царя мирмидонян наводило ужас на врагов. Например, в «Илиаде» Патрокл просит Ахилла разрешить ему «рамена облачить мне твоим оружием славным», чтобы введённые в заблуждение троянцы прекратили бой [Там же: 222–223].

На аттической краснофигурной вазе можно увидеть трогательную сцену взаимоотношений двух боевых товарищей: Ахилл перевязывает рану Патроклу в боевой обстановке, о чём свидетельствует воинское облачение обоих ратников (Рис. 2).

В древности герои изображались во время совершения подвигов. Примерами этому служат картины, описанные путешественником Павсанием (II в. н. э.), которые изображали сражение Тесея с амазонками [Павсаний 2002: 67], единоборство Ахилла с Мемноном [Там же: 227], подвиги Геракла [Там же].

Мифический образ Народа-героя и его основные проявления

Марк Туллий Цицерон в трактате «Об обязанностях» писал, что для большинства его современников не был интересен пример Геракла [Цицерон 1975: 88]. В массе своей люди жили по заветам родителей или руководствовались мнением толпы, и лишь некоторые «благодаря ли удачливости или хорошим природным качествам – и без родительского воспитания пошли по правильному пути в жизни» [Там же].

Из этого следует, что героический выбор могли позволить себе лишь единицы. После возникновения полисного коллектива на историческую арену выходит Народ. Это личностное воплощение концентрации индивидуальных волей отражена в народном собрании и боевой фаланге.

На поле брани побеждал героический Демос, об этом свидетельствует картина, изображающая переломный момент битвы при Марафоне, написанная на Расписной стое [Плиний 1994: 90]. По свидетельству римского историка I в. до н. э. Корнелия Непота автор этого живописного полотна намеренно уравнивал личные заслуги отдельных граждан и даже стратегов [Непот 1992: 13]. В последующей философской традиции марафономахи представлены как нравственно цельные люди, достойные безусловного почитания: «Я утверждаю, что эти мужи не только

дали нам жизнь, но и породили нашу свободу, да и не только нашу, но свободу всех жителей этого материка. Оглядываясь на их деяние, эллины проявили отвагу и в последующих битвах за свою жизнь, став навсегда учениками сражавшихся при Марафоне» [Платон 1986: 103]. В таком качестве Народ изображался скульпторами и художниками, становился действующим лицом античных комедий. Приведём примеры, доказывающие данный тезис.

Согласно путешественнику Павсанию, в Афинах эпоху классики были воздвигнуты статуи Демоса: в Пирее работы скульптора Леохара [Павсаний 2002: 22], а в районе Керамика – Лисона [Там же: 26]. В центре аристократической Спарты также располагалось изваяние «Демоса спартанского» [Там же: 216]. Мы не знаем, как выглядел Народ, изображённый древними художниками, но можем привести некоторые отзывы современников о его внешнем виде.

Паррасий (ок. 440–380 гг. до н. э.), уроженец Эфеса, живший преимущественно в Афинах, был новатором в области живописи. Он, согласно римскому учёному I в. до н. э. Плинию Старшему, написал Афинский Демос: «...пытаясь показать его различным: вспыльчивым, несправедливым, непостоянным, и вместе с тем уступчивым, кротким, милосердным, хвастливым, возвышенным, низменным, смелым и трусливым, и все равным образом» [Плиний 1996: 92]. Позже положение изменилось, в нашем распоряжении есть образец того, как представляли себе Демос простые афиняне времени агонии демократии в позднеклассический период. Приведём один пассаж, взятый из аристофановых «Всадников» – обращение хора к одному из главных персонажей этой комедии – дряхлому старику Демосу, готовому оказать честь любому проходившему, который опутает его сладкими обещаниями:

Народ мой, красна твоя,
 Держава. По всей земле
 И страшен и славен ты –
 Хозяин могучий!
 Но и слаб и послушен ты,
 Но, лестью окутанный,
 Но, ложью опутанный,
 Чьи б речи не слышал ты,
 С разинутым ртом сидишь,
 Твой разум не дома [Аристофан 2001: 162].

Показанная девальвация морального облика Демоса ознаменовала конец последнего античного мифического персонажа, причастного к героической доле. В итоге, героический Народ ушёл в небытие после эпохи Греко-персидских войн, уступив место личности, претендовавшей на исключительное положение в обществе.

Личность в позднеклассический период и в последующие исторические эпохи пыталась подражать мифическим героям. Приведём примеры, подтверждающие данный тезис. Спартанский царь Агесилай перед отплытием с войском в Азию в 396 г. до н. э. подобно Агамемнону совершил жертвоприношение в Авлиде (Беотия) на том же месте, что и «пастырь народов Атрид» перед походом в Трою [Ксенофонт 2003: 323].

Для оправдания своей завоевательной политики Александр Македонский во всём подражал своему кумиру – герою Ахиллу.

Плутарх пишет, что Александр, прибыв к Илиону, принёс жертвы Афине и совершил возлияние героям. У надгробия Ахилла он умастил своё тело и нагой состязался с друзьями в беге вокруг памятника [Плутарх 1963: 405]. Элиан добавляет, что и любимец Александра Гефестион подражал Патроклу, как и Александр – Ахиллу: когда Александр украсил венком могилу Ахилла, Гефестион провёл такой же обряд на могиле Патрокла [Элиан 1964: 87].

Простой воин мог причаститься героической доле только после гибели на поле боя. Так, сложившие головы на Марафонском поле в течение столетий почитались с благоговейным трепетом. Например, автор «Описания Эллады» об этом пишет: «Марафоняне почитают тех, кто пал в этой битве, называя их героями» [Павсаний 2002: 84]. То же следует сказать и о павших за свободу Греции при Платеях [Плутарх 1961: 425].

Таким образом слово *ἥρως* приобрело следующие смыслы: 1) вождь, военачальник, предводитель; 2) воин, боец; 3) славный муж; 4) герой, богатырь, человек сказочной силы и доблести [Дворецкий 1958: 761]. Эти значения уже не привязаны к роду полубогов или гомеровским персонажам, они вполне применимы к великим полководцам и даже простым воинам. Такое толкование близко к современному пониманию понятия «герой»: «выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотрешённостью человек, совершающий подвиги» [Ожегов 1961: 120]. Указанное понятие легло в основу концепта современного российского и европейского патриотизма, порождая новые мифологические образы.

Заключение (Conclusions)

Подведя итог вышеизложенному, отметим:

1. Понятие «герой» в античности первоначально обозначало полубога, почитавшегося за воинскую доблесть. Примерами таких существ служат Геракл, Тесей и Ахилл.

2. Первый героический выбор между путём Порочности и Добродетели сделал Геракл, ставший образцом воинского служения соотечественникам.

3. Подражание Гераклу стало движущей силой для следующих поколений полубогов – Тесея и Ахилла. В этих мифических персонажах наиболее ярко пробудился дух соперничества в обретении славы на поле брани.

4. Целью героических личностей, сражавшихся под Троей, было обретение ореола славы среди современников и потомков.

5. Мифический герой-воин нашёл воплощение в образах, созданных скульпторами и живописцами, выражая осязаемый пример для подражания.

6. В исторические эпохи античности появился мифический облик Народа-героя, который эволюционировал от собирательного образа марофономахов до брюзгливого старца Демоса – типажа аристофановых комедий.

7. В эпоху поздней классики и эллинизма роль героя стали примерять на себя прославленные военачальники и простые воины.

6. В итоге, слово *ἥρως* обрело смыслы близкие к современному понятию «герой», означая военачальника, совершившего подвиг на поле брани или воина, сложившего голову во славу Отечества. Это понятие легло в основу концепта современного российского и европейского патриотизма, порождая новые мифологические образы.

Литература

- Античная литература. Греция. Антология: в 2 ч. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1989. 512 с.
- Антология мировой философии: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. 760 с.
- Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л.: Наука. Ленинградское отделение АН СССР, 1972. 216 с.
- Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Аристофан*. Всадники: Комедии. Харьков: Фолио, 2001. 512 с.
- Бруно Дж.* О героическом энтузиазме. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 212 с.
- Гомер*. Илиада. М.: Художественная литература, 1986. 384 с.
- Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1049 с.
- Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
- Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
- Колосов Д. В.* Четыре аспекта фигуры эпического героя на примере образа Геракла // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 95–108.
- Корнелий Непот*. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М.: Издательство МГУ, 1992. 208 с.
- Ксенофонт*. Анабасис. Греческая история. М.: АСТ: Ладомир, 2003. 641 с.
- Ксенофонт*. Сократические сочинения. М.: Мир книги, Литература, 2007. 368 с.
- Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
- Лосев А. Ф.* Статьи из «Энциклопедии художественных наук» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. № 1 (14). С. 182–192.
- Марк Тулий Цицерон*. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975. 247 с.
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 406 с.
- Михайловский Н. К.* Герои и толпа: в 2 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1998. 361 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. 900 с.
- Павсаний*. Описание Эллады: в 2 т. Т. 1. Кн. I–VI. М.: ООО «Издательство АСТ»: Ладомир, 2002. 492 с.
- Платон*. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
- Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве. М.: Ладомир, 1994. 941 с.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 1. М.: Издательство академии наук СССР, 1961. 504 с.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 2. М.: Издательство академии наук СССР, 1963. 548 с.
- Санжениаков А. А.* Благо и безразличное в этике ранних стоиков: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03. Томск, 2014. 152 с.

Скуридин О. А. Воплощение эллинского культурного архетипа героя-воина в патриотических образах памятников-статуй и исторических картин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3. С. 9–15.

Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

Тахо-Годи А. А. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. 304 с.

Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976. 575 с.

Элиан. Пестрые рассказы. М., Л.: Наука, 1964. 184 с.

Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.

Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: University Press Publ., 1896. 2436 p.

Vernant P. J. Myth and Society in Ancient Greece. New York: First Paperback Edition Publ., 1996. 279 p.

Stefanovic L. Human or Superhuman: the Concept of Hero in Ancient Greek Religion and/in Politics // Bulletin of the Institute of Ethnography. 2008. Vol. LVI (2). Pp. 7–20.

References

Antique Literature. Greece. Anthology. Part 1. Moscow, Vysshaya shkola [High School] Publ., 1989, 512 p. (In Russian).

Anthology of World Philosophy. In 4 Volumes, Volume 3. Moscow, Mysl' [Thought] Publ., 1971. 760 p. (In Russian).

Apollodorus. Mythological Library. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1972, 216 p. (In Russian).

Aristotle. Compositions. In 4 Volumes, Volume 4. Moscow, Mysl' [Thought] Publ., 1983. 830 p. (In Russian).

Aristophanes. Riders: Comedies. Kharkiv: Folio Publ., 2001. 512 p. (In Russian).

Bruno Gior. About Heroic Enthusiasm. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Fiction Publishing House] Publ., 1953. 212 p. (In Russian).

Homer. Iliad. Moscow, Khudozhestvennaya literatura [Fiction] Publ., 1986, 384 p. (In Russian).

Dvoreckij I. H. Ancient Greek-Russian Dictionary. In 2 Volumes, Volume 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovaroj [State Publishing House of Foreign and National Dictionaries] Publ. 1958. 1049 p. (In Russian).

Zajcev A. I. Cultural Coup in Ancient Greece VIII–V centuries BC. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2000. 320 p. (In Russian).

Carlyle T. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [Heroes, Veneration of Heroes and Heroic in History]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 864 p. (In Russian).

Kolosov D. V. Four Aspects of the Figure of an Epic Hero Using the Example of the Image of Hercules. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. [News of Tula State University. Humanities]. 2015. No 2. Pp. 95–108. (In Russian)

Nepot Cornelius. About Famous Foreign Commanders. From a Book on Roman Historians. Moscow, Publishing House of the Lomonosov Moscow State University Publ., 1992. 208 p. (In Russian).

Xenophon. Anabasis. Greek History. Moscow, AST: Ladomir Publ., 2003. 641 p.

(In Russian).

Xenophon. Socratic Works. Moscow, Mir knigi, Literatura [World of Books, Literature] Publ., 2007, 368 p. (In Russian).

Losev A. F. Ancient Mythology in its Historical Development. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 620 p. (In Russian).

Losev A. F. Articles from the Encyclopedia of Art Sciences. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Journal] / *Philosophy Journal*. 2021. No 1 (14). pp. 182–192. (In Russian)

Marcus Tullius Cicero. About Old Age. About Friendship. About Responsibilities. Moscow, Nauka [Science] Publ., 1975. 247 p. (In Russian).

Meletinskii E. M. Poetics of Myth. Moscow, Vostochnaya literatura [Oriental literature] Publ., 2000. 406 p. (In Russian).

Mikhailovskii N. K. Heroes and Crowd. In 2 Volumes, Volume 1. St. Petersburg. Aleteiya Publ., 1998. 361 p. (In Russian).

Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries Publ., 1961. 900 p. (In Russian).

Pasanias. Description of Hellas. In 2 Volumes, Volume 1. Moscow, Ast Press Publishing House Publ., 2002. 492 p. (In Russian).

Plato. Dialogues. Moscow, Mysl' [Thought] Publ., 1986. 607 p. (In Russian).

Pliny the Elder. Natural Sciences. About Art. Moscow, Ladimir, 1994. 941 p. (In Russian).

Plutarch. Comparative Biographies. In 3 Volumes, Volume 1. Moscow, Publishing House of the Academy of Science of the USSR Publ., 1961. 504 p. (In Russian).

Plutarch. Comparative Biographies. In 3 Volumes, Volume 1. Moscow, Publishing House of the Academy of Science of the USSR Publ., 1963. 548 p. (In Russian).

Sanzhenakov A. A. Blessing and Indifferent in the Ethics of Early Stoics. Candidate's thesis. Tomsk, 2014. 152 p. (In Russian).

Skuridin O. A. The Embodiment of the Hellenic Cultural Archetype of a Warrior Hero in Patriotic Images of Statue Monuments and Historical Paintings. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts]. 2021. No. 3. Pp. 9–15. (In Russian).

Dictionary of Antiquity. Moscow, Progress Publ., 1989. 704 p. (In Russian).

Takho-Godi A. A. Greek Mythology. Moscow, Iskusstvo [Art] Publ., 1989, 304 p. (In Russian).

Tokarev S. A. Religion in the History of the Peoples of the World. Moscow, Politizdat Publ., 1976. 575 p. (In Russian).

Aelianus. Mottled Stories. Moscow, Leningrad, Nauka [Science] Publ., 1964, 184 p. (In Russian).

Jung C. G. Archetype and Symbol. Moscow, Rennans [Renaissance] Publ., 1991. 297 p. (In Russian).

Liddel H. G., Scott R. (1896) A Greek-English Lexicon. Oxford: University Press Publ.: 2436. (In English)

Vernant P. J. (1996) Myth and Society in Ancient Greece. New York: First Paperback Edition Publ.: 279 p. (In English).

Stefanovic L. Human or Superhuman: the Concept of Hero in Ancient Greek Religion and/in Politics // *Bulletin of the Institute of Ethnography*. 2008. Vol. LVI (2). Pp. 7–20. (In English).

Иллюстрации

Рис. 1. Отдыхающий Геракл Фарнезе. Мрамор. Римская копия конца II – начала III вв. н. э. с бронзового греческого оригинала IV в. до н. э. Неаполь, Национальный археологический музей. Фото И. А. Шурыгина. URL: <http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=6564>

Рис. 2. Ахилл, перевязывающий рану Патроклу. Аттическая краснофигурная ваза. Берлин, Государственный музей. ок. 500 г. до н. э. URL: Achilles bandages Patroklos' arm. Berlin, State Museums, Old Museum. (ancientrome.ru) (Дата обращения: 30.07.2022)

Сведения об авторе:

Скуридин Олег Александрович

научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Херсонес

Таврический», кандидат культурологии (г. Севастополь, Россия).

E-mail: oleg772015@mail.ru.

Bionotes:

Skuridin Oleg Alexandrovich

Research Associate, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”, Candidate of Culturology (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Скуридин О.А. Мифологические истоки античного героизма // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 99–111.

For citation:

Skuridin O.A. Mythological Origins of Ancient Heroism // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 99–111.

УДК 94(477):008

«БАТУРИНСКАЯ РЕЗНЯ»: ПОИСКИ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена расследованию т.н. «батуринской резни», якобы устроенной князем А.Д. Меншиковым в захваченном им после измены гетмана Яна Мазепы Батурине, слухи о которой привели к возникновению и распространению т.н. батуринского мифа. Цель статьи – разобраться, кому была выгодна «батуринская резня»? Насколько Петру I было необходимо и выгодно устраивать истребление местного населения, которое не изменяло ему, не поддержав предательство гетмана?

Ключевые слова: Батурин, «Батуринская резня», батуринский миф, Северная война, гетман Мазепа, князь А.Д. Меншиков, Пётр I

"THE BATHURIN MASSACRE": SEARCHING FOR LOST MEANING

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the investigation of the so-called "Baturin massacre", allegedly arranged by Prince A.D. Menshikov in Baturin captured by him after the treason of Hetman Yan Mazepa, rumours about which led to the emergence and spread of the so-called Baturin myth. The purpose of the article is to understand who benefited from the "Baturin massacre"? How much Peter I was necessary and profitable to arrange the extermination of the local population, which did not betray him by not supporting the betrayal of the hetman?

Keywords: Baturin, "Baturin massacre", Baturin myth, Northern War, Hetman Mazepa, Prince A.D. Menshikov, Peter I

Введение (Introduction)

В истории Северной войны был один малозаметный, но крайне важный эпизод, когда, не сумев прорваться к Москве через Смоленск и лишившись обоза после разгрома генерала Левенгаупта осенью 1708 года у деревни, шведский король Карл XII отдаёт приказ идти в Малороссию, где гетман Войска Запорожского Ян Мазепа обещал ему восполнить запасы продовольствия, фуража и боеприпасов в гетманской резиденции Батурине [Таирова-Яковлева 2007: 191–217]. Но русские его опередили. Узнав об измене гетмана, царь Пётр тотчас приказывает князю А.Д. Меншикову взять штурмом Батуриную крепость до подхода шведов, и тот во главе «летучего отряда» драгун берёт её 2 ноября после двухчасового боя, а затем, спалив крепость и забрав, что можно было из гетманской резиденции вывезти, через сутки уходит.

В результате этой операции шведы лишились средств для продолжения войны и вплоть до Полтавы не смогут восстановиться. Однако вскоре в различных местах и странах начинает распространяться пущенный гетманом слух о том, что после штурма князь Меншиков приказал полностью истребить не только гарнизон Батурина, но и всех его жителей [Каревин; Скворцов], трупы которых ищут в подвалах и окрестностях крепости до сих пор, описывая в подробностях не только саму «резню», но и то, как Меншиков «на страх всей Украине» приказал тела убитых защитников Батурина стащить к трём рекам и там, прибавив их к плотам, пустить вниз по воде, дабы устроить местных жителей и лишить их воли к борьбе.

С тех пор, за сотни лет «Батуринская резня» стала символом борьбы и жертвенности украинцев, на которой тех учат ненавидеть Россию и русских, хотя сам Меншиков за отведённые ему судьбой сутки физически не мог повернуть такую масштабную операцию по истреблению и сокрытию убийства многих тысяч людей. И был ли в ней смысл? Об этом мы попытаемся разобраться в данной статье.

Литературный обзор (Literature Review)

Теоретическую и методологическую основу данного исследования представляют труды по истории и теории науки (О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Хьюбнер, П. Фейерабенд, П. Полани и др.), а также работы ведущих исследователей мифа (А.Ф. Лосев, К.Г. Юнг, В.М. Найдыш и др.).

В качестве источниковой базы выступают документы по истории Северной войны, а интерпретативный материал предоставляет украинская историография, обосновывающая историю т.н. «Батуринской резни» в качестве одного из базовых национально-героических мифов Украины.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Когда речь идёт о русском бунте, можно вслед за А.С. Пушкиным допустить, что он был «бессмысленным и беспощадным». Хотя эта версия на сегодня весьма системно оспаривается. Но в данном случае речь идёт не о чём-то иррациональном, как бы это ни стремились подать «мазепинцы», но о вполне осмысленном приказе, легко вписывающемся в контекст происходившей на Украине войны и подчинённом его логике. Приказе, понятном и простом. И он не исходил из необходимости тотального уничтожения подданных России лишь на том основании, что руководивший Войском Запорожским гетман решил перебежать на сторону шведов [Ставицкий 2012].

Поэтому о факте разрушения и сожжения Батурина никто не спорит. Но для каждого исследователя тех роковых событий в Батурине проблема заключается не в том, были ли жертвы среди гарнизона и мирного населения во время захвата и разрушения Батурина, а в том, была ли там спланирована и организована массовая расправа? Было ли разрушение батуринской крепости решено в рамках стратегической задачи – лишить шведов возможности продолжать войну за счёт гетманского ресурса? Или оно изначально планировалось как карательная акция? В этом заключается главная задача исследования – выяснить, была ли после захвата Батурина устроена массовая резня мирных жителей, в ходе которой погибли тысячи невинных людей, включая «маленьких детей»?

Итак, зачем русским надо было захватить и разрушить батуринскую крепость, понятно. Ведь после перехода гетмана И. Мазепы на сторону Карла XII, Петр I приказал взять «столицу Гетманата» Батурин, где были собраны большие

запасы оружия, продовольствия и боеприпасов. Для шведов эти запасы после утраты обоза в битве у деревни Лесной были крайне важны. Их войска ускоренным маршем двигались к крепости и уже готовили переправу через Десну, чтобы двигаться прямым ходом к Батурину. Но «летучий отряд» А.Д. Меншикова успел к Батурину раньше. Известно, что находившиеся в крепости сердюки об измене Мазепы ничего не знали, но, несмотря на заверения в преданности России, они ворота отряду Меншикова не открыли. И тогда, после нескольких дней переговоров, был штурм. И он был успешным. Но была ли после него устроена резня?

Ясно, что, исходя из необходимости эффективного противодействия шведам и наличия в крепости большого количества фуража, продуктов, пушек и боеприпасов при её общей запущенности, крепость проще было разрушить, а имеющиеся запасы либо полностью уничтожить, либо забрать с собой. Словом, эти действия Меншикова были продиктованы элементарной логикой, военной целесообразностью и решающим образом повлияли на военные действия в дальнейшем. В доказательство этого достаточно будет напомнить, что в Полтавской битве шведы смогли использовать всего только 4 небольших пушки, сделав ставку на штыковую атаку. Но причём здесь батуринцы? Если малороссы с самого начала поддержали русского царя, выступив на стороне России, зачем их убивать?

Напомним, что в начале ноября Пётр I трижды писал Меншикову, что, если есть надежда не допустить захвата Батурина шведами, его следует защищать. В противном случае, приказывал царь, замок со всеми припасами нужно сжечь, а пушки вывезти, так как «когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то Шведы также легко могут взять, как мы взяли» [Письма и бумаги императора Петра Великого 1948: 270–271]. Состояние укреплений Батурина не внушили Меншикову доверия. Значит, решение сжечь Батурина, при невозможности эффективно его защищать, стратегически было правильным. Но расправляться с мирными жителями? Зачем? Ведь в отношении местного населения задача Петра была не в том, чтобы утратить, парализовать, нейтрализовать и затерроризировать его, не дав перейти на сторону гетмана Мазепы, а в том, чтобы всеми мерами поощрить верных подданных и расположить, привлечь к себе, перетянуть на свою сторону сомневающихся. И об этом ясно говорят все его распоряжения.

По всему видно, что русский царь рассматривал малороссийский народ в качестве не врага, а союзника, поскольку без народной войны разгромить шведское войско было очень трудно. Если вообще возможно. И Пётр эту народную поддержку на Украине получил. А если это так, то как Пётр должен был поступить с жителями Батурина, которые не были в курсе планов своего гетмана и не собирались его поддерживать, оставаясь «на стороне православного царя» [Артамонов, Кочегаров, Курукин 2008: 52], но невольно оказались заложниками командования сердюков?

К тому же следует учесть, что на фоне тонкой борьбы за общественное мнение жителей Украины, когда Петру приходилось неоднократно миловать даже изменников, устраивать массовые показательные казни невинных людей для русского царя и его ближайшего окружения было бы крайне неразумно. А, как известно, Пётр глупым не был. Или на протяжении всей войны на территории Украины он находился в состоянии перманентной истерии? Как-то сомнительно.

Очевидно, что ограничиваться анализом фактов в данном случае будет недостаточным. Надо понять мотив. Смысл. Реконструировать ход мыслей тех, кто командовал русской армией. И он выводит нас на простой и вполне закономерный вывод: никакого рационального смысла убивать всех батуринов не было. Как известно, в любом расследовании убийства отсутствие мотивации однозначно говорит о том, что следователь имеет дело с маньяком. И именно с таким «делом» мы сталкиваемся, когда речь идёт о «батуриновской резне». С точки зрения здравого смысла она никак не мотивирована. Но «мазепинцы» абсолютно убеждены, что террор был, и «батуриновская резня» стала его началом. Это даже не обсуждается. Любые сомнения в данном случае трактуются как злокозненные акции врагов Украины, оскорбляющие память об убиенных. И должны караться как минимум всеобщим презрением. Поэтому, согласно мнению украинского историка А. Апанович [Апанович], Пётр приказал «Меншикову штурмовать Батуринов, используя безоглядный террор, чтобы с самого начала устрашить население Украины от шведов»¹.

Причём, даже такой уважаемый на Украине историк как профессор Н.Н. Яковенко не избежала повторения тех пассажей, которые уже двести лет со времени появления «Истории Русов» переходят из одной книги в другую почти без изменений [Яковенко]. «Первой жертвой царского гнева, – пишет она, – пала гетманская столица: Пётр приказал Меншикову *Батуринов ...другим на приклад сжечь весь* [курсив Н.Я. – А.С.] Взятый в осаду 11 ноября город имел хорошую артиллерию и загодя подготовленные запасы пороха и пищи, то есть мог бы продержаться к подходу Мазепы, однако развязку ускорила измена.

На рассвете 13 ноября (2 по ст. ст.) в 1708 г. московское войско вступило в город и внезапным ударом перебило казачий гарнизон Чечеля и немца Кенигсена, руководителей обороны. После этого солдаты взялись за безоружных горожан: за один день было истреблено около 6 тыс. батуриновцев (по другим данным – до 15 тыс.), в том числе женщин и детей. Трупы несчастных жертв карательной акции укрывали улицы, а изувеченные тела взятых в плен казаков привязывали к доскам и бросали в р. Сейм, чтобы, плывая, они наводили ужас на всех, кто попытается поддержать Мазепу»².

Что в данном тексте является особенно интересным?

1) Выделенный курсивом текст: «*Батуринов ...другим на приклад сжечь весь*» – является цитатой из письма Петра князю А.Д. Меншикову от 5 (16) ноября 1708 года. Более полно он звучит так: «для того удобнее артиллерию вывести половину в Глухов, и другую в Севск, а Батуринов в знак изменникам [понеже боронились] другим на приклад сжечь весь» [Письма и бумаги императора Петра Великого

¹ «Меншикову штурмувати Батуринов, вживаючи безоглядного терору, щоб із самого початку відстрашити населення України від шведів» (укр.).

² «Першою жертвою царського гніву впала гетьманська столица: Петра наказав Меншикову *Батуринов ... другим за приклад спалити увесь*. Взятє в облогу 11 листопада місто мало добру артиллєрію і заздалегідь підготовлені запаси пороху та харчів, тобто могло б протриматися до підходу Мазепи, однак розв'язку прискорила зрада. На світанку 13 листопада (2 за ст. ст.) 1708 р. московське військо вступило в місто і раптовим ударом перебило козацьку залoгу Чечеля й німця Кенігсена, керівників оборони. Після цього вояки взялися за беззбройних городян: за один день було винищено близько 6 тис. батуриновців (за іншими даними – до 15 тис.), у тому числі жінок і дітей. Трупн нещасних жертв каральної акції вкривали вулиці, а понівечені тіла узятих в полон козаків прив'язували до дощок і кидали в р. Сейм, аби, пливучи, вони наводили жах на усіх, хто намірється підтримати Мазепу» (укр.).

1948: 274]. Причём, отметим, что именно этот отрывок чаще всего используется «мазепинцами» как доказательство желания Петра сжечь Батуриин вместе со всеми его жителями. Однако, известно, что Пётр писал об этом Меншикову неоднократно ранее (2 и 4 ноября), не зная, получил ли тот его письма или нет. И из них видно следующее:

а) Пётр предлагал Меншикову сжечь Батуриин лишь в том случае, если его нельзя от шведов защищать;

б) сжечь предлагалось только строения, а не людей, поскольку крепость шведы могли использовать против русских войск с выгодой для себя. В частности, в письме от 2 ноября русский царь пишет: «Что ж принадлежит о городе, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно от Шведов в нем сидеть, однакож несколько пушек лутчих вывезть в Глухов, то изволте поправить и посадить в гварнизон [хотя драгун в прибавку стрелцам, пока пехота будет]. Буде ж [как я от присланного слышал] оной не крепок, то зело лутче такую великую артиллерию вывезть в Глухов, а строенье зжечь [которое там зело ныне нужно], понеже, когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то Шведы также лехко могут взять, как мы взяли» [Там же: 270–271].

Основную причину падения крепости Н.Н. Яковенко видит не в её плохом состоянии, а в измене, что никакими источниками не подтверждается. Но зато хорошо известна история «измены полковника Носа», изложенная в «Истории Русов», на которую, однако, г-жа Яковенко, как «порядочный» историк, открыто не ссылается. А воспоминания Меншикова вообще не рассматривает. Возможно, считая их недостойными доверия.

2) Разгром Батурина уважаемый профессор Киево-Могилянской академии называет не иначе как «карательной акцией», что само по себе уже настраивает на то, что целью взятия Батурина было не захват и уничтожение потенциально основной опорной базы шведов в ходе «украинской кампании», а расправа над мирными жителями.

3) Перечисляя количество жертв, она не стесняется называть самые большие цифры (до 15 тысяч убитыми), не считая сердюков, утверждая, что трупы «несчастных жертв карательной акции укрывали улицы» ковром, а «изувеченные тела взятых в плен казаков привязывали к доскам и бросали в р. Сейм, чтобы, пльвя, они наводили ужас на всех, кто попробует поддержать Мазепу». Однако, подумать, где можно взять такое количество досок для пленных и как эти доски будут «плыть» по уже покрывшему реку Сейм льду, г-жа Яковенко не считает необходимым. Не говоря также о том, что от Сейма крепостные стены расположены на расстоянии 150-300 метров. И для понимания данной ситуации это крайне важно. Ведь, если не допустить, что Меншиков убрал за собой все трупы, включая и отправленные по реке плоты с распятыми на них телами казаков, то совершенно не понятно, почему их не могут найти столько лет ведущие раскопки в Батурине украинские археологи [Ставицкий 2018].

4) При этом бросается в глаза тонкая игра с подменой понятий, которые обозначают жертвы. В частности, «казацкий гарнизон» у неё позволяет снять проблему сердюков в принципе, которых она в данном тексте вообще не упоминает. А термин «батуриинцы», надо полагать, вбирает в себя всех – и гарнизон, и жителей, становясь аналогом понятия «украинцы» или «мазепинцы», чтобы создавалось впечатление, что сердюки, казаки и местные жители объединились в едином порыве за великую идею гетмана и готовы были ради неё

пожертвовать жизнью, но не отдать Батурин «клятым москалям», хотя источники показывают, что они не были посвящены в предательские планы гетмана, тем более, что в самом городке всё это время стоял русский полк под командованием полковника Анненкова.

Тем более, что Н.Н. Яковенко убеждена: «События в Батурине стали как бы прелюдией к террору, который охватил Украину. Вскоре в Лебедине начала действовать специальная следственная комиссия, которая жестокими пытками вырывала признание от заподозренных. Число замученных Лебединской комиссией жертв достигало до 900 лиц (учитывая, что на то время в Украине жило около 800-1000 старшинских семей, террор, как видим, обошел немногих). Прятали несчастных на специальном кладбище гетманцев, отделенном от обычного христианского»¹. И далее, дабы подтвердить данную информацию, Н.Н. Яковенко цитирует донесение французского посла, представленное как истина в последней инстанции: «московский генерал Меншиков принес на Украину все кошмары мести и войны. Все приятели Мазепы бесчестно истязаются; Украина залита кровью, разрушенная грабежами и обнаруживает везде страшную картину варварства победителей».

Ясно, что ключевые слова в данном кратком тексте: «кошмары мести», «все приятели Мазепы... истязаются», «Украина залита кровью», «разрушенная грабежами», «варварства победителей». То есть террор обрушился на всех «приятелей Мазепы». При этом, поскольку вся «Украина залита кровью» и разграблена русскими варварами, надо полагать, что у Мазепы в приятелях ходили все малороссы. А ведь знает г-жа Яковенко, что из настоящих «приятелей» Мазепы, которые с ним переметнулись к шведам, но затем вернулись к Петру, практически все были не только пощажены, но и сохранили свои посты и имения. Знает, что представлять русскую армию как единственную виновницу «кошмаров мести и войны», «грабежей» и «варварства победителей» будет неправильным даже в том случае, если вина русской армии доказана, потому что отрицать террор шведов не додумался даже анонимный автор знаменитого памфлета «Истории Русов».

О петровском терроре в отношении «мазепинцев» в «Истории Русов» написано: «Пострадало такимъ образомъ, не превозмогшихъ таковыхъ уроковъ пытки, до 900 человекъ. Число сіе можетъ быть увеличено; но, судя по кладбищу, отлученному отъ Христіанскаго и извѣстному подъ названіемъ "Гетманцовъ", должно заключать, что зарыто ихъ сдѣсь очень не мало» [Исторія Русовъ, или Малой Россіи: 212–213]. Как видим, профессор из Киево-Могилянской академии не просто ссылается на сочинение, признанное ещё в XIX в. ведущими русскими историками, включая и Н.И. Костомарова, назвавшего анонимного автора «Истории Русов» «умышленным лжецом» [Костомаров: 517], весьма далёким от исторической действительности и обладающим всеми признаками «умышленной фальсификации» [Ульянов 1996: 106], «памфлетом» (Г.Ф. Карпов), но и попросту, не ссылаясь на него, в скрытой форме его цитирует (!). Однако, как это понимать?

¹ Події в Батурині стали ніби прелюдією до терору, який охопив Україну. Невдовзі в Лебедині почала діяти спеціальна слідча комісія, яка жорстокими тортурами виривала признання від запідозрених. Число закатованих Лебединською комісією жертв сягало до 900 осіб (враховуючи, що на той час в Україні жило близько 800-1000 старшинських родин, терор, як бачимо, обминув небагатьох). Ховали нещасних на спеціальному кладовищі гетьманців, відокремленому від звичайного християнського (укр.).

Ведь, согласно мнению Н.И. Ульянова, подобное, основанное на фантазиях сочинение могло появиться «только в эпоху полной неразработанности украинской истории» [Ульянов 1996: 107]. Но если ведущие украинские историки до сих пор не только ссылаются на «Историю Русов», но даже в скрытой форме её цитируют, представляя едва ли не единственным и уж точно достойным полного доверия историческим источником, то в каком состоянии украинская историческая наука находится сейчас? Тоже касается и французского источника. Ведь если Н.Н. Яковенко знает, что донесение французского посла голословно и тенденциозно, почему цитирует, представляя его как бесспорного очевидца и объективного свидетеля? Ясно, что совсем не для того, чтобы у читателей о событиях Северной войны на Украине сложились объективные представления.

Иными словами, при публично заявленном научном подходе, Н.Н. Яковенко использует свой научный авторитет и знания не затем, чтобы прояснить историю, но лишь для того, чтобы обслужить господствующую историческую доктрину, используя типичные для фальсификаторов манипуляции. И не только в подмене понятий. Но и в том, как она вплетает в скрытую цитату из «Истории Русов» статистические данные по количеству старшинских семей, заодно делая вывод, что «террор, как видим, обошел немногих».

К слову, стоит сказать, что в подобных манипуляциях Н.Н. Яковенко, по сути, обвиняет и украинский историк, доктор исторических наук Д.Б. Яневский, заметивший, что в своих исторических трудах по истории XVII века профессор Н.Н. Яковенко «упёрто» называет «украинскими» («Н. Яковенко вперто називає "українськими"») и земли («землі»), и русское население («руських»), хотя по документам - и польским, и русским (российским), и земли, и люди назывались русскими [Яневський 2010: 6, 7]. Однако, если даже такой ведущий историк по данной эпохе и в целом зарекомендовавший себя настоящим профессионалом-историком как профессор Н.Н. Яковенко, по батуринской тематике прибегает к подтасовкам и манипуляциям, всячески обслуживая господствующую идеологическую доктрину, то, что тогда говорить про других?

В свете этого спрашивается, какую цель преследуют учёные «мазепинцы»: разобраться в довольно запутанном, но ставшем знаковым эпизоде украинской истории или убедить одних, что только они знают, как было на самом деле, и осудить других за фактически не подтверждаемые и логически неубедительные массовые злодеяния? Основаны ли выводы «мазепинцев» на проверенной информации незаинтересованных свидетелей или выбранные ими факты искусственно подгоняются под желанные для них политические установки? На что они делают ставку: на системный анализ имеющихся данных на предмет их всесторонне обоснованной достоверности или на построенное на эмоциях и внушённых заранее установках суггестивное воздействие?

Очевидно, что в данном случае воспевшие предательство гетмана историки-«мазепинцы» истину не ищут, а СОЗДАЮТ. Создают, естественно, под себя и свой интерес. И потому правильный ответ в данной истории им известен заранее, а любые сомнения в нём считаются оскорбительными для памяти всех погибших за свободу Украины.

Впрочем, даже несмотря на такие интеллектуальные потуги, свести концы с концами у современных украинских историков плохо получается. Поэтому единственным и обязательным условием, позволяющим доказать, что «резня» могла произойти, является необходимость принять за основу насаждаемый в

Украине отдельными «исследователями» тезис про иррациональную и патологическую жестокость русских («нелюди», «людоежоры», «орда»), а также их тотальную ненависть к Украине и народам Малороссии, воспринимаемым «московитами» как «исчадь ада». В противном случае придётся признать, что такой резни не только не было, но и не могло быть. Что она, по сути своей, столь же невероятна, сколь невероятной является популярная в Галичине версия, будто Иисус Христос был галичанином. Однако, галичане в силу ряда причин настаивают и на том, и на другом, не приводя никаких убедительных доказательств в пользу своих версий. И они им, надо полагать, совсем не нужны, поскольку всё строится на самовнушении и слепой вере.

И чего только не придумашь, чтобы за счёт унижения других возвысить себя. Причём, самое удивительное заключается в том, что подобный бред без какой-либо существенной коррекции передают «из уст в уста» не только ошалевшие от ненависти к России и русским украинские националисты, но и считающие себя вполне адекватными людьми и профессиональными историками учёные дамы и мужи.

В этом случае обычно слышишь следующую аргументацию: «Петр сорвал свой гнев на гетманской столице», «если за измену Гетмана, известный своей безумной вспыльчивостью царь предаёт анафеме весь народ, то что же это, как не слепая месть?», «город уничтожен, чтобы искоренить даже упоминание про Батурина и его защитников» [Павленко 2; Червак].

В целом, эта специфическая «украинская» логика понятна: главное для Петра – отомстить Мазепе и запугать украинское население. И потому, «Александр Меншиков... как представитель российского государства осуществлял в Батурине не только войсковую операцию, но и карал в гетманской столице украинцев за их желание быть свободным народом» [Павленко 1]. Вот такое мнение писателя и журналиста С.О. Павленко. И не ведомо «свідомому історикю», что:

- русская церковь народ анафеме не предавала;
- ни один исторический документ наличие «украинцев» как этноса на Украине в начале XVIII века не подтверждает¹ [14];
- гетман, подобно современному украинскому руководству, стремился свой личный «европейский» выбор выдать за волеизъявление всего народа, хотя сам из Батурина бежал как вор, а нынешние «науковці» и «митці» пытаются теперь через раздуваемый культ Мазепы исторически «освятить» свой «евровыбор», выдав его за выбор «цивилизационный».

При этом, чтобы поверить в истинность данной версии, важно изначально считать, что отношение в России к малороссам выстраивается как к однозначно чужим. Как к людям второго сорта, тем, за счёт кого Россия живёт и самоутверждается. Примерно так в Речи Посполитой польская шляхта относилась к православным селянам и козачеству. В Испании католики относились к евреям, включая крещённых марранов². Во Франции – к альбигойцам и гугенотам. Однако, если на Руси с незапамятных времён отношение к другим народам и религиям

¹ Напомним, что распространённый в Речи Посполитой XVII–XVIII вв. термин «Украина» являлся тогда не этнонимом, а топонимом, т. е. обозначал не территорию, где проживал конкретный этнос, а просто географическое пространство, являвшееся частью чего-то большего (России или Речи Посполитой), заселённое исповедовавшим православие народом русским, о чём свидетельствуют сохранившиеся документы XIV – XVII вв., в том числе и польские.

² На испанском языке «marraño» означает «свинья».

было терпимым, если в ней не было массового террора инквизиции и, как в Европе, не уничтожали системно иноверцев¹, то почему русским нужно было относиться как к еретикам и иноверцам к тем, кто был с ними одной веры и этнической принадлежности, только жил на юге России? Всего-то.

С другой стороны, история действительно знает немало случаев системного уничтожения населения враждебной территории, включая карательные акции Рима по отношению к Карфагену и Коринфу во II веке до н.э., а также карательные акции Александра Македонского по отношению к жителям Фив и Тира. И логика их понятна. В одних случаях речь обычно шла о зачистке «жизненного пространства», которое должны занять завоеватели. В других – наказание за попытки сопротивления для устрашения других. Нередки были также случаи тотального уничтожения населения, если оно представляло для завоевателей нечто совершенно чуждое и даже не соотносимое с людьми. Но подобная логика для событий в Батурине не подходит, население которого было этнически родственным, а конфессионально одной веры, не знало о бегстве и предательстве Мазепы и в массе своей его не поддерживало.

Именно поэтому «батуринская резня» не может быть понята, если не использовать привычные для «мазепинцев» иррациональные объяснения. А без учёта контекста тогдашней («война перьями») и сегодняшней информационно-психологической войны, она вообще теряет смысл.

Заключение (Conclusions)

Известно, что в случае преступления нужно искать, кому выгодно. Однако резня над не поддерживавшим предательства населением Батурина была невыгодна ни царю, ни князю Меншикову. Но, если расправа князя А.Д. Меншикова над местным населением не имела смысла, а сокрытие «улик» с места «преступления» физически было невозможным в силу недостатка средств и времени, хотя останки тысяч убитых до сих пор ищут, остаётся лишь одно объяснение, согласно которому «убитые» в умах украинцев жители Батурина разбежались из горящей гетманской резиденции сами, чтобы потом собраться вновь и отстроить Батурин заново [Лазаревский 1892].

Кому же выгодна была «резня»? Лишь тем, кто хотел выставить царя Петра и его подданных в самом невыгодном свете, дабы настроить против них местное население. Тем, кто хотел хотя бы в умах людей разделить русских Великой и Малой Руси на два непримиримых народа [Ставицкий 2015], используя в том числе и батуринский миф. И они своего за последние 30 лет добились, лишь подтвердив, что, если, используя политику исторических обид, насаждать ненависть одних людей к другим, вырастив в этой ненависти новые поколения, рано или поздно они начнут воевать друг с другом по-настоящему, как это происходит сейчас.

Литература

Апанович О. Велика ідея гетьмана Івана Мазепи // Апанович О. Гетьмани України і кошові отамани Запорозької Січ [Электронный ресурс]. URL: <http://exlibris.org.ua/apanowicz/mazepa.html> (дата обращения: 13.05.2023).

¹ В Европе в эпоху позднего средневековья по закону за любовную связь с иноверцем карали как за сожительство с животным.

Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Образ и трагедия гетмана Мазепы. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 208 с.

Каревин А. Выдумка старого гетмана. Необычный взгляд на «Батуринскую резню» [Электронный ресурс]. URL: <http://svandrej.at.ua/news/2009-08-29-16> (дата обращения: 13.05.2023).

Костомаров Н.И. Ответ г. Карпову (на сочинение г. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654 – 30 мая 1672 года» // Русские инородцы. Москва: Чарли, 1996. С. 515–523.

Лазаревский А.М. Исторический очерк Батурина // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1892. Кн. VI. Отд. II. С. 105–122.

Павленко С. Письма «адвокату» Меншикова о Батурине [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fraza.ua/zametki/05.03.08/48393.html> (дата обращения: 13.05.2023).

Павленко С. «Тот город со всем сожгли» Батуринская трагедия 1708 г.: факты и домыслы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.day.kiev.ua/192545/> (дата обращения: 13.05.2023).

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.VIII. (июль-декабрь 1708 г.). Вып. 1. Москва-Ленинград, 1948. 408 с.

Скворцов Д. К годовщине Батуринской комедии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=110769> (дата обращения: 13.05.2023).

Ставицкий А.В. Мифы Украины: Мазепа. Севастополь: Рибэст, 2012. 172 с.

Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с.

Ставицкий А.В. Украинские археологи о так называемой «батуринской резне»: мифологический аспект // Калужский вестник. 2018. №1. С. 101–106.

Таирова-Яковлева Т. Мазепа. Москва: Молодая гвардия, 2007. 271 с.: ил.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Москва: Индрикс, 1996. 287 с.

Червак Б. Кто ответит за Батурин? [Электронный ресурс]. URL: <http://pravda.com.ua/ru/news/2007/12/3/67656.htm> (дата обращения: 13.05.2023).

Яковенко Н.М. Мазепа і мазепинці // Яковенко Н.М. Нарис історії України [Электронный ресурс]. URL: http://history.franko.lviv.ua/yak_r5-3.htm (дата обращения: 13.05.2023).

Яневський Д.Б. Проект «Україна» або Таємниця Михайла Грушевського / Худож.-оформлювач Є. В. Вдовиченко. Харків: Фоліо, 2010. 315 с.

References

Apanovich O. Great Idea of Hetman Ivan Mazepa // Apanovich O. Hetmans of Ukraine and koshev atamans of the Zaporizhian Sich [Electronic resource]. URL: <http://exlibris.org.ua/apanowicz/mazepa.html> (date of address: 13.05.2023). (In Russian).

Artamonov V.A., Kochegarov K.A., Kurukin I.V. Invasion of the Swedish Army on Hetmanschina in 1708. Image and Tragedy of Hetman Mazepa. St. Petersburg: Society in Memory of Abbess Taisia Publ., 2008. 208 p. (In Russian).

Karevin A. Fiction of the Old Hetman. An Unusual Look at the "Bathurin Massacre" [Electronic resource]. URL: <http://svandrej.at.ua/news/2009-08-29-16> (date of address: 13.05.2023). (In Russian).

Kostomarov N.I. Reply to Mr. Karpov (on the Work of Mr. Karpov "Critical Review of the Development of the Main Russian Sources, to the History of Little Russia, for the Time: 8 January 1654 – 30 May 1672" // Russian Inorodtsy. Moscow: Charlie Publ., 1996. Pp. 515–523. (In Russian).

Lazarevsky A.M. Historical sketch of Baturin // Readings at the Historical Society of Nestor the Chronicler. Kiev, 1892. Book VI. Section II. Pp. 105–122. (In Russian).

Pavlenko S. Letters to Menshikov's "lawyer" about Baturin [Electronic resource]. URL: <http://www.fraza.ua/zametki/05.03.08/48393.html> (date of address: 13.05.2023). (In Russian).

Pavlenko S. "That City with Everything Burnt" Baturin Tragedy of 1708: Facts and Speculations [Electronic resource]. URL: <http://www.day.kiev.ua/192545/> (date of address: 13.05.2023). (In Russian).

Letters and Papers of Emperor Peter the Great. T. VIII. (July-December 1708). Vol. 1. Moscow-Leningrad, 1948. 408 p. (In Russian).

Skvortsov D. Towards the Anniversary of the Batura Comedy [Electronic resource]. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=110769> (date of address: 13.05.2023). (In Russian).

Stavitsky A.V. Myths of Ukraine: Mazepa. Sevastopol: Ribest Publ., 2012. 172 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. National-historical Myth of Ukraine. Sevastopol: Ribest Publ., 2015. 748 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Ukrainian Archaeologists about the So-called "Baturyn Massacre": mythological aspect // Kaluga Vestnik. 2018. №1. Pp. 101–106. (In Russian).

Tairova-Yakovleva T. Mazepa. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2007. 271 p.: il. (In Russian).

Ulyanov N.I. Origins of Ukrainian Separatism. Moscow: Indriks Publ., 1996. 287 p. (In Russian).

Chervak B. Who will Answer for Baturin? [Electronic resource]. URL: <http://pravda.com.ua/ru/news/2007/12/3/67656.htm> (date of address: 13.05.2023). (In Russian).

Yakovenko N.M. Mazepa i Mazepinetsi // Yakovenko N.M. Naris istorii Ukrainy [Electronic resource]. URL: http://history.franko.lviv.ua/yak_r5-3.htm (date of address: 13.05.2023). (In Russian).

Yanevsky D.B. Project "Ukraine" or Mystery of Mykhailo Hrushevskiy / Artist and designer Є. V. Vdovichenko. Kharkiv: Folio Publ., 2010. 315 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and International Relations,
Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy
(Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. «Батури́нская резня»: поиски утраченного смысла // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 112–123.

For citation:

Stavitskiy A.V. "The Bathurin Massacre": Searching for Lost Meaning // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 112–123.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ СКАЗОЧНЫХ МИРОВ

УДК 122 (398)

ПРАКСИОЛОГИЯ ЭТНОСА НА ПРИМЕРЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ, ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ СКАЗКИ

Осьмушина Анастасия Андреевна

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им.
Н.П. Огарёва (г. Саранск, Россия)

Аннотация

Понимание этнокультурных особенностей прaksiологии способствует пониманию психологии и картины мира этноса в целом. Исходя из трактовки фольклора как средства аккумуляции, трансляции и прескрипции этнокультурного мифа, в том числе прaksiологии этноса, настоящее исследование имеет целью выявить содержание и условия эффективности деятельности в фольклорной сказке США, Латинской Америки и России. Методология основана на историко-сопоставительном анализе фольклорных текстов разных этносов в рамках аналитической философии. Результаты исследования демонстрируют разное содержание эффективности деятельности в сказках различных этнических групп.

Ключевые слова: прaxeология; этнос; североамериканская сказка; латиноамериканская сказка; русская сказка; деятельность; целеполагание; эффективность

THE PRAXIOLOGY OF ETHNOS ON THE EXAMPLE OF A COMPARATIVE ANALYSIS OF NORTH AMERICAN, LATIN AMERICAN AND RUSSIAN FAIRY TALES

Osmushina Anastasia Andreevna

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia)

Abstract

Understanding the ethno-cultural features of praxiology contributes to understanding the psychology and worldview of the ethnos as a whole. Based on the interpretation of folklore as a means of accumulation, translation and prescription of ethno-cultural myth, including the praxiology of ethnos, this study aims to identify the content and conditions for the effectiveness of activities in the folklore fairy tale of the USA, Latin America and Russia. The methodology is based on the historical and comparative analysis of folklore texts of different ethnic groups within the framework of analytical philosophy. The results of the study demonstrate the different content of the effectiveness of activities in folk tales of different ethnic groups.

Keywords: praxeology; ethnos; North American folk tale; Latin American folk tale; Russian folk tale; activity; goal setting; efficiency

Введение

Праксиологические основания мифа – этнокультурное или социодемографическое представление о деятельности, ее содержании и условиях

эффективности. В данной работе рассматривается именно этнокультурный уровень праксиологии. Будет ли праксиология различных этнических групп идентичной – этот вопрос прежде не рассматривался системно. Однако понимание содержания этнических мифов и *modos operandi* способствует пониманию деятельности, психологии и мировосприятия этноса в целом, создавая предпосылки для эффективного диалога культур, что определяет актуальность настоящего исследования.

В качестве материала для изучения выбрана сказка, именно этническая, фольклорная сказка, поскольку фольклор сохраняет и передает реципиентам этнокультурные мифы как смысловую матрицу культуры и ее универсалию [Ставицкий 2020: 86], весьма показательно демонстрируя картину мира этноса, или его космо-психо-логос, включая этнические особенности онтологии, гносеологии, логики, аксиологии и праксиологии [Гагаев, Гагаев 2016; Осьмушина, Ингл 2016].

Для анализа выбраны исторические сказки. Сюжеты их не схожи, но деятельность во всех трех сказках направлена на борьбу с несправедливой властью. Однако будет ли похоже и содержание деятельности?

Цель исследования – выявить и сопоставить содержание понятия деятельности в североамериканской, латиноамериканской и русской сказке. Заявленная цель определяет следующие задачи исследования: определить содержание концепта праксиологии; определить тип сказок, наиболее ярко отражающий праксиологию этноса; выполнить анализ содержания и эффективности деятельности в североамериканской, латиноамериканской, и русской сказке.

Литературный обзор

Фольклорная сказка как отражение представления этноса о мире, психологии и ментальности этноса, средство формирования целостного сознания на основе мифа имеет давнюю историю рассмотрения [Аникин 1977; Леви-Стросс 2001; Пропп 1928; Гагаев, Гагаев 2017; Осьмушина и др. 2021; Куринских 2001; Grimm 1854; Dorson 1959; Toelken 1979; Karsdorp, Fonteyn 2019; Nadales 2019; Krasner 2002; Osmushina 2021], однако этническая сказка как средство стереотипизации и прескрипции наиболее эффективных способах взаимодействия с миром практически не изучалась, за исключением работ А.А. Гагаева, посвященных структуре и функциям мифа («мифы всегда принадлежат некоторому месторазвитию ... и всегда реализуют ... тип действия и организации (самоорганизации)» [Гагаев, Гагаев 2000: 192-193], а также русским, мордовским и татарским сказкам [Гагаев, Гагаев 2016; Гагаев, Гагаев 2017; Гагаев и др. 2016], однако в трудах философа праксиология этноса не анализируется системно, но упоминается как часть анализа русского, мордовского и татарского космо-психо-логоса. В.М. Пивоев выделил такие праксиологические функции мифа как мантика (гадание), но не содержание праксиологии мифов этнокультур [Пивоев 2020]. Работы, в которых изучались бы этнокультурные особенности праксиологии США и Латинской Америки, или было бы сформулировано содержание праксиологии фольклора, на данный момент отсутствуют.

В данной работе содержание праксиологии фольклорного текста формулируется на основе работ А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубенштейна, Э. Кассирера, А.А. Гагаева, Г. Гегеля, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинга, и Э. Фромма [Гагаев, Гагаев 2016].

Методы

Исследование выполнено в рамках аналитической философии, применяется принцип выявления различий в сходствах и дейксисная методология анализа фольклорного текста [Осьмушина и др. 2021]. Сравнительный анализ сказок одного типа позволяет выявить именно этнические различия, в нашем случае, в понимании деятельности. Ведущий метод, применяемый при выборе материала – историко-сопоставительный метод. Метод критического отбора источников позволил подобрать материал для изучения, а именно аутентичные тексты этнических сказок, североамериканской, латиноамериканской и русской. Общенаучные методы исследования позволили выдвинуть гипотезу и синтезировать выводы.

Результаты и обсуждение**1. Праксиология сказки в целом**

- Праксиология сказки охватывает общую теорию деятельности в этнической сказке как форме фольклора.

- Структура деятельности в сказке и фольклоре в целом включает в себя виды деятельности (материальную, познавательную, идеальную), их соотношение, целенаправленность и эффективность деятельности, а также атрибутивные характеристики действия. Исследование праксиологии этнической сказки это выявление следующих характеристик деятельности, выделенных И.Г. Фихте [Фихте 1916], Т. Коттарбинским [Коттарбинский 1975], Л.С. Выготским [Выготский 1991], А.Н. Леонтьевым [Леонтьев 1981], С.Л. Рубинштейном [Рубинштейн 1957; Рубинштейн 1973], и А.А. Гагаевым [Гагаев, Гагаев 2016] в семантике сказки.

- Субъект действия – коллективный или индивидуальный.

- Активность субъекта – проактивность или реактивность.

- Объект или предметность действия: на какое социальное отношение направлено действие. Вся деятельность социальна, более того, имеет обоюдоострый, интериоризованный характер [Кассирер 1998; Фромм 1988; Леонтьев 1981; Рубинштейн 1957; Рубинштейн 1973]. Также в предметность действия входит упомянутая профессором А.А. Гагаевым [Гагаев, Гагаев 2016] конкретность/дифференцированность действия.

- Тип действия – внешнее или внутреннее, импульсивное или волевое, универсальное или партикулярное.

- Мотивация действия – побуждение к совершению действия.

- Цель и целенаправленность включает в себя цель истинную и декларируемую, верное или неверное целеполагание, соответствие или несоответствие цели мотиву и действия цели.

- Тип взаимодействия с противодействующим объектом – кооперация/конкуренция/конфликт, а также алиенативность, конформность и аддикция.

- Внутренние и внешние регуляторы действия. Внутренние регуляторы действия включают в себя идеалы, следование которым приносит удовлетворение. Внешние регуляторы действия – это механизмы социального контроля. Механизмы социального контроля охватывают ценности и нормы, нормы права и морали, сакральные нормы (табу), стереотипы (как стереотипический когнитивный образ, так и инструментальную установку), систему наказаний/санкций и

наград/поощрений, и, наконец, социальные прескрипции: сказка не только отображает, но и транслирует и формирует социальные прескрипции.

- Орудийность (термин Ф. Бэкона [Бэкон 1972]) или инструментально-консуматорный аспект (термин А.А. Гагаева [Гагаев, Гагаев 2016]) действия – орудие, инструмент в сказках нередко формализует *modus operandi* этноса.

- Условия осуществления действия наиболее ярко выявляются при успешном или неуспешном выполнении действия разными субъектами, на основании разности в цели, мотиве, активности, типе действия или взаимодействия с объектом.

2. Праксиология североамериканской сказки (записанной среди креолов Лузитаны) «Маленький сын Правительства» (The Little Boy of the Government) [McCarthy 2007: 158–159].

Материальная деятельность не представлена: в североамериканской сказке производительный труд отсутствует. Познавательная деятельность состоит в познании мира как он есть: смелость и отсутствие предубеждений позволяет мальчику увидеть мир в его настоящем облики. Идеальная деятельность состоит в преобразовании мира, восстановлении истины и справедливости: мальчик разоблачает обман, наказывает виновных, и возвращает миру изначальный, настоящий облик, устраняя иллюзии и власть Правительства.

Цель деятельности Правительства – не оставлять возможного соперника, мальчика – защитить свою жизнь. Эффективность деятельности – Правительства – низкая, его пособников – низкая, мальчика – высокая. Таким образом, североамериканская сказка утверждает неэффективность зла и несправедливой власти.

Субъект действия – индивидуальный. Действуют персонифицированное Правительство-великан, мальчик, его мать, сестра, человек, дающий мальчику оружие, и принцесса. Действующие субъекты демонстрируют проактивность.

Предметность действия – социально-политические отношения. Социально-демографические отношения (освобождение принцессы и вступление в брак и принцессой) не входят в цели или задачи деятельности, это награда за успех. Действие конкретно, однако не всегда осознанно (заклятие снимается не осознанным действием).

Тип действия – партикулярное, внешнее, как импульсивное, так волевое, при этом импульсивное действие совершается не ради достижения цели, но в дополнение к волевому, волевое же действие соответствует целеполаганию.

Мотив действия – сохранение власти с одной стороны и сохранение собственной жизни с другой. Более ничем действия мальчика не мотивированы. Он не стремится к справедливости и не печется о других людях. То, что он освобождает принцессу и ее кусочек мира от заклятия, обусловлено его импульсивной деятельностью, не осознанной, бесцельной. Тем не менее герой восстанавливает истину и справедливость просто потому, что он бесстрашен и добр. Действия всех субъектов соответствуют цели, при этом действия юноши выходят за пределы его целей, демонстрируя его смелость и смекалку.

Североамериканская сказка демонстрирует конфликтное взаимодействие, конформность женщин (матери и сестры мальчика) злему Правительству, и алиенативность, которую осуществляет мальчик по отношению к миру.

Сказка лузитанских креолов не показывает следования высоким идеалам, однако формирует прескрипции следования истине, устранения обмана,

сохранения жизни и жизнь в семье, создаваемой не случайным образом, и не по принуждению, а в свободном выборе женщины, с достойной парой. Табу на убийство ребенка. Формируется стереотипический образ правительства как Паэлсмурта, калечного, искаженного человека – это не просто великан, а еще и одноногий. Дезидеративной нормой является помощь другому человеку: награда за помощь – оружие – спасла мальчику жизнь и избавила мир от ложной, иллюзорной власти.

Орудие спасения – лук с шестью стрелами – подразумевает отсутствие прямого столкновения, для использования такого оружия не требуется большая физическая сила, но необходима зоркость (в том числе умение видеть объекты как они есть) и твердая рука.

3. Праксиология латиноамериканской (колумбийской) сказки «История Йивана» (*La historia de Livan*) [Mejía, Maya 2011: 125-126]

Колумбийская сказка демонстрирует замечательное соотношение видов деятельности: приоритет, отводимый невежественными юношами материальной деятельности (строить жилища, рубить лес, ловить рыбу и возделывать землю), оказывается ошибочным и приводит локальное сообщество к краху. Латиноамериканская сказка утверждает, что процветание, прогресс зависит от одновременного развития всех видов деятельности, а именно познавательной (о методах эффективного ведения хозяйства и приметах, позволяющих эффективно использовать окружающую среду, с практическим применением знаний), и идеальной (забота обо всех членах сообщества, включая стариков; сочетание работы и праздников, развитие медицины и фольклора), и материальной, которой и должны заниматься молодые и сильные.

Субъект действия – коллективный (коллектив юношей, старики как обобщающая категория), и индивидуальный (Йиван, девушка). Действующие субъекты демонстрируют как проактивность (Йиван, принимающий решения по внутреннему побуждению, и юноши, решающие изгнать стариков, старики, организующие жизнь на новом месте), так и реактивность (коллектив локальной общности, подчиняющийся лидерам).

При этом отношения кооперации приводят к процветанию, отношения конфликта – к прозябанию, бездумное подчинение одних и жестокость других – к рабству. Действие отличается конкретностью.

Тип действия – внешнее, основанное на внутреннем побуждении, волевое, универсальное.

Мотивация действия юношей – стремление к повышению эффективности (изгнание из коллектива лиц, не выполняющих материальную деятельность), это декларируемая цель; истинная цель – нежелание делиться плодами материального труда. Это неверное целеполагание, поскольку невежественные юноши исключают из деятельности идеальную и познавательную, составляющие важнейшую часть жизни.

Мотив Йивана – следование справедливости в отношении к старикам, а затем – желание создать семью. Действия его соответствуют цели. Однако целеполагание самонадеянных юношей основано на ошибке, соответственно, их деятельность не эффективна.

Колумбийская сказка демонстрирует кооперацию и конфликт, а также алиенативность, которая носит как практический, созидательный, характер, так и включает в себя общественные изменения; большая часть коллектива проявляет

конформность, но не титульный персонаж. Бездумная конформность приводит к несчастной жизни в рабстве.

Идеалы нежелательные, ложные – прибыль, истинные – справедливость и сохранение естественной цикличности. Механизмы социального контроля – полная жизнь, включающая в себя разнообразные виды деятельности, необходимость всех членов локального коллектива и всех видов деятельности, при отсутствии формального права, но при функционировании регуляторных норм морали и суда мести и коллективной казни. Формируются стереотипические образы стариков как мудрецов. Орудийность – коллективное применение ножей – орудий повседневного труда и охоты, выживания, для борьбы с недальновидными тиранами, приводящими коллектив к прозябанию и смерти.

4. Праксиология русской сказки «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» [Народные... 1985: 108-117]

Русская сказка демонстрирует все виды деятельности. Материальная деятельность: отсутствие созидательного труда стрельца Федота не приносит семье процветания. Познавательная деятельность носит утилитарный, прикладной характер – получение информации используются непосредственно для решения текущей задачи. Однако познавательная деятельность, ее результаты – волшебные способности и знания из волшебной книги – позволяют жене стрельца спасти себя от брака по принуждению. Идеальная деятельность – сотрудничество и помощь, допуская обман недостойного, недоброго человека.

Субъект действия – индивидуальный (Федот-стрелец, король, воевода, жена Федота-стрельца, Шмат-разум, старуха, лягушка), однако победа над несправедливой властью возможна лишь для того, кто имеет в подчинении (умеет подчинить себе) силы коллективные (например, земных и морских обитателей, волшебное войско). Действующие субъекты демонстрируют как реактивность (при этом реактивность Федота-стрельца не доводит его до добра), так и проактивность (король, жена Федота-стрельца), приносящую успех. Необходимо отметить наименование субъекта «король», а не «царь», относящее действие к некоей локации за пределами нашей страны.

Сказка демонстрирует отношения конкуренции (цель короля – устранить конкурента) и кооперацию стрельца со всем миром живых существ. Действие отличается конкретностью. Алиенативность не является целью героя. Он демонстрирует конформность к необходимости до тех пор, пока не получает возможность противостоять ей.

Тип действия – и внешнее и внутреннее, внутреннее определяет внешнее, при этом следование собственной злой воле приводит к краху, солидарность и следование женщине в организации витальности обеспечивает счастье как высшую цель жизнедеятельности человека. Действие партикулярное – направленное на решение конкретных текущих задач как импульсивное, так и волевое.

Мотивация Федота – выжить, короля – получить себе чужую жену, Шмата-разума – служить доброму хозяину, старухи – спасти зятя и соответственно помочь дочери. Истинная цель у каждого совпадает с декларируемой, за исключением ложных целей (задач), которые ставит перед Федотом король. Неверное целеполагание короля обусловлено неверной оценкой способностей жены стрельца. Цель соответствует мотиву, действие соответствует цели. Противопоставляется добрая мудрость старухи и злая хитрость бабы яги, управление подчиненными для творческого труда и процветания семьи (так

действует жена стрельца), и управление подчиненным для злодеяния (так действует король). Лягушка как соединение земного и водного животного – единственное существо, способное разрешить неразрешимую задачу и найти нечто неведомое.

Внутренние регуляторы действия – семейная жизнь в любви и верности, независимо от дохода, при этом богатство не является нежелательным, напротив, но оно не служит определяющим при выборе супруга. Внешние регуляторы действия включают в себя такие ценности как семья, верность, помощь близким, интенция платить добром за добро, бороться за жизнь с несправедливой властью и устранить ее, если она угрожает жизни и ценностям и нормам. Табу забрать жену от живого мужа. Запрет на брак по принуждению. Награда за злой совет – золото, за добрую помощь – ответная помощь. Наказание за интенцию убийства – суд мести с народной казнью (гибель короля на поле боя). Попечение только о примитивных собственных потребностях без благодарности («без всякой заботы будем сыты и пьяны» [Народные... 1985: 116]) – карается утратой возможностей к праздной жизни (волшебный слуга покидает таких хозяев).

Орудийность – волшебный топор не служит против власти, но создает войско для стрельца. Топор это не оружие войны, это инструмент для преобразования мира в повседневной деятельности.

Заключение

Во всех трех рассмотренных сказках власть основана на насилии и принуждении, угрожает жизни субъекта и истинному, нормальному существованию мира/эффективному и справедливому функционированию этнической группы/демографической справедливости, формальной справедливости. При этом в сказке США злая власть искажает восприятие мира людьми, опасность ее состоит в том, что она не допускает даже возможности перемен, убивая собственных сыновей. В сказке Латинской Америке в погоне за прибылью власть превращается в тиранию, лишает людей радостей и знаний и снижает их уровень жизни, оставляя в ней только производительный труд. В русской сказке несправедливая власть диктует собственную волю, пользуясь возможностями для удовлетворения собственных импульсивных желаний, нарушая нормативно-ценностную систему общества.

Во всех трех сказках подчеркивается важность познавательной и идеальной деятельности: в североамериканской – познание истины и преобразование мира; в латиноамериканской – познание утилитарных свойств мира и повышение уровня жизни; в русской – применение знаний на борьбу с несправедливыми требованиями власти.

Сказка США утверждает индивидуальность и проактивность, а также глобальную алиенативность; латиноамериканская – коллективность и разумную проактивность, а также прикладную алиенативность; русская – индивидуальное управление коллективом, солидарность и реактивность как конформность к необходимости, проактивность как противостояние необходимости. Североамериканского героя мотивирует сохранение собственной жизни и победа над угрозой; латиноамериканского – справедливость и создание семьи; русского – сохранение семьи и жизни.

Во всех сказках наградой героя становится семья и власть. Формируется прескрипция создания семьи по взаимному согласию, без принуждения, не случайным образом. Образ плохой власти в сказке США – власть Паэлсмурта,

калечного получеловека, утверждающего принуждение и фальшь; в сказке Латинской Америки – тирания неразумных алчных юношей; в русской сказке – утверждение индивидуальной злой воли. Борьба со злой властью в американской сказке индивидуальна, в колумбийской – коллективна, в русской сражается коллектив, выполняющий индивидуальную волю и полностью ей подчиняющийся. Необходимое условие для победы в сказке США – бесстрашие, позволяющее видеть истину за иллюзией, в сказке Латинской Америки – справедливость и умение убедить коллектив в необходимости борьбы, в русской сказке – солидарность и благодарность.

Результаты исследования могут использоваться в дальнейшем исследовании космо-психо-логоса этносов США, Латинской Америки и русского суперэтноса, а также получить практическое применение в межкультурной коммуникации и диалоге культур.

Литература

- Аникин В.П.* Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
- Бэкон Ф.* Новый Органон. Афоризмы об истолковании природы и царства человека // Ф. Бэкон. Соч. в 2 т., Т. 2. М.: Мысль, 1972. 852 с.
- Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк: Кн. для учителя. М., Просвещение, 1991. 90 с.
- Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Теория истины в мифологии // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 192–197.
- Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки. Книга 1. Природа и философия русской сказки в теории русского космо-психо-логоса. Саранск, 2016. 502 с.
- Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Философия татарской сказки. Саранск-Пенза, 2017. 190 с.
- Гагаев А.А., Гагаев П.А., Кудаева Н.В.* Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксть философияц. Эрзянь философиясь: монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 160 с.
- Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
- Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 249 с.
- Куриных П.А.* Мифология и фольклоризм: некоторые аспекты взаимосвязи понятий // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 205-210.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т. 2. М.: Наука, 1985. 490 с.
- Пивоев В.М.* Праксеологическая функция мифа // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной

междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 23–26.

Осьмушина А.А., Гагаев А.А., Гагаев П.А. Дейкисная методология исследования семантики сказки // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6-1. С. 60–67.

Осьмушина А.А., Ингл О.П. Этнопедагогическое значение комического в творчестве мордовского народа // Интеграция образования. 2016. Т. 20. № 3 (84). С. 415–421. DOI: 10.15507/1991-9468.084.020.201603.415-421

Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Академия, 1928. 152 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 328 с.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 423 с.

Ставицкий А.В. Миф как смысловая матрица культуры и ее универсалия // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 86–92.

Фухте И.Г. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1916. 521 с.

Фромм Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу // Э. Фромм. Человек и его ценности. М., 1988. С. 56–62.

Dorson R.M., ed. American Folklore. Chicago and London: The university of Chicago press, 1959. 328 p.

Grimm J. Deutsche Mythologie. Dritte Ausgabe, vol. 1. Dietrichsche buchhandlung, Göttingen, 1854. 1228 p.

Karsdorp F., Fonteyn L. Cultural entrenchment of folktales is encoded in language // Palgrave Commun. 2019. № 5, 25 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0234-9> (дата обращения: 07.07.2021).

Krasner D.A. Semantics and Fiction // Erkenntnis (1975-). 2002. № 57(2). P. 259–275. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1020960629337>

Mejía L.C., Maya T., eds. Cuentos para contar. Cuentos populares colombianos. Medellín: Panamericana Formas e Impresos S. A., 2011. 162 p.

McCarthy W.B., ed. Cinderella in America: a book of folk and fairy tales. Jackson: University Press of Mississippi, 2007. 514 p.

Nadales M.R. Retellings of tradition. Little Red Riding Hood and the voice of the wolf // Fabula. № 60 (3-4). 2019: 244-262. DOI: <https://doi.org/10.1515/fabula-2019-0016>

Osmushina A.A. Justice Model in Latin American Folk Tale // Fabula. 2021. Volume 62. № 304. P. 367–381. DOI: [10.1515/fabula-2021-0022](https://doi.org/10.1515/fabula-2021-0022)

Toelken B. The dynamics of folklore. Houghton miffin company, 1979. 395 p.

References

Anikin A.V. (1977). Russian Folk Tale. Moscow: Prosveshchenije Publ., 1977. 208 s. (In Russian).

Bacon F. (1972). *The New Organon. Aphorisms on the Interpretation of Nature and the Realm of Man* // F. Bacon. *Sochinenija v 2 t.* [Essays in 2 volumes]. Volume. 2. Moscow: Mysl' Publ. 852 s. (In Russian).

Vygotskij L.S. (1991). *Imagination and Creativity in Childhood: Psychological Essay: Book for the Teacher.* Moscow: Prosveshchenie Publ. 90 p. (In Russian).

Gagaev A.A., Gagaev P.A. (2020). *Theory of Truth in Mythology* // *Myth in History, Politics, Culture* [Electronic resource]: Collection of materials of the 4 rd International scientific interdisciplinary conference (June 2020, Sevastopol) / Ed. A. V. Stavickij. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University. Pp. 192–197. (In Russian).

Gagaev A.A., Gagaev P.A. (2016). *Philosophy and Nature, Cosmo-Psycho-Logos Model of Russian Folk Tale.* Book 1. Saransk. 502 p. (In Russian).

Gagaev A.A., Gagaev P.A. (2017). *Philosophy of Tatar Folk Tale.* Saransk-Penza. 190 p. (In Russian).

Gagaev A.A., Gagaev P.A., Kudaeva N.V. (2016) *Philosophy of Mordovian Folk Tale.* Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. 160 p. (In Russian).

Cassirer E. (1988). *An Experience about a Person. Introduction to the Philosophy of Human Culture.* Moscow: Gardarika Publ. 784 p. (In Russian).

Kotarbinskij T. (1975). *A Treatise on Good Work.* Moscow: Ekonomika Publ. 249 p. (In Russian).

Kurinskikh P.A. Some Aspects of “Mythology” and “Folklorism” Term Correlation // *Myth in History, Politics, Culture* [Electronic resource]: Collection of materials of the 5 th International scientific interdisciplinary conference (June 2021, Sevastopol) / Ed. A. V. Stavickij. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University. Pp. 205–210. (In Russian).

Leont'ev A.N. (1981). *Problems of the Development of the Psyche.* Moscow: MSU Publishing House Publ. 584 p. (In Russian).

Lévi-Strauss C. (2011). *Structural Anthropology.* Moscow: Eksmo-Press Publ. 512 p. (In Russian).

Russian Folk Tales by A.N. Afanasyev in Three Volumes (1985). Volume 2. Moscow: Nauka. 490 p. (In Russian).

Osmushina A.A., Gagaev A.A., Gagaev P.A. (2021). *Deixis Methodology for the Study of Folk Tale Semantics* // *Philological Sciences-Scientific Essays of Higher Education.* № (1). Pp. 60–67. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.060>. (In Russian).

Osmushina A.A., Ingle, O.P. (2016). *Ethnopedagogical Value of the Comical of the Mordovian People* // *Integration of Education.* № 20(3). Pp. 415–421. DOI: 10.15507/1991-9468.084.020.201603.415-421. (In Russian).

Pivoev V.M. (2020). *Praxeological Function of Myth* // *Myth in History, Politics, Culture* [Electronic resource]: Collection of materials of the 5 th International scientific interdisciplinary conference (June 2021, Sevastopol) / Ed. A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University. Pp. 23–26. (In Russian).

Propp V.Y. (1928). *Morphology of Folk Tale.* Leningrad: Academija Publ.. 152 p. (In Russian).

Rubinshtejn S.L. (1957). *Being and Consciousness.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ. 328 p. (In Russian).

Rubinshtejn S.L. (1973). *Problems of General Psychology.* Moscow: Pedagogika Publ., 423 p. (In Russian).

Stavitskiy A.V. (2020). Myth as a Semantic Matrix of Culture and its Universal // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the 4th International scientific interdisciplinary conference (June 2020, Sevastopol) / Ed. A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University. Pp. 86–92. (In Russian).

Fichte J.G. (1916). Selected Works. Volume 1. Moscow. 521 p.

Rubinshteyn S.L. (1957). Being and Consciousness. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ. 328 p. (In Russian).

Fromm E. (1988). The Spiritual Essence of Man. The Capacity for Good and Evil // E. Fromm. Man and his Values. Moscow. Pp. 56–62. (In Russian).

Dorson R.M., ed. (1959). American Folklore. Chicago and London: The university of Chicago press. 328 p.

Grimm J. (1854). Deutsche Mythologie. Dritte Ausgabe, vol. 1. Dietrichsche buchhandlung, Göttingen. 1228 p.

Karsdorp F., Fonteyn L. (2019). Cultural Entrenchment of folktales is Encoded in Language // Palgrave Commun. № 5, 25 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0234-9> (дата обращения: 07.07.2021).

Krasner D.A. (2002). Semantics and Fiction // Erkenntnis (1975-). № 57(2). Pp. 259–275. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1020960629337>

Mejía L.C., Maya T., eds. (2011). Cuentos para contar. Cuentos populares colombianos. Medellin: Panamericana Formas E Impresos S. A. 162 p.

McCarthy W.B., ed. (2007). Cinderella in America: a Book of Folk and Fairy Tales. Jackson: University Press of Mississippi. 514 p.

Nadales M.R. (2019). Retellings of Tradition. Little Red Riding Hood and the voice of the wolf // Fabula; 60 (3-4): 244–262. DOI: <https://doi.org/10.1515/fabula-2019-0016>

Osmushina A.A. (2021). Justice Model in Latin American Folk Tale // Fabula. Volume 62. № 304: 367–381. DOI: [10.1515/fabula-2021-0022](https://doi.org/10.1515/fabula-2021-0022)

Toelken B. (1979). The Dynamics of Folklore. Houghton Mifflin Company. 395 p.

Сведения об авторе:

Осьмушина Анастасия Андреевна

доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации
ФГБОУ ВО «НИ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»,
кандидат философских наук (г. Саранск, Россия).

E-mail: 98781985@mail.ru

Bionotes:

Osmushina AnastasiaAndreevna

Associate Professor, Department of the English language for Professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Candidate of Philosophy (Saransk, Russia).

Для цитирования:

Осьмушина А.А. Праксиология этноса на примере сравнительного анализа североамериканской, латиноамериканской и русской сказки // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 124–135.

For citation:

Osmushina A.A. Praxiology of Ethnos on the Example of Comparative Analysis of North American, Latin American and Russian Fairy Tales // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 124–135.

УДК 82-34

МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И МИФОМ: ПУТЬ ИЗ СРЕДИЗЕМЬЯ В БЕЛОВОДЬЕ РОССИЙСКОГО ФЭНТЕЗИ

Кiryukhin Дмитрий Вячеславович

Нижегородский государственный агротехнологический университет
(г. Нижний Новгород, Россия)

Аннотация

Целью статьи является анализ жанра отечественного фэнтези в целом, его развитии на данный момент и возможных перспективах. Актуальность темы обусловлена возросшим интересом к данному жанру в литературе и кинематографии как со стороны массового зрителя, так и многочисленных исследователей и ученых – филологов, культурологов и историков, в том числе занимающихся проблематикой мифа и его интерконтекстуальной трансформации. Для достижения поставленной цели используются научные методы литературоведения и смежных гуманитарных наук. Автор приходит к выводу о том, что фэнтези в России сравнительно молодой жанр, для которого важнейшей проблемой является поиск основ и архетипов для создания оригинального мифологического мира (для западноевропейских авторов источником для вдохновения, несомненно, стали кельтская и скандинавская мифологии, Артуровская легенда, рыцарские романы).

Ключевые слова: фэнтези, художественный текст, мифология, кинематограф, отечественная литература

BETWEEN THE HISTORY AND THE MYTH: THE PATH FROM MIDDLE-EARTH TO BELOVODYE OF THE RUSSIAN FANTASY

Kiryukhin Dmitriy Vyacheslavovich

Nizhny Novgorod State Agrotechnological University
(Nizhny Novgorod, Russia)

Abstract

The purpose of the article is to analyze the genre of Russian Fantasy in general, its development at the moment and possible prospects. The relevance of the topic is due to the increased interest in this genre in literature and cinematography, both on the part of the mass audience and numerous researchers and scientists – philologists, culturologists and historians, including those dealing with the problems of myth and its intercontextual transformation. To achieve this goal, scientific methods of literary criticism and related humanities are used. The author comes to the conclusion that Fantasy in Russia is a relatively young genre, for which the most important problem is the search for foundations and archetypes to create an original mythological world (for Western European authors, Celtic and Scandinavian mythologies, Arthurian legend, chivalric novels, undoubtedly became a source of inspiration).

Key words: fantasy, fiction, mythology, cinematography, Russian literature

Введение

Фэнтези как жанр современного искусства, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов и переосмыслении прошлого (как правило, периода Средневековья), приобрел необычайную популярность в середине XX в.

сначала за рубежом, а затем и в России. Действительно богатыми источниками для западноевропейских и американских авторов стали Артуровская легенда, ирландские саги и поверья, бретонский или валлийский Мабиногион, память об историческом периоде феодализма и претерпевший новое рождение образ рыцарства. Сегодня на Западе фэнтези проявляет себя не только в литературе, но и кинематографе и телевидении, ролевых и видеоиграх, живописи и музыке, это целая индустрия, имеющая свою целевую аудиторию. Вымышленные миры и герои Средиземья, Земноморья, Бризингамена и других чертогов обширного Неверленда, создаваемые западными авторами не могли не найти в нашей стране не только почитателей, подражателей, но и коллег по созданию своих самобытных произведений. После того как открывшийся отечественный рынок захлестнула волна как переводного, так и нашего, «родного» фэнтези, прошло уже достаточно времени, чтобы можно было попытаться сформулировать какие-то выводы и подвести некоторые итоги. Хотя бы как минимум подтвердить или опровергнуть тезис польского писателя и литературоведа Анджея Сапковского о том, что «в Серых Горах золота нет», провозглашенный им еще в начале 1990-х годов.

Методы

Проблематика материала предполагает применение сравнительного метода и герменевтического анализа, позволяющего привлечь и рассмотреть тексты зарубежных и отечественных авторов, а также методов филологических наук, таких как композиционный и интертекстуальный анализ, нарративный метод, с помощью которого представляется возможным выявить коммуникативную природу того или иного упомянутого литературного произведения.

Обзор литературы

Появление все новых и новых работ в жанре фэнтези в литературе, кинематографии и искусстве можно назвать важным шагом современного общества в процессе мифотворчества и переосмысления своего исторического и культурного наследия. Интерес отечественных исследователей к самым разным аспектам изучения мифа и мифотворчества, несомненно, поддерживается благодаря ежегодной научной конференции «Миф в истории, политике, культуре», проводимой филиалом МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе [Ставицкий 2021а: 143–152]. Отдельным аспектам бытия феномена мифа в культуре – языке, поэтике, искусстве и фольклоре посвящен третий номер журнала «Мифологос», первого периодического научного журнала в нашей стране подобной проблематики. В последние годы наблюдается возросший интерес жанру фэнтези как в филологических, так и исторических научных исследованиях, отечественные авторы вслед за своими зарубежными коллегами обращаются к самым разным аспектам творчества наиболее известных и успешных авторов, таких как Дж.Р.Р. Толкин [Кирюхина 2017: 96–102], Дж. Роулинг [Венчакова 2016: 82], Дж.Р.Р. Мартин [Андреева 2021: 131–157], новую волну популярности которому принес сериал «Игра престолов» от НВО [Глянцев 2020]. Отметим, что благодаря подобному вниманию и популярности литературных и кинематографических произведений, появляется много публикаций, обращающихся и к анализу степени достоверности образа Средневековья в вымышленном мире [Аванесян 2019: 74–87], особенностям фонетики вымышленных языков [Демочкина, Михеева, Кузнецова 2019: 151–154] и переводов на русский язык [Ставицкий 2021б: 253–257], в том числе и диссертационные работы [Сафрон 2021].

Результаты и обсуждение

Фэнтези (от англ. *fantasy* – «фантазия») – жанр современного искусства, разновидность фантастики, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов в современной оригинальной интерпретации. Произведения нередко напоминают историко-приключенческий роман, действие которого происходит в вымышленном мире, близком к реальному Средневековью или эпохе Возрождения, герои которого сталкиваются со сверхъестественными явлениями и существами [Clute, Grant 1997]. Мир, в котором существуют герои, может быть параллельным, его физические законы могут отличаться от земных: в нем допустимо присутствие богов, магии, мифических существ, которые являются нормой описываемого мира и действуют так же системно, как и законы природы в реальном мире. Существует много вариантов классификации фэнтези, разные авторы называют среди его видов такие как мистико-философское, метафорическое, фольклорно-сказочное, героико-эпическое, высокое и низкое. Возможно, наиболее полный вариант был предложен Е. Афанасьевой [Афанасьева 2007: 86–93]. Что же так привлекает аудиторию в жанре фэнтези? Причин, конечно же, несколько, это и антибудничность и возможность уйти от реальности в более привлекательный мир, и более яркий / интересный / необычный сеттинг (т.е. окружение), романтика.

В ноябре 1992 г. в Берлине польский писатель-фантаст, автор популярной фэнтези-саги «Ведьмак» Анджей Сапковский завершает свой публицистический очерк о жанре фэнтези «Пируг, или Нет золота в серых горах» (сейчас в некоторых изданиях переводят как «Вареник») [Sapkowski 1993]. Примечательно, что на тот момент в саге о Ведьмаке была издана только первая книга – «Меч предназначения» [Сапковский 2002], представляющая собой сборник небольших рассказов, объединенных участием главного героя и достаточно смелой переработкой автором фольклорных сюжетов. Когда обращаешься к тематике жанра фэнтези, нельзя не вспомнить об этой работе, которая простым доступным и немного язвительным (характерным для автора) языком не без юмора рассказывает, как об истории жанра и его истоках, так и о его особенностях, основных чертах и представителях, а также проводит анализ работ современных ему авторов. Конечно, эти авторы в некотором роде для него конкуренты, однако замечания и критика кажутся вполне обоснованными. Мы не будем заниматься пересказом очерка, хотя он и прекрасно раскрывает заявленную тему, но обратимся к некоторым из его важнейших тезисов по ходу повествования.

И первое, что для нас будет принципиально важно, что отмечает А. Сапковский, это слияние и единство сразу нескольких элементов, присутствующих в жанре, а именно текста книги и ее оформления – т.е. визуальное и текстовое единство: «Начнем с обложек. Обложка книги – это ее визитная карточка. Не надо себя обманывать: критики не в состоянии читать всего, что выходит – они и не читают. Прочтение вовсе не является обязательным условием написания рецензии. Достаточно глянуть на обложку... Если же на обложке присутствует полуголая дамочка в объятиях героического типа с мышцами,... к тому же, если у этого типа в руке ятаган, а сверху на все это поглядывает дракон с выражением морды оголодавшего аксолотля, то мы имеем дело с фэнтези...» [Сапковский 1994]

Поскольку жанр получил свое развитие в середине XX в. первоначально на Западе, в первую очередь необходимо обратиться к тому, что «там у них», чтобы затем сравнить с тем, «что есть у нас». Итак, на Западе жанр фэнтези существует уже не один десяток лет. Среди его истоков или источников можно назвать

обширный материал Артуровской легенды, ирландские саги и поверья, средневековые бестиарии, память об историческом прошлом, претерпевший новое рождение образ рыцарства, к которому обращалось множество авторов спустя столетия после прекращения существования этого самого рыцарства как военно-дворянского сословия периода феодализма, – все названное и породило так называемые архетипы жанра – стереотипные, сформированные предшествующей культурой образы и ходы [Корнилова, Кузнецов 2022: 155–167] (фэнтезийные расы, извечное противостояние Света и Тьмы, т.н. Квест и пр.) [Беликов 2008].

Фэнтези как жанр имеет тесную связь с кинематографом, на начало 2000-х гг. приходится период всплеска интереса. Это связано с кассовым успехом трилогии «Властелин колец» режиссера Питера Джексона, которой все пророчили неудачу, и крупные киностудии не хотели выделять средств. После экранизации Дж.Р.Р. Толкина в фэнтези ринулись многие кинорежиссеры и продюсеры, однако вскоре для многих картин предрекаемый успех и идеи по созданию собственной франшизы обернулись громким кассовым провалом. Как бы то ни было, сегодня жанр фэнтези на Западе – это развитая индустрия, включающая в себя литературные произведения, кинокартины и телесериалы, компьютерные игры, музыку, живописные произведения, многие из этих сфер действуют совместно, как например, музыка и живопись, литература и живопись. У жанра есть своя ниша и аудитория, свои «правила игры» [Walters 2011].

В России жанр получил свое полноценное развитие относительно недавно – с 1990-х годов. Примечательно, что жанр у нас, как в известном анекдоте, имел возможность развиваться в двух направлениях. Во-первых, появилось большое число переводных книг зарубежных авторов. Да, Дж.Р.Р. Толкин, К.С. Льюис и др. переводились и в советское время, но масштабы в данном случае несопоставимы. Кроме того, появились разные варианты переводов одних и тех же книг. Во-вторых, появилась возможность проявить себя не только отечественным переводчикам, но и авторам, для которых, вновь стоял выбор между двумя путями. Либо полностью принять «правила игры», разработанные западными коллегами, и создать свое произведение на основе чужих наработок (так, например, поступил Ник Перумов с эпосом «Кольцо Тьмы», действие которой происходит в мире уже названного Дж. Р.Р. Толкина [Прошутинская 2010: 71–79]), либо принять эти «правила» лишь частично и попытаться сделать что-то самобытное. И здесь перед авторами встала тяжелейшая проблема поиска источников. Что же можно было назвать «нашим ответом» Артуровской легенде? Эпос? Фольклор? Историю? Напомним, что вопрос существования феодализма на Руси является дискуссионным, некие общие характерные черты наблюдаются, но полной аналогии все же нет. По мнению А. Сапковского, какой-либо альтернативы Артуровской легенде нет, фэнтези это все-таки типично европейский жанр, исходя из природы своих истоков, и законное право на существование имеют лишь те, кто «играет по обозначенным правилам», используя и интерпретируя западные архетипы. Можно ли здесь согласиться с ним, даже если весьма бегло ознакомиться с материалом отечественных авторов? Лишь отчасти, потому что сразу вспоминаются книги Марии Васильевны Семенович серии «Волкодав» [Семенова 2004]. Многие вспомнят и экранизацию и сериал «Молодой Волкодав», но мы скорее согласимся с автором, назвав их не совсем удачными. Здесь мы подходим ко второй важной детали – связь отечественного литературного фэнтези с киноиндустрией. Вопрос очень непростой, поскольку одна из главных проблем,

на наш взгляд, отечественного фэнтези в кино – это его зависимость. И зависимость даже не столько от западных сюжетов, образов и архетипов, сколько зависимость финансовая. Европейские и американские инвесторы и продюсеры заинтересованы в поиске нового рынка для своей продукции, поэтому для таких стран как Россия или Китай и создаются киноработы в аутентичном сеттинге, но с совершенно чужеродным сценарием. Для Китая это «Мулан», для России – «Последний богатырь», однако качество их оставляет желать лучшего, а отношение к русскому фольклору лишь номинальное.

Рассматривая финансовую сторону существования жанра в России, нельзя не упомянуть об условном делении авторов на три уровня известности. Верхушку «пищевой цепочки» занимают крупные авторы, наиболее издаваемые, хорошо рекламируемые, имеющие контракты с крупными издательствами или онлайн-библиотеками, публикующие по несколько книг в год (а то и в разных жанрах). Их имена мы можем найти в многочисленных подборках т.н. топов, среди них Сергей Лукьяненко, автор и создатель мира «Дозора», Василий Головачев, автор цикла «Запрещенная реальность», Александр Мазин, автор серий «Варяг» и «Варвара», уже упомянутый ранее Ник Перумов и даже Кир Булычев (Игорь Всеволодович Можейко).

На второй ступени расположились своего рода «рабочие лошадки», авторы-ремесленники, тоже пишущие много, но из-за того, что от этого зависит их непосредственная заработная плата. Такие произведения «без особых изысков» находят свою аудиторию благодаря ярким безвкусным обложкам и не менее гротескным названиям («Выйти замуж за Кощея», «Нелюдь» и пр.). В самом низу располагаются так называемые независимые авторы, которые с развитием Интернет-технологий и социальных сетей получили возможность не просто писать «в стол», но и свободно публиковать свои произведения на специализированных сайтах, создавать свои паблики и сообщества, объединяя небольшой круг сторонников, единомышленников и поклонников.

В чем особенность существования авторов внутри каждого из этих условных уровней? Замкнутость системы, а также ее кастовость, очень невысокая мобильность. Как малоизвестному автору стать известным? Написать талантливое произведение? К сожалению, этого не просто мало, это не является причиной известности. Все решают связи, знакомства, а не реальные способности, умения, качества, достоинства отдельного автора. Подобное мы наблюдаем сегодня практически в любой сфере нашего общества. Существование индустрии, занимающейся жанром – это, безусловно хорошо, но только лишь при ее открытости и мобильности. Любая замкнутая система рано или поздно приходит к стагнации, мы наблюдаем это даже на Западе, где индустрия фэнтези является развитой, например, в таком явлении, как гибель франшиз, когда известные и ранее популярные авторы, пытаясь вернуть былой успех, возвращаются к старым сюжетам, готовя продолжения, и терпят неудачу.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что Анджей Сапковский, несмотря на всю публицистическую и литературную ценность своего очерка, все же неправ, хорошие самобытные авторы и произведения в жанре фэнтези существуют и вне опоры на сюжеты и архетипы Артуровской легенды и западных образцов. Другое дело, что, разумеется, таких авторов сравнительно немного, так как процесс поиска и обработки материала в данном случае обладает чрезвычайной сложностью.

Кроме того, многие талантливые авторы просто недоступны и неизвестны широкому кругу читателей, так как издательство предпочтет напечатать еще одну книжку Макса Фрая, которая пусть и не будет иметь огромного успеха, но будет стабильно покупаться, чем играть в русскую рулетку с неизвестным автором. Кроме того, в настоящее время среди отечественных авторов наибольшую популярность имеют авторы, принимающие уже сложившиеся «правила игры», создающие произведения с опорой на западноевропейский материал. С одной стороны, это связано с тем, что на любой материал, так или иначе связанный с историей нашей страны или опирающийся на нее, модно повесить ярлык «абсолютной правды, сделанной по секретным документам». Так, например, и фильм «Викинг» мог бы быть вполне фэнтези-интерпретацией отечественной истории, если бы кино не представляли результатом работы многих историков, исследовавших все глубины архивов. С другой стороны, если говорить об исторической составляющей (фольклорная и религиозная, получив всплеск интереса в деятельности неоязычников и реконструкторов в первые годы несколько менее популярна), то антураж советской эпохи для современных отечественных авторов куда более привлекателен, чем пейзажи и животный мир Беловодья, хотя последний и имеет свою аудиторию и преданных поклонников.

Литература

Аванесян А.А. Образ Средневековья в сериале «Игра престолов»: проблема достоверности // Вестник ТвГУ. Серия «История». № 3 (51). 2019. С. 74–87.

Андреева Г.Н. Суд и правосудие в романе-фэнтези Дж.Р.Р. Мартина «Песнь льда и пламени» // Вестник культурологии. № 2 (97). 2021. С. 131–157.

Афанасьева Е. Жанр фэнтези: проблема классификации // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): Сб. материалов Международной научной конференции 29–31 марта 2007 г. Самара, 2009. С. 86–93.

Беликов С.В. Жанр «фэнтэзи» как объект концептуально-семантического исследования. 2008. // [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20140429045656/http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00002.pdf (дата обращения: 24.07.2021).

Венчакова О.С. Латинские заимствования в творчестве Дж. Роулинг // Студенческая наука и медицина XXI века: традиции, инновации и приоритеты: Сб. материалов. Самара: ООО «ОФОРТ», 2016. С. 82.

Глянцев А. Математики раскрыли секрет популярности «Игры престолов». // Сетевое издание «Вести.Ру». 03.11.2020. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2480609> (дата обращения 01.02.2021).

Демочкина А.С., Михеева Е.Н., Кузнецова С.В. Особенности фонетики вымышленных языков (на примере дотракийского и валиорского языков) как способ видения «возможных миров» в произведении Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени» // VIII Авдеевские чтения: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: ПГУ, 2020. С. 151–154.

Кирюхина Е.М. Проблема поисков нравственных идеалов западноевропейского средневековья и их отображение в творчестве Дж.Р.Р. Толкина // Актуальные проблемы обучения дисциплинам гуманитарного цикла в высшей школе: сборник статей и тезисов докладов X Международной научно-

практической конференции, посвященной 100-летию аграрного образования в г. Нижнем Новгороде. Нижний Новгород: Нижегородская ГСХА, 2017. С. 96–102.

Корнилова Е.Н., Кузнецов А.С. Архетип в коммуникации: образ трикстера в современных масс медиа / Мифологос. № 3. 2022. С. 155–167.

Прошутинская П.А. Трилогия Н. Перумова «Кольцо Тьмы» как интертекстуализация романа Дж.Р.Р. Толкина // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ч. 2. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2010. С. 71–79.

Сапковский А. Пируг, или Нет золота в серых горах // Сервер современной литературы «Самиздат» при библиотеке Мошкова. // [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/sekka_p/pirug.shtml (дата обращения: 24.07.2021).

Сапковский А. Последнее желание. Меч Предназначения: Фантаст. Романы / Пер. с польского Е. Вайсброта. Москва: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 631 с.

Сафрон Е.А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... д-ра филол. н. : спец. 10.01.01 – русская литература. Саранск, 2021. 34 с.

Семенова М. Волкодав: Роман. Москва: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: «Терра-Азбука», 2004. 571 с.

Ставицкий А.В. Конференция «Миф в истории, политике, культуре» и организационные предпосылки создания общей теории мифа // Ученые записки крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. Т. 7 (73). № 3. 2021. С. 143–152. DOI: 10.37279/2413-1695-2021-7-3-143-152

Ставицкий А.В. Миф как язык: о некоторых подходах к изучению мифа лингвистами // Миф в истории, политике, культуре: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2021. С. 253–257.

Clute J., Grant J. The Encyclopedia of Fantasy. 1st UK Ed. London: Orbit Books, 1997. // [Электронный ресурс]. // URL: <https://sf-encyclopedia.com/fe/> (дата обращения: 24.07.2021).

Sapkowski A. Piróg albo Nie ma złota w Szarych Górach // Nowa Fantastyka. № 5 (128). 1993.

Walters J. Fantasy Film. A Critical Introduction. Oxford, New York: BERG, 2011. 160 p.

Literature

Avanesyan A.A. The Image of the Middle Ages in the Series "Game of Thrones": the Problem of Authenticity // Bulletin of TVGU. Series "History". No. 3 (51). 2019. Pp. 74–87. (In Russian).

Andreeva G.N. Judgment and Justice in the Fantasy Novel by J.R.R. Martin "A Song of Ice and Fire" // Bulletin of Culturology. No. 2 (97). 2021. Pp. 131–157. (In Russian).

Afanasyeva E. Fantasy Genre: Classification Problem // Science Fiction and Technology (In Memory of Stanislaw Lem): Proceedings of the International Scientific Conference March 29–31, 2007 Samara, 2009. Pp. 86–93. (In Russian).

Belikov S.V. Genre “Fantasy” as an Object of Conceptual and Semantic Research. 2008. // [Electronic Resource]. URL: https://web.archive.org/web/20140429045656/http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00002.pdf (Date of Access: 07.24.2021). (In Russian)

Venchakova O.S. Latin Borrowings in the Works of J. Rowling // Student Science and Medicine of the XXI Century: Traditions, Innovations and Priorities: Materials. Samara: LLC “OFORT”, 2016. P. 82. (In Russian).

Glyantsev A. Mathematicians Have Revealed the Secret of the Popularity of the Game of Thrones. // Network Publication “Vesti.Ru”. 11.03.2020. // [Electronic Resource]. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2480609> (Date of Access: 02.01.2021). (In Russian).

Demochkina A.S., Mikheeva E.N., Kuznetsova S.V. Features of the Phonetics of Fictional Languages (on the Example of the Dothraki and Valorian Languages) as a Way of Seeing “Possible Worlds” in George Martin's “A Song of Ice and Fire” // VIII Avdeev Readings: Collection of Articles based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza: PGU, 2020. Pp. 151–154. (In Russian)

Kiryukhina E.M. The Problem of Searching for the Moral Ideals of the Western European Middle Ages and Their Reflection in the Works of J.R.R. Tolkien // Actual Problems of Teaching the Disciplines of the Humanities Cycle in Higher Education: a Collection of Articles and Abstracts of the X International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Agricultural Education in Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, 2017. Pp. 96–102. (In Russian)

Kornilova E.N., Kuznetsov A.S. Archetype in Communication: the Image of a Trickster in Modern Mass Media / Mythologos. No. 3. 2022. Pp. 155–167. (In Russian)

Proshutinskaya P.A. N. Perumov's Trilogy “The Ring of Darkness” as an Intertextualization of the Novel by J.R.R. Tolkien // Culture. Literature. Language: Proceedings of the Conference “Readings of Ushinsky”. Part 2. Yaroslavl: YaGPU n.a. K.D. Ushinsky, 2010. Pp. 71–79. (In Russian)

Sapkovsky A. Pirug, or there's No Gold in the Gray Mountains // Server of Modern Literature “Samizdat” at the Moshkov Library. // [Electronic resource]. URL: http://samlib.ru/s/sekka_p/pirug.shtml (Date of Access: 07.24.2021). (In Russian)

Sapkovsky A. The Last Wish. Sword of Destiny: Fantasy. Novels / Trans. from Polish by E. Weisbrot. Moscow: LLC “Publishing house AST”, 2002. 631 p. (In Russian)

Safron E.A. Poetics of Urban Fantasy in Russian Literature of the XXth – Early XXIst Centuries: Abstract of the Thesis. Dis. ... Dr. Philol. N.: spec. 01/10/01 – Russian Literature. Saransk, 2021. 34 p. (In Russian)

Semenova M. Volkodav: A Novel. Moscow: AST Publishing House LLC; St. Petersburg: “Terra-Azbuka”, 2004. 571 p. (In Russian)

Stavitsky A.V. Conference “Myth in History, Politics, Culture” and Organizational Prerequisites for the Creation of a General Theory of Myth // Uchenye zapiski of Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky. Philosophy. Culturology. Political Science. T. 7 (73). No. 3. 2021. Pp. 143–152. DOI: 10.37279/2413-1695-2021-7-3-143-152 (In Russian)

Stavitsky A.V. Myth as a Language: on Some Approaches to the Study of Myth by Linguists // Myth in History, Politics, Culture: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference / Edited by A.V. Stavitsky. Sevastopol: Branch of

Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2021, pp. 253–257. (In Russian)

Clute J., Grant J. The Encyclopedia of Fantasy. 1st UK Ed. London: Orbit Books, 1997. // [Электронный ресурс]. // URL: <https://sf-encyclopedia.com/fe/> (дата обращения: 24.07.2021).

Sapkowski A. Piróg albo Nie ma złota w Szarych Górach // Nowa Fantastyka. № 5 (128). 1993.

Walters J. Fantasy Film. A Critical Introduction. Oxford, New York: BERG, 2011. 160 p.

Сведения об авторе:

Кiryukhin Дмитрий Вячеславович

доцент кафедры «Иностранные языки» ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный агротехнологический университет», кандидат исторических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

E-mail: bagerlock@gmail.com

Bionotes:

Kiryukhin Dmitriy Vyacheslavovich

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Candidate of History, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Для цитирования:

Кiryukhin Д.В. Между историей и мифом: путь из Средиземья в Беловодье российского фэнтези // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология» № 4 (8), 2023. С. 136–144.

For citation:

Kiryukhin D.V. Between History and Myth: the way from Middle-earth to Belovodye of Russian Fantasy // MYPHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology" № 4 (8), 2023. Pp. 136–144.

УДК 940.2 (420)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ АЛАНА ЛИ К «ХОББИТУ» ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА

Кирюхина Елена Михайловна

Нижегородский государственный агротехнологический университет
(г. Нижний Новгород, Россия)

Аннотация

Цель статьи – анализ различных способов и вариантов трансформации образа Средневековья, представленных в книжных иллюстрациях художника А. Ли к книге Дж.Р.Р. Толкин «Хоббит». Ее актуальность определяется не только повышенным интересом общества к жанру фэнтези, романтизированному и мифологизированному образу Средневековья, но и спецификой взаимосвязи книжного текста и иллюстраций; недостаточная проработанность этой проблемы применительно к представленному материалу обуславливает научную новизну статьи. Для достижения обозначенной цели автор использует научные методы смежных гуманитарных дисциплин – истории, искусствоведения и литературоведения. Анализируя образы пространства, доспехов и вооружения, фантастических образов средневекового фольклора, автор приходит к выводу, что, несмотря на верность традициям классических мастеров, А. Ли создал свою мифологизированную вселенную Средневековья, продемонстрировал свой неповторимый художественный стиль, а неравноценность иллюстраций по качеству выполнения была, прежде всего, вызвана ориентацией не на детскую, а на подростковую аудиторию. Эти иллюстрации стали отправной точкой при дальнейшей работе А. Ли над киноверсиями Дж.Р.Р. Толкина, выполненных режиссером П. Джексоном.

Ключевые слова: Дж.Р.Р. Толкин; А. Ли; книжная иллюстрация; образ Средневековья.

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE MIDDLE AGES IN ALAN LEE'S ILLUSTRATIONS FOR THE "HOBBIT" BY J. R. R. TOLKIEN

Kiryukhina Elena Mihailovna

Nizhny Novgorod State Agrotechnological University (Nizhny Novgorod, Russia).

Abstract

The purpose of the article is to analyze various ways and options of transforming the image of the Middle Ages, presented in book illustrations by the artist A. Lee for the J.R.R. Tolkien's book "The Hobbit". Its relevance is determined not only by the increased interest of society in the fantasy genre, the romanticized and mythologized image of the Middle Ages, but also by the specifics of the relationship between the book text and illustrations; the insufficient elaboration of this problem in relation to the presented material determines the scientific novelty of the article. To achieve this goal the author uses the scientific methods of related humanitarian disciplines – history, history of art and literary criticism. Analyzing the images of space, armor and weapons, fantastic images of medieval folklore, the author comes to the conclusion that, despite being faithful to the traditions of the classical masters, A. Lee created his own mythologized universe of the Middle Ages, demonstrated his unique artistic style, and the unequal illustrations in terms of the quality of execution were, first of all, caused by the orientation not to the children's, but to the teenage audience. These illustrations became the starting point for A. Lee's further work on the films based on J.R.R. Tolkien's books, directed by P. Jackson

Key words: J.R.R. Tolkien; A. Lee; book illustration; image of the Middle Ages

Введение

Интерес к романтизированному образу Средневековья, жанру фэнтези характерен как для отечественного, так и зарубежного читателя и зрителя, отображается в литературе, живописи и графике, книжной иллюстрации, кинематографе, массовой культуре; героизация этого мифологизированного мира особенно востребована подростковой аудиторией. Социально-политическая нестабильность, обострившийся национальный радикализм и неонацизм, угрозы терроризма и ядерной войны вызывает желание погрузиться в понятный и относительно стабильный волшебный мир. Классическим примером является вселенная Дж.Р.Р. Толкина, в чьем творчестве переплелись сюжетно-образные начала «из средневекового фольклора, германо-скандинавской мифологии, героического эпоса, рыцарского романа, а также собственный творческий вымысел» [Кирюхина 2017]. Не меньший интерес вызвала кинематографическая интерпретация его произведений, хотя к книжным иллюстрациям к «Властелину колец» и, особенно, к «Хоббиту» обращаются гораздо реже. Между тем проблема соотношения литературного и визуального образа, текста книги и иллюстрации актуальна и требует особого рассмотрения. Целью статьи является рассмотрение вариантов трансформации образа Средневековья в иллюстрациях художника Алана Ли к «Хоббиту» Дж.Р.Р. Толкина. Предполагается не только поиск отдельных средневековых образов и сюжетов, но и анализ соотношения литературного и визуального образов, созданных в книге, – в этом видится научная новизна и актуальность представленного материала.

Методы

В статье использовались сравнительно-сопоставительный и проблемный и метод ретроспективно-перспективного анализа, которые используются в исторической культурологии и новой культурной истории, а также иконографический и культурно-исторический методы искусствоведения и литературоведения.

Обзор литературы

Большое количество научной литературы рассматривают различные грани эпохи Средневековья и образа Средневековья. Это классические исследования Э.Э. Виоле-ле-Дюк [Виоле-ле-Дюк 1997] и М. и Ч.Г.Б. Квенеллов [Квенеллы 2002], работы других зарубежных ученых М. Пастуро [Пастуро 2001], Ж. Брюнель-Лабришона и К. Дюамель-Амадо [Брюнель-Лабришона и Дюамель-Амадо 2003], Ж. Флори [Флори 2006], Л.Ф. Зальцмана [Зальцман 2014], Р. Фоссье [Фоссье 2014], Я. Мортимера [Мортимер 2015]. Отдельным граням эпохи Средневековья и культуры Средневековья посвящены книги отечественных авторов Л. М. Горбачевой [Горбачева 2000] и В. Шпаковского [2013].

Средневековый сказочный фольклор и средневековая мифология рассматривается в работах М.К. Бриггс [Бриггс 1967], Т.Х. Уайта [Уайт 2013], В. Сах [Сах 2013]. Е.М. Кирюхиной [Кирюхина 2013], энциклопедии Мифология Британских островов [Мифология Британских островов 2004].

Вопросы мифологизации Средневековья в центре внимания М. Пастуро [Пастуро 2012]), проблемой мифа и мифотворчества как в целом, так и в отношении конкретных исторических эпох занимается журнал «Мифологос» [Мифологос 2022].

Творчество Дж.Р.Р. Толкина в центре внимания как зарубежных, – М. Уайт [Уайт 2002], J. Chance [Chance 2003], Ph. Zaleski, C. Zaleski [Zaleski, Zaleski 2016], так

и отечественных исследователей – Е.М. Кирюхиной [Кирюхина 2017], А.А. Бедарева [Бедарев 2022], А.А. Осьмушиной [Осьмушина 2023].

К творчеству Алана Ли обращаются как за рубежом, – J. Vadeboncoeur [Vadeboncoeur 2012], Т. Уидлинг [Уидлинг 2022], так и в нашей стране, – Е.М. Кирюхина [Кирюхина 2016], В. Шумилов [Шумилов 2021], В. Муллагалеев [Муллагалеев 2023].

Взаимосвязь литературного и вербального образов анализируют Е.М. Кузнецова [Кузнецова 2014] и С.Н. Оводова [Оводова 2015], однако, лишь в одном фундаментальном исследовании Д.Л. Лебедева [Лебедев 2017] косвенно рассматриваются иллюстрации А. Ли к «Хоббиту». Поэтому данная статья продолжает и расширяет обозначенную проблему.

Основная часть

Биография Алана Ли (род. 1947) сейчас достаточно хорошо известна не только за рубежом, но и в нашей стране, прежде всего, благодаря работе над киноверсиями Питера Джексона «Властелин колец» (2001–2003) и «Хоббит» (2012–2014). Созданная Дж.Р.Р. Толкином мифологизированная вселенная как нельзя лучше соответствует мироощущению художника, о чем говорит А. Ли: ««Сила как мифа, так и искусства <...> заключается в этой волшебной способности открывать двери и устанавливать связи – не только между нами и миром природы, но и между нами и остальным человечеством. Мифы показывают нам то, что мы имеют что-то общее с каждым другим человеком, независимо от того, из какой культуры мы приходим, в каком веке мы живем. <...> Миф дал мне ощущение преемственности и общности с людьми разных времен и культур, а также улучшенные и более творческие отношения с миром природы» [Уидлинг 2022]. Прийти к такому умозаключению А. Ли помогли несколько обстоятельств. Прежде всего, это знакомство с древнегреческими мифами в детстве, вызвавшие у него чувство восторга и узнавания, а в возрасте 18 лет – встреча с книгами Дж.Р.Р. Толкина: «Мне казалось, что Толкин взял все элементы, которые я когда-либо хотел видеть в истории, и сплел их в одно огромное, цельное повествование. И, что еще важнее для меня, он создал место – огромный, красивый, удивительный пейзаж – который оставался в памяти еще долго после того, как главные герои закончили свои битвы и разошлись» [Уидлинг 2022]. Эти удивительные мифологизированные и загадочные пейзажи он нашел и в реальности – на богатой историей земле Дартмута, где поселилась его семья, а ради встречи с загадочным он даже устроился после колледжа на работу в качестве садовника на кладбище в ночную смену [Шумилов 2021]. Мечты А. Ли нашли свое воплощение в иллюстрациях к знаменитым «Феям» (1978), сборнику кельтских мифов «Мабиногиону» (1982), «Замкам» (1984) и «Мечтам Мерлина» (1988) [Кирюхина 2013]. Сам мастер называет мастерами, вдохновлявшими его на создание творческих работ, А. Рэхема, Э. Дюлака, Рембрандта, И. Босха, П. Брейгеля, Э. К. Бёрн-Джонса, а также мастеров итальянского Возрождения С. Боттичелли, Дж. Беллини и Леонардо да Винчи. Постепенно сложился и его оригинальный художественный стиль. А. Ли любит работать в технике акварели и карандаша, причем, часто карандашные рисунки по качеству превосходили большие акварели. Также характерной особенностью является четкость деталей, особый интерес к пейзажам, показ местности с высоты птичьего полета, мелкие стаффажные фигурки людей, – все это подчеркивает необъятность и загадочность изображаемых им мест действия [Кирюхина 2016].

Книга «Хоббит» Дж.Р.Р. Толкина с иллюстрациями А. Ли вышла в трех известных идентичных изданиях: на английском языке – в 1997 г., на французском – в 2012 г., на русском – в 2014 г. в издательстве АСТ в переводе Кирилла Королева со стихами в переводе Владимира Тихомирова [Толкин 2014]. На передней суперобложке красочное изображение дракона на груди золота, а на обратной стороне – монохромное изображение волшебника Гэндальфа и гномов в лесной чаще. Как и в других книгах, для иллюстраций были сделаны цветные акварельные рисунки и черно-белые рисунки карандашом, подобные небольшие карандашные заставки открывают каждую главу книги, а в некоторых случаях дополняются такими же концовками. Перед началом книги и в ее конце на разворотах изображены две, стилизованные под Средневековые образцы, карты Средиземья. На первой заставке мы видим хоббита Бильбо, сидящего в одиночестве в своей норе, а на последней концовке – его же в компании волшебника Гэндальфа и гнома Балина, и обретение этой дружбы представляется одним из итогов непростого путешествия хоббита.

Прежде всего, обратимся к удачным иллюстрациям книги. Очень светлая иллюстрация на к 1 главе [Толкин 2014: 17] изображает Бильбо, выходящего из своего жилища. Окно и дверь норы приветливо открыты, перед норой – скамейка и два деревца в горшках, из труб поднимается дым, маленький хоббит широко расставил ноги и покуривает длинную голландскую трубку. Преобладающий охристо-зеленый цвет расстилающихся холмов перебивается яркими зелеными пятнами – такого цвета жилетка Бильбо и приоткрытая главная дверь. Прекрасная интерпретация средневекового пространства вызывает чувство покоя и умиротворения.

Иллюстрация к 7 главе [Толкин 2014: 120] представляет пример чисто авторского художественного стиля. Бильбо, Гэндальф и гномы находятся на вершине огромной скалы Каррок, с которой открываются бескрайние дали: поля, леса, река. Тишину нарушают лишь парящие гигантские орлы, волшебные существа из средневекового фольклора [Уайт 2013], которые принесли героев на скалу. Фигурки героев маленькие, стаффажные, что усиливает впечатление великолепия и грандиозности происходящего. Цветовая гамма та же, что и на иллюстрации с Бильбо, выходящим из родного дома, воздух светел и прозрачен.

Динамичная иллюстрация к главе 14 [Толкин 2014: 249], изображающая нападение дракона на город, сюжет средневековых легенд и хроник [Мифология британских островов: 2004], предвосхищает кадр кинематографа: передний план – изображенные со спины люди на лодках, спасающиеся от смерти; средний план – кольца и крылья дракона в пылу огня; задний план – поднимающееся зарево пожара: «Никакой фейерверк не мог сравниться с этим ночным зрелищем» [Толкин 1989: 204].

В отличие от более ранних иллюстрированных книг, в «Хоббите» не так много деталей исторической реальности. Так, иллюстрация к главе 10 [Толкин 2014: 195] изображает Озёрный город, оживленный и известный в прежние славные времена: «Близ устья Лесной стоял странный город, о котором упоминали эльфы в королевских погребках. Его выстроили не на суше (хотя и на берегу виднелись кое-какие строения), а прямо на озере. От сильного течения впадавшей здесь реки его защищал скалистый мыс. Широкий деревянный мост вел с берега к высоким прочным сваям, на которых расположился деревянный город. Оживленный, деловой, этот город все еще преуспевал, занимаясь торговлей...» [Толкин 1989: 159]. На иллюстрации средневековые дома на сваях напоминают изображение города в стиле

эпохи Тюдоров из книги «Мечь Луны». Маленькие фигурки горожан гуляют по улочкам на сваях. Светлые воды шлюзов, водная гладь и горы в синеватой дымке на заднем плане закрепляют ощущение мира и покоя.

Вооружение и средневековые доспехи впервые изображены на иллюстрации к 5 главе [Толкин 2014: 95], где Бильбо неожиданно обнаруживает сторожащих выход из туннеля вооруженных гоблинов. Художник умело использован принцип контраста – испугавшегося хоббита и угрожающих ему врагов. Хотя Бильбо изображен спиной к нам, его поза и жесты весьма красноречивы, в то же время, каждый из гоблинов выражает собственную эмоцию.

Вооружение средневековых воинов [Шпаковский 2013] мы видим и на иллюстрациях к главам 15 и 17. Это 15 шлемы в главе (на командире – шлем, украшенный фигуркой дракона), луки, копья и мечи защитников стены [Толкин 2014: 262]. Карандашный рисунок к главе 17 [Толкин 2014: 276] изображает гнома с секирой в руках и мечом у пояса, чья борода по средневековой моде заплетена в две пышные косы [Горбачева 2000]. В той же 17 главе [Толкин 2014: 281] представлена битва эльфов, людей и гномов с враждебными им варгами (битва пяти воинств) [Толкин 1989: 234–237]. Нужно отдать должное художнику, иллюстрация весьма впечатляюще: изображение светлых воинов – по диагонали сверху вниз, нападающие на них враги – темными волнами снизу вверх. Светящееся оружие, искаженные злобными лица – все здесь вполне уместно.

Однако в том случае, когда фигуры героев изображаются крупным планом, иллюстрации, на наш взгляд, не такого высокого качества. В той же 1 главе это изображения вломившихся в нору и упавших гномов [Толкин 2014: 23], а также гномов, Бильбо и Гэндальфа, сидящих перед картой Средиземья [Толкин 2014: 31]. Образы героев статичны, выражения лиц похожи друг на друга, вытаращенные глаза Бильбо и гримаса на его лице, якобы изображающая внимание, вызывает ощущение недоумения. В отличие от предшествующих книг, в которых карандашные рисунки чаще всего превосходили по качеству акварели, здесь этот принцип не соблюдается: заставка к главе 13 [Толкин 2014: 233], – коллективный портрет гномов и хоббита, – повторяет неудачи больших иллюстраций: лица однообразны, статичны, с одинаковым выражением невыразительных взглядов.

Не слишком удачно использован и принцип контраста в 6 главе [Толкин 2014: 109] в изображении Бильбо, Гэндальфа и гномов, сидящих на дереве, под которым собралась стая кровожадных волков – сюжет средневековых легенд и сказок [Уайт 2013]. Но герои опять статичны (лишь двое из них действительно заинтересованы тем, что творится внизу под деревьями, взгляды остальных двоих устремлены куда-то вдаль), а также нарушена перспектива, в результате чего волки никак не похожи на угрозу, – скорее, на каких-то козявок с горящими глазами. С таким же отсутствующим взглядом вытаращенных глаз смотрит куда-то Бильбо, сидя на верхушке дерева, на иллюстрации к главе 8 [Толкин 2014: 151].

Подлинной удачей Дж.Р.Р. Толкина являются не только образ хоббита Бильбо, но и Горлума, – критики до сих пор гадают, в какой мере в их создании сыграла роль средневековая мифология [Chance 2003]. Как же представляет драматический момент знакомства и беседы Бильбо и Горлума А. Ли? На иллюстрации к 5 главе [Толкин 2014: 86] Горлум отвратителен, он напоминает оживший труп, однако Бильбо со светящимся средневековым мечом в руках и широко раскрытыми глазами находится в каком-то ступоре, взгляды героев не пересекаются, и если Горлума действительно интересует его собеседник, то куда всматривается хоббит – неизвестно.

Оправданным подобный способ изображения становится при показе отрицательных фантастических персонажей [Sax 2013]. Например, в главе 2 сначала внизу страницы мы видим рисунок трех троллей, с удивленными гримасами разглядывающих кость [Толкин 2014: 47], а затем – тех же троллей на целой странице: они разговаривают между собой, в то время как у их ног лежат плененные герои [Толкин 2014: 52]. Согласно средневековым сказкам и тексту книги, с рассветом тролли превращаются в каменные глыбы. На дальнем плане показана рассветная полоска, а головы двух троллей выписаны более прозрачно, как будто процесс превращения вот-вот произойдет.

Насколько творчески использовал Аланом Ли традиции предшествующих художников? Обратимся к конкретным примерам.

Большая иллюстрация к главе 4 [Толкин 2014: 73], выполненная в монохромной манере, изображает огромное количество фантастических средневековых тварей различных размеров. И здесь, конечно, прослеживаются четкие связи с иллюстрациями к книге «Феи». Что же касается аллюзий на И. Босха или П. Брейгеля, на которые ссылаются критики [Лебедев 2017], то в этом случае они весьма опосредованные: все же облик этих фантастических чудовищ явно придуман самим А. Ли.

Иллюстрация к 7 главе [Толкин 2014: 141] построена на контрасте: стаффажные фигурки Гэндельфа на коне и пеших гномов, слушающих его, изображены на светлой поляне в лесной чаще. Согласно тексту книги, их разговор должен был произойти на опушке Черного Леса, где Гэндальф попрощался с гномами. Несомненно, змеящиеся ветви вызывают ассоциации с деревьями Артура Рэхема, однако вместо четкой графичности линейного контура Алан Ли представляет зеленовато-черные, болотного цвета сучья и ветви, более напоминающие отвратительных удавов. Но иллюстрация вызывает более тревожные чувства: змеящиеся огромные ветви темного мрачного леса должны подчеркнуть сложность пути по этой загадочной чаще, ведь в средневековом фольклоре и литературе Дикий Лес – место, где героев могут поджидать опасности и испытания [Пастуро 2001], [Флори 2006].

При сравнении двух мастеров А. Ли, на наш взгляд, уступает А. Рэхему. А. Рэхем более разнообразен: четко представляя себе, на какую конкретно аудиторию он рассчитывал, мастер использовал как черно-белые, так и яркие цветные изображения, в данном случае цветовая гамма А. Ли более однообразна, хотя в некоторых случаях вполне оправдана. Так, один из драматичных моментов изображен на иллюстрации к 9 главе [Толкин 2014: 186]: сбежавшие из плена эльфов (согласно средневековому фольклору эльфы и гномы находились в весьма сложных отношениях друг с другом) [Бриггс 1967] спрятавшиеся в бочках гномы плывут по бурной воде среди нависающих лесных ветвей. В данном случае мрачная гамма вполне соответствует загадочности и тревожности эпизода.

На наш взгляд, Алан Ли ориентирует свою книгу не на детей, как предусматривал Дж. Р. Р. Толкин, а на подростковую аудиторию (что позже повторится в кинематографической версии режиссера П. Джексона). Классическое подтверждение этому тезису представляет иллюстрация к главе 12 [Толкин 2014: 215], взятая для обложки книги. Текст книги: «Исполинский золотисто-красный дракон лежал и крепко спал. Из пасти и из ноздрей вырывался дребезжащий звук и струйки дыма, но пламени он сейчас не извергал. Под его туловищем, под всеми лапами и толстым свернутым хвостом, со всех сторон от него, скрывая пол, высились

груды драгоценностей: золото в слитках, золотые изделия, самоцветы, драгоценные камни в оправе, жемчуг и серебро, отливающее красным в этом багровом свете. Смог спал на боку, сложив крылья, подобно громадной летучей мыши; хоббит видел снизу его длинный живот, в который вдавились драгоценные камни и золото от долгого лежания на богатом ложе» [Толкин 1989: 178]. На иллюстрации темные извивающиеся кольца дракона контрастируют с его маленькой головой и прозрачным, как будто стрекозиным крылом. Если дракон в тексте книги вызывает смешанное чувство страха и восхищения [Бедарев 2022], как и положено в средневековой мифологии [Уайт 2013], то существо на иллюстрации страшно и отвратительно. Это впечатление усиливают светящиеся и переливающиеся груды золота, в которых тонет чудовище. Иллюстрация восхитит подростковую аудиторию, но не впечатлит детей.

В заключении хотелось бы отметить и иллюстрации, удачно дополняющие краткий текст книги. Так, иллюстрация к 18 главе [Толкин 2014: 289] изображает похороны короля гномов Торина в чертогах Мории – города-государства гномов в подземельях Мглистых гор. Этот момент не описывается в книге подробно, так что иллюстрация зримо передает не только церемонию похорон [Виоле-ле-Дюк 1997: 129–147], но и глубокую печаль, охватившую прощавшихся с доблестным воином. Впечатляют огромные просторы каменной подземной крепости гномов, колонны, подобные колоннам средневековых соборов, извилистая лестница, по которой к месту последнего приюта движется похоронная процессия с факелами.

Обратимся и к иллюстрации к главе 19 [Толкин 2014: 297], на которой изображены Гэндальф и Бильбо, откапывающие на обратном пути домой золото троллей, о чем в книге говорится очень кратко. Золото, как и положено, светится ярким светом, зримо воплощая средневековую символику этого драгоценного металла [Пастуро 2012], фигурку хоббита почти не видно, Гэндальф изображен со спины. Впечатляет пейзаж на среднем и заднем плане – с мостом в королевство эльфов на среднем плане, с горными кряжами, подернутыми туманом, на заднем плане. Опасный мост по дороге *Туда* [Толкин 2014: 61] превратился в нестрашный мостик по дороге *Обратно*, чувствуется, что волшебным приключениям и путешествию скоро придет конец.

Логически завершает наш обзор иллюстраций уже упомянутая карандашная концовка последней главы [Толкин 2014: 301]: гном Балин, Гэндальф с трубочкой и Бильбо мирно беседуют, при этом, фигура Гэндальфа, помещенного в вершину пирамидальной композиции, его выражение лица с мудрой улыбкой, символизирует гармонию и умиротворение долгожданного возвращения в родные пенаты.

Заключение

Итак, иллюстрации Алана Ли к «Хоббиту» Дж.Р.Р. Толкина демонстрируют устойчивый интерес автора и читателей к созданной писателем мифологизированной вселенной, представляя созданную художником трансформацию средневековых образов. Это и интерпретация образов реального средневекового пространства (Озерный город, чертоги Мории), доспехов и оружия воюющих, одежды гномов и хоббита, и фольклорных средневековых образов – гномов, волшебника Гэндальфа, гоблинов, троллей, дракона, – а также изображение хоббита. Несомненно, при создании иллюстраций А. Ли вдохновлялся художниками-предшественниками, особенно, И. Босхом, П. Брейгелем и А. Рэкхемом, однако, его работы ни в коей мере не являются копией творений известных мастеров. А. Ли использует характерную для него художественную технику сочетания акварели и карандаша, любит показывать

пространство с высоты, прибегая к штаффажным фигуркам героев и любясь прекрасными пейзажами. Что касается проблемы взаимосвязи литературного текста и иллюстрации, то книга выглядит неровной. Наряду с удачными иллюстрациями есть и работы не слишком высокого качества. Прежде всего, это связано с тем, что А. Ли отдает предпочтение именно изображению пространства, пейзажа, давая возможность домыслить образы героев (маленького размера или вдалеке) читателю. Крупный план персонажей не везде удачен, кроме изображения отвратительных фантастических чудовищ. Несколько монотонна и излишне темна гамма части больших иллюстраций. В то же время, ряд иллюстраций превосходит по качеству литературный текст – это касается кратких фрагментов, которые художник «расшифровывает» по своему вкусу (похороны Торина, Гэндальф и Бильбо, откапывающие золото по пути домой). На наш взгляд, причины столь неравноценных по качеству иллюстраций в том, что, в отличие от Дж.Р.Р. Толкина, ориентировавшего свою книгу на детей, А. Ли создал книгу для востребованной подростковой аудитории, и именно так он продолжил свою работу над киноверсией «Хоббита».

Литература

Бедарев А.А. Роль образа дракона в сюжете повести Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит» // Филология, иностранные языки и медиа коммуникации. Материалы симпозиума в рамках XVII (XLIX) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, КГУ. Кемерово: КГУ, 2022. Том (Выпуск) 23. С. 127–130.

Бриггс М.К. Эльфы в традиции и литературе. 1967. [Электронный ресурс]. URL: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/Briggs_KM/FITAL/ (дата обращения: 15.08.2022).

Брюнель-Лабришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь во времена трубадуров XII – XIII веков. Москва: Молодая гвардия, 2003. 414 с.

Виоле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. Санкт-Петербург: Евразия, 1997. 384 с.

Горбачева Л.М. Костюм средневекового Запада: От натальной рубахи до королевской мантии. Москва: ГИТИС, 2000. 232 с.

Зальцман Л.Ф. Жизнь Англии в Средние века. Санкт-Петербург: Евразия, 2014. 320 с.

Квенеллы М. и Ч.Г.Б. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. Санкт-Петербург: Евразия, 2002. 384 с.

Кирюхина Е.М. Образы и сюжеты средневекового сказочного фольклора в творчестве современных англо-американских художников // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2013. Выпуск 45. С. 271–292.

Кирюхина Е.М. Повседневная жизнь средневековья в работах современных англо-американских художников // Преподаватель XXI век. 2016. № 3. С. 249–260

Кирюхина Е.М. Проблема поисков нравственных идеалов западноевропейского Средневековья и их отображение в творчестве Дж.Р.Р. Толкина. // Актуальные проблемы обучения дисциплинам гуманитарного цикла в высшей школе: сборник статей и тезисов докладов X Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию аграрного образования в г. Нижнем Новгороде. / Ответственные редакторы Л.Р. Биктеева, Д.В. Кирюхин. [Электронный ресурс]. Нижний Новгород: Нижегородская ГСХА, 2017. С. 96–102.

Кузнецова Е.М. Проблема восприятия визуального образа // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 3. С. 190–194.

Лебедев Д.Л. Взаимовлияние: литература – иллюстрация – экранизация на примере произведений Джона Р. Р. Толкиена // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы. Материалы II научно-практической конференции, МПГУ. Москва: МПГУ, 2017. С. 126–139.

Мифология Британских островов: энциклопедия. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2004. 640 с.

Мифологос. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». 2022. № 3. 206 с.

Мортимер Я. Средневековая Англия. Гид путешественника во времени. Москва: Эксмо, 2015. 336 с.

Муллагалеев В. Две твердыни: Алан Ли и Джон Хоу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirf.ru/fun/art/kak-illyustrirovali-vlastelina-kolec-luchshie-hudozhniki/> (дата обращения: 01.08.2023).

Оводова С.Н. Вербальная и визуально-образная репрезентация культуры // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 23–26.

Осьмушина А.А. Природа добра и зла в творчестве Дж. Р. Р. Толкина // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]. Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. С. 75–84.

Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. Москва: Молодая гвардия, 2001. 239 с.

Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. Санкт-Петербург: Александрия, 2012. 448 с.

Толкин Дж.Р.Р. Хоббит. Пер. с англ. К. Королев, В. Тихомиров; Рис. А. Ли. Москва: АСТ, 2014. 304 с.

Толкин Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно. Пер. с англ. Н. Рахмановой; Рис. М. Беломлинского. 2-е изд., испр. Ленинград: Детская литература. 1989. 254 с.

Уайт М. Толкиен: Биография. Москва: Эксмо, 2002. 320 с.

Уайт Т.Х. Средневековый bestiary. Что думали наши предки об окружающем мире. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2013. 287 с.

Уидлинг Т. Средиземье и вересковые пустоши: Алан Ли // Эльфийский лес. 2022. 14 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@elf_forest-sredizeme-i-vereskovyue-pustoshi-alan-li (дата обращения: 01.08.2023).

Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. Москва: Молодая гвардия, 2006. 356 с.

Фоссье Р. Люди средневековья. Санкт-Петербург: Евразия, 2014. 352 с.

Шпаковский В. История рыцарского вооружения. Москва: Ломоносов, ЛомоносовЪ, 2013. 208 с.

Шумилов В. Алан Ли: от садовника на кладбище до архитектора Средиземья. 2021. 29 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://dtf.ru/life/806675-alan-li-ot-sadovnika-na-kladbishche-do-arhitekтора-sredizemya> (дата обращения: 01.08.2023).

Chance J. Tolkien the Medievalist. London: Routledge, 2003. 312 p.

Sax B. Imaginary Animals: The Monstrous, the Wondrous and the Human. London: Reaktion Books, 2013. 272 p.

Zaleski Ph., Zaleski C. The Fellowship: The Literary Lives of the Inklings: J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Owen Barfield, Charles Williams. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016. 656 p

Vadeboncoeur J. Alan Lee. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bpiib.com/illustrat/lee.htm> (дата обращения: 22.7.2022).

References

Bedarev A.A. The Role of the Image of the Dragon in the Plot of the Story by J.R.R. Tolkien "The Hobbit" // Philology, Foreign Languages and Media Communications. Materials of the Symposium Within the Framework of the XVII (XLIX) International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, KSU. Kemerovo: KGU Publ. 2022. Volume (Issue) 23. S. 127–130. (In Russian).

Briggs M.K. Elves in Tradition and Literature. 1967 [Electronic resource]. URL: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/Briggs_KM/FITAL/ (date of accessed: 15.08.2022).

Brunel-Labrichon J., Duhamel-Amado K. Everyday Life in the Time of the Troubadours of the XII-XIII Centuries. Moscow: Young Guard Publ. 2003. 414 p.

Viollet-le-Duc E.E. Life and Entertainment in the Middle Ages. St. Petersburg: Eurasia Publ. 1997. 384 p.

Gorbacheva L.M. Costume of the Medieval West: From Undershirt to Royal Mantle. Moscow: GITIS Publ. 2000. 232 p. (In Russian).

Zaltsman L.F. Life in England in the Middle Ages. St. Petersburg: Eurasia Publ. 2014. 320 p.

Quennell M. and Ch.G.B. Daily Life in England During the Time of the Anglo-Saxons, Vikings and Normans. St. Petersburg: Eurasia Publ. 2002. 384 p.

Kiryukhina E.M. Images and Plots of Medieval Fairy-Tale Folklore in the Works of Contemporary Anglo-American Artists // Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History. 2013. Issue 45. Pp. 271–292 (In Russian).

Kiryukhina E.M. Everyday Life of the Middle Ages in the Works of Contemporary Anglo-American Artists // Lecturer of XXI Century. 2016. No. 3. Pp. 249–260. (In Russian).

Kiryukhina E.M. The Problem of Searching for the Moral Ideals of the Western European Middle Ages and Their Reflection in the Works of J.R.R. Tolkien. // Actual Problems of Teaching the Disciplines of the Humanities Cycle in Higher Education: a Collection of Articles and Abstracts of the X International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Agricultural Education in Nizhny Novgorod. / Managing Editors L.R. Bikteeva, D.V. Kiryukhin. [Electronic resource]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, 2017. Pp. 96–102. (In Russian).

Kuznetsova E.M. The Problem of Visual Image Perception // Science. Art. Culture. 2014. No. 3. Pp. 190–194. (In Russian).

Lebedev D.L. Mutual Influence: Literature – Illustration – Film Adaptation on the Example of the Works of John R. R. Tolkien // Media Processes in the Modern Humanitarian Space: Approaches to Study, Evolution, Prospects. Materials of the II Scientific-practical Conference, Moscow State Pedagogical University. Moscow: MPGU, 2017. Pp. 126–139. (In Russian).

Mythology of the British Isles: an Encyclopedia. Moscow: Eksmo Publ; St. Petersburg: Terra Fantastica Publ. 2004. 640 p. (In Russian).

Mythologos. Series: "Myth in Culture: Literature, Language, Poetics, Art, Folklore". 2022. No. 3. 206 p. (In Russian).

Mortimer J. Medieval England. Time Traveler's Guide. Moscow: Eksmo Publ. 2015. 336 p.

Mullagaleev V. Two Strongholds: Alan Lee and John Howe. [Electronic resource]. URL: <https://www.mirf.ru/fun/art/kak-illyustrirovali-vlastelina-kolec-luchshie-hudozhniki/> (date of accessed: 01.08.2023). (In Russian).

Ovodova S.N. Verbal and Visual-Figurative Representation of Culture // Man in the World of Culture. 2015. No. 1. Pp. 23–26. (In Russian).

Osmushina A.A. The Nature of Good and Evil in the Works of JRR Tolkien // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]. Collection of Materials of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Moscow State University Named after M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2023. Pp. 75–84. (In Russian).

Pasturo M. Everyday Life in France and England During the Time of the Knights of the Round Table. Moscow: Young Guard Publ. 2001. 239 p.

Pasturo M. Symbolic History of the European Middle Ages. St. Petersburg: Alexandria Publ. 2012. 448 p.

Tolkien J.R.R. Hobbit. Trans. from English K. Korolev, V. Tikhomirov; Ill. by A. Lee. Moscow: AST Publ. 2014. 304 p.

Tolkien J.R.R. The Hobbit, or There and Back Again. Trans. from English N. Rakhmanova; Ill. by M. Belomlinsky. 2nd Ed., Rev. Leningrad: Children's Literature Publ. 1989. 254 p.

White M. Tolkien: A Biography. Moscow: Eksmo Publ. 2002. 320 p.

White T.H. Medieval Bestiary. What Did Our Ancestors Think about the World Around Us. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf Publ. 2013. 287 p.

Widling T. Middle-Earth and Moorlands: Alan Lee // Elven Forest. 2022. July 14. [Electronic resource]. URL: https://vk.com/@elf_forest-sredizeme-i-vereskoye-pustoshi-alan-li (date of accessed: 01.08.2023).

Flory J. The Daily Life of Knights in the Middle Ages. Moscow: Young Guard Publ. 2006. 356 p.

Fossier R. People of the Middle Ages. St. Petersburg: Eurasia Publ. 2014. 352 p.

Shpakovsky V. The History of Knightly Weapons. Moscow: Lomonosov, Lomonosov Publ. 2013. 208 p. (In Russian).

Shumilov V. Alan Lee: from a Cemetery Gardener to an Architect of Middle-Earth. 2021. July 29. [Electronic resource]. URL: <https://dtf.ru/life/806675-alan-li-ot-sadovnikana-kladbishche-do-arhitektora-sredizemya> (date of accessed: 01.08.2023). (In Russian).

Chance J. Tolkien the Medievalist. London: Routledge, 2003. 312 p.

Sax B. Imaginary Animals: The Monstrous, the Wondrous and the Human. London: Reaktion Books, 2013. 272 p.

Zaleski Ph., Zaleski C. The Fellowship: The Literary Lives of the Inklings: J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Owen Barfield, Charles Williams. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016. 656 p.

Vadeboncoeur J. Alan Lee. [Electronic resource.] URL: <http://www.bpib.com/illustrat/lee.htm> (date of accessed: 22.7.2022).

Сведения об авторе

Кiryukhina Elena Mikhailovna

профессор кафедры «История, философия и социология» ФГБОУ ВО «Нижегородский государственная агротехнологический университет», доктор культурологии, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

E-mail: elenakiruhina@gmail.com

Bionotes:

Kiryukhina Elena Mihailovna

Professor, Department of History, Philosophy and Sociology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Doctor of Culturology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Для цитирования:

Кiryukhina E.M. Трансформация образа Средневековья в иллюстрациях Алана Ли к «Хоббиту» Дж. Р. Р. Толкина // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 145–156.

For citation:

Kiryukhina E.M. Transformation of the Image of the Middle Ages in Alan Lee's Illustrations to "The Hobbit" by J.R.R. Tolkien // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 145–156.

МИФЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ

УДК 81

МИФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ И УЧАСТНИКОВ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Кузина Ольга Андреевна

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена анализу лингвистических средств конструирования мифических образов событий и участников цветных революций в англоязычных средствах массовой информации. Посредством лингвистического анализа практического материала с применением методов контекстологического, семантического анализа и анализа словарных дефиниций было выявлено, что в медиатекстах Великобритании и США на тему цветных революций в разных странах создаются следующие универсальные мифические образы: массовый всенародный протест, авторитарный коррумпированный лидер, смена власти как победа народа и начало новой эпохи в жизни страны. Продемонстрировано использование в прессе идентичных лексических средств, стилистических приемов и синтаксических конструкций при описании событий в разных государствах. Сделан вывод о целенаправленном использовании средств языка для последовательного конструирования определенных мифических оценочных образов событий и участников цветных революций с целью оказания идеологического воздействия на англоязычную аудиторию и убеждения ее в правильности государственной политики. Полученные результаты могут способствовать более глубокому пониманию механизмов манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: цветная революция; медиатекст; образ; мифическая репрезентация; Украина

MYTHICAL REPRESENTATION OF EVENTS OF COLOUR REVOLUTIONS AND THEIR PARTICIPANTS IN THE ENGLISH PRESS

Kuzina Olga Andreevna

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Abstract

The article attempts to analyse linguistic means of constructing mythical images of events and participants of Colour revolutions in the English-language mass media. With the help of linguistic analysis of practical material applying the methods of contextological, semantic analysis and analysis of dictionary definitions it has been found out that in the media texts of Great Britain and the USA devoted to the events of Colour revolutions in different countries identical mythical images are created: mass whole-nation protest, authoritarian corrupt leader, change of political regime as the victory of ordinary people and the beginning of the new epoch in the history of the country. The application of similar lexical units, syntactic constructions and stylistic devices in portraying revolutionary events in various states is pointed out. The author

makes the conclusion about intentional selection and application of linguistic means for consistent construction of certain mythical evaluative images of Colour revolution events and their participants with the aim to influence English-speaking communities and persuade them that their state policy is correct. The obtained results may contribute to deeper understanding of mechanisms of mass consciousness manipulation.

Key words: Colour revolution; media text; image; mythical representation; Ukraine

Введение

В конце XX – начале XXI века мы стали свидетелями новой модели смены правящих режимов в ряде стран мира, когда изменение политического руководства страны происходило не конституционным путём, а становилось результатом протестного движения и силового захвата власти. Данный процесс смены политической верхушки стал позднее именоваться цветной революцией и оказался в фокусе исследований, предпринимаемых представителями различных наук.

Литературный обзор

На сегодняшний день нет единого четкого определения цветной революции, как и существенно различается список стран, в которых произошедшие политические протесты и/или смены режимов считаются цветными революциями. Обусловлено это отсутствием единой концепции изучения цветных революций. Во-первых, сам термин «цветная революция» не является универсальным. Ученые, изучающие данный феномен, не всегда применяют именно это название для обозначения произошедших политических изменений. Некоторые (например, В.И. Сальников [Сальников 2011]) считают подобные события особой разновидностью классической революции, другие (например, К.П. Курылев [Курылев 2014]) рассматривают такие политические изменения как государственные или военные перевороты, часть учёных (К.Г. Ильинова [Ильинова 2014], Ю.В. Черныш [Черныш 2008], М.М. Ашрафи [Ашрафи 2014] и др.) предпочитают называть данные события бархатными революциями. Во-вторых, исследователи указывают разные характерные черты данного феномена, в связи с чем, события в отдельных странах одними учеными включаются в перечень цветных революций, а другими не считаются таковыми. Это частично связано и с проблемой номинации подобных событий, обозначенной выше. В-третьих, цветная революция является очень многоаспектным феноменом, требующим системных междисциплинарных исследований с привлечением историков, политологов, политтехнологов, психологов, социологов, философов, филологов, журналистов, что на сегодняшний день не нашло своей реализации (в имеющейся литературе на тему цветных революций преобладают узкоспециализированные научные исследования, чаще всего, политологические и исторические (А.Д. Арямова [Арямова 2016], В. Банс [Банс 2016], В.А. Барсамов [Барсамов 2006], С.Э. Билюга [Билюга 2017], К.С. Бобринёв [Бобринёв 2018], А.Э. Гапич и Д.А. Лушников [Гапич, Лушников 2014], Б.А. Исаев [Исаев 2014], М. Линкольн [linkoln 2016], М. Макфол [Макфол 2016], А.,О. Наумов [Наумов 2016], О.Г. Новиков [Новиков 2018], Д.М. Юсупова–Фарзалиева [Юсупова–Фарзалиева 2012])).

В рамках данной работы предпринимается попытка обозначить контуры лингвистического подхода к изучению цветных революций посредством исследования вербальной репрезентации событий такого рода в текстах СМИ Великобритании и США. Обозначенный подход представляется продуктивным ввиду нескольких факторов. Во-первых, на сегодняшний день имеется достаточно большое количество работ, посвящённых лингвистическим техникам

манипулирования сознанием, ведению информационно-психологических войн и воздействию на массовое сознание, однако такие исследования в практической части в основном обращаются к медийному образу отдельного политика или государства. В рамках данной работы изучаются универсальные лингвистические способы репрезентации в англоязычной прессе одного типа политического события, но в разных странах. Подобный анализ поможет выявить универсальные способы вербализации западных идеологических установок в массмедиа, и, как следствие, особенности воздействия на массового адресата.

Во-вторых, сегодня все большее значение приобретает не только военно-техническая конкуренция Запада и России в сфере вооружения, но и соперничество медийных технологий воздействия на аудиторию. Все чаще в политических и научных кругах звучат словосочетания «информационная война», «информационное противоборство», «медийная война», «гибридная война», «информационно-психологическая война» и подобные им. Как справедливо отмечает А.А. Сорокин: «Политический процесс в условиях современного информационного общества невозможно рассматривать вне влияния технологий манипуляции сознанием на политическую активность широких масс населения» [Сорокин 2014]. Техники ведения информационных войн и способы противодействия информационно-психологическим атакам противоборствующей стороны стали изучаться на массовом научном уровне. В подтверждение важности данного направления можно привести пример того, что в МГУ им. Ломоносова уже второй год работает магистерская программа «Информационные и гибридные войны», в рамках которой готовят специалистов, способных разрабатывать, планировать и реализовывать операции по противодействию информационной, гибридной войне и цветным революциям [Факультет политологии ...]. Помимо этого стоит отметить, что в рамках научно-деловой программы международного военно-технического форума «Армия-2023» заявлена конференция по ментальной безопасности, где будут рассмотрены вопросы ментальных войн, информационной и психологической безопасности индивида и общества [Международный военно-технический ...]. Таким образом, целенаправленное конструирование образов событий и участников цветных революций, создаваемых в западной англоязычной прессе, можно считать частью ведения информационной кампании с целью пропаганды западного видения миропорядка и мироустройства и решения геополитических задач Великобритании и США. Современная пропаганда, по замечанию Эдварда Бернейса, представляет собой «скрытое воздействие на аудиторию, проявляющееся в последовательной, достаточно продолжительной деятельности, направленной на создание информационного оформления различных событий с целью влияния на отношение масс к предприятию, идее или группе» [Бернейс 2010]. Задача пропаганды состоит в том, чтобы создать «нужные» образы в сознании аудитории, которые будут влиять на чувства, мнения и поведение, однако воздействие осуществляется скрыто: с помощью лингвистических триггеров процесс воображения (создания образов) как бы пускается в нужное русло. Следовательно, изучение языковых способов выстраивания идеологически «правильного» образа в западных медийных текстах как средства убеждения аудитории в правильности политического курса страны видится актуальным.

Материалом исследования послужили 83 статьи с официальных сайтов ведущих британских и американских ежедневных газет («The Times», «The Daily Telegraph», «The Guardian», «The Washington Post», «The New York Times»),

считающихся достоверными источниками информации о ключевых событиях в разных странах мира, так называемая «качественная пресса». Исследовались медиаматериалы, посвященные революциям на Украине (2013-14 гг.), в Египте (2011 г.), Киргизии (2010 г.), Тунисе (2010-2011 гг.), Армении (2018 г.). т.е. те события которые общепринято считаются цветными революциями.

Результаты и обсуждение

В данной работе термин «цветная революция» мы будем считать «зонтичным термином» [Теория и методика ... 2016: 13], покрывающим ряд общественно-политических феноменов, представляющих собой массовые ненасильственные акции протеста, координируемые и финансируемые из-за рубежа, которые являются попыткой или приводят к смене правящего режима в определённой стране. Цепочка событий, происходящих в рамках цветных революций в разных государствах, имеет ряд различий, однако основные процессуальные этапы совпадают. Имеющиеся различия, как видится, объясняются уровнем экономического и культурного развития страны, политической стабильности, религиозными особенностями, историческими предпосылками.

Рассмотрим характерные черты цветных революций.

Ядро технологии цветных революций — это так называемая «ненасильственная борьба» [Сорокин 2014]. Реализуется эта борьба с помощью организации массовых протестов. Поскольку для того, чтобы люди вышли на улицы, должен быть повод, революции начинаются тогда, когда государство испытывает определенные трудности (глубокий экономический кризис, этнические или религиозные противоречия и т.д.) или проходит через важные политические события (президентские или парламентские выборы). Как отмечает А.В. Манойло, в такой момент при посредничестве запада происходит организация по шаблону молодёжного протестного движения, преобразование его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти качестве инструмента политического шантажа [Манойло 2014].

На фоне этого разворачивается критика старой власти, выдвигаются новые политические лозунги и идеалы, возникают новые политические лидеры, формируется оппозиция или укрепляется уже имеющаяся. Все действия разворачиваются вокруг дихотомии «друг-враг». Врагом, как правило, становится действующая власть, и соответственно, все действия направляются на борьбу с ней, на ее свержение. Происходит переоценка ценностей: то, что считалось обычным укладом жизни, становится плохим, а некая иная, идеализированная модель видения мира начинает расцениваться как хорошая, к которой надо стремиться, за которую необходимо бороться. Выражается это часто в переименовании улиц, сносе памятников, уничтожении литературы и т.д. Дж. Шарп указывает, что ‘цветные революции’ происходят в странах, изначально не ориентированных на Запад, под лозунгом борьбы с диктатурой и за демократию [Sharp, Bernal 2013]. Схожее мнение выражает А.В. Манойло: «В основе технологического сценария цветной революции лежит англосаксонская (североамериканская) идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов и ценностей в сопредельные страны [Манойло 2014].

Интересную мысль высказывает З.В. Вердиханова, считая цветные революции невоенным проявлением преэмптивной войны. Концепция «преэмптивной войны» была описана в «Национальной стратегии обеспечения

безопасности США», принятой Дж. Бушем младшим в сентябре 2002 года [Вердыханова 2014]. Суть доктрины состоит в праве США нанести опережающий удар по режиму, представляющему потенциальную угрозу безопасности государства путём военного вмешательства (как было осуществлено в случае с Ираком и Ливией), смены режима и «несговорчивого» лидера (например, Украина, Грузия, Египет), захвата национального суверенитета построения новой нации [Крупнов 2003]. Ученые Института им. Е.М. Примакова, занимающиеся исследованием технологий цветных революций, также указывают, что цветные революции используются США для смены режимов и необходимой корректировки политического курса периферийных стран [Лапкин, Пантин 2014].

Из выше сказанного следует, что одной из черт цветных революций является борьба с режимом, который будет считаться деспотичным, диктаторским и установление новой власти, которая будет позиционироваться как демократическая. Помимо этого, в процессе цветной революции неизменно произойдёт смена идеологии, базовых ценностей общества, его геополитической ориентации на Запад. Следовательно, ещё одной чертой цветных революций является своеобразное перерождение нации, т.е. создание «нового народа» с новыми взглядами и ценностями.

Подытожив выше сказанное, выделим следующие характерные черты, выделяющиеся в подавляющем большинстве цветных революций, которые будут важны для дальнейшего анализа конструирования образа цветной революции в западной прессе: начинаются в момент кризиса или важного политического события, проходят в виде массовых большей частью мирных акций протеста, позиционируют действующую власть как деспотичную, диктаторскую, от которой надо избавиться, сопровождаются переоценкой ценностей и сменой идеологических и геополитических ориентиров (на так называемые демократические, прозападные), в случае успешного свержения действующей власти позиционируются как рождение более лучшего, «нового» народа.

Как было указано выше, цветные революции происходят при поддержке западных стран (Великобритании и США). Помимо организации самой революции в чужой стране, одной из задач политического руководства Англии и Америки становится продвижение среди своей аудитории идеи о необходимости политических изменений в стране, где происходят события, и создание положительного образа этих событий. Так западная правящая элита обеспечивает поддержку населением своего политического курса.

Трансляторами 'правильной' точки зрения на ту или иную цветную революцию становятся ведущие англоязычные массмедиа. Массовому адресату преподносится мифологизированная картина событий, которая создается сначала посредством отбора фактической информации, а затем ее лингвистическим оформлением, в итоге выстраиваются образы событий и их участников с заданной оценкой. В медиатекстах на тему цветных революций выделяется ряд ключевых посылов, идеологических лейтмотивов, повторяющихся в рамках всего повествования об отдельной цветной революции, предъясняясь в разном лингвистическом оформлении. Они функционируют как установки-инструкции, ориентируя аудиторию, как надо оценивать объект или явление.

Рассмотрим на примерах, взятых из новостных статей с сайтов ведущих периодических изданий Великобритании и США, какие мифологизированные образы событий и участников цветных революций создавались в западной прессе.

Отметим, что в статьях британской и американской прессы на тему цветных революций были выявлены следующие типизированные образы: люди, недовольные политикой президента; президент – автократ, злоупотребляющий полномочиями, правление которого привело к ухудшению экономической обстановки в стране; массовые мирные протесты, объединяющие все слои населения; попытка правительства разогнать протестующих силой; победа народа и смена правящего режима. Исходя из этого можно сформулировать следующие идеологические послы, транслируемые в текстах СМИ: Причина протестов – неверная политика президента; Революция – это всенародный протест; Революция – это массовый протест; Действующий лидер – жестокий тиран; Действующий лидер – коррупционер; Уход президента – это победа народа; Победа протестующих – это начало новой эры для страны.

Приведем ряд примеров и рассмотрим некоторые из приведённых выше идеологических послы, демонстрируя при этом, что при описании событий в разных странах часто используются идентичные синтаксические конструкции, а иногда и одинаковый лексический инвентарь. После каждого примера в скобках указана страна, где происходили события.

1. Изображение протеста как массового, всенародного

При описании характерных черт цветных революций мы указывали, что события начинаются с организованного молодёжного протеста, который выдвигает определенные лозунги. В зарубежной прессе, однако, создаётся образ всенародного протеста:

1. *The protests have drawn Egyptians from all walks of life, many of whom have never participated in demonstrations and feel they need to voice their opinion (Egypt) [6].*

2. *Three months ago, Ukrainians from all walks of life took to the streets to protest that President Yanukovich was turning his back on membership of the European Union (Ukraine) [10].*

3. *The crowd included the young and old, parents carrying small children on their shoulders and students who occasionally chanted the names of their schools as they marched (Ukraine) [21].*

4. *But thousands of protesters, young and old, men and women, Christian and Muslim, all sectors of Egyptian society, eventually found their way to Tahrir Square (Egypt) [6].*

В примерах 1-2 использована фраза *Ukrainians/Egyptians from all walks of life*, в составе которой обобщающее местоимение-прилагательное *all* добавляет семантический компонент множественности значению идиомы *walks of life* (*a range or sphere of activity, a person's job or position in society* [CED]), объединяя таким образом в рядах протестующих людей все профессий и сфер деятельности.

В примерах 3-4 мы видим фразеологическую единицу *young and old* (*people of all ages; everyone* [OALD]), подчеркивающую присутствие людей всех возрастов. Кроме того, оба предложения содержат перечисление с параллельными конструкциями через *and*: *Christian and Muslim, men and women, parents and students*, акцентируя внимание не только на возрастных группах, но и на вероисповедании, половой принадлежности, роде деятельности. Так авторам статей удается создать впечатление, что противоположные по своим интересам группы объединились ради общей цели.

В дополнение к мифическому образу всеобщего протеста, конструируется представление о его массовости:

5. ***Hundreds of thousands of anti-government protesters** streamed into the central square of Ukraine's capital today ... (Ukraine) [12]*
6. ***Hundreds of thousands of people** packed into Tahrir Square waving flags, holding up hastily written signs declaring victory, and embracing soldiers (Egypt) [11].*
7. ***Tens of thousands of protesters** had gathered in the city's Republic Square at the weekend in one of the country's largest demonstrations in years (Armenia) [3].*
8. *This year, **millions of Egyptians** fought for 18 days against their ageing tyrant, braving the police troops firing teargas, rubber bullets and live ammunition (Egypt) [6].*

В примерах 5-8 использованы округленные числительные во множественном числе в качестве подлежащего (*tens of thousands, hundreds of thousands, millions*), что акцентирует внимание на количестве и создают впечатление очень многочисленных протестных выступлений. Помимо таких округленных числительных в текстах новостных статей отсутствуют какие-либо более конкретные цифры, что может свидетельствовать о применении обобщенных данных с целью манипуляции для оказания воздействия на читателя.

Мифический образ массового протеста выстраивается также с помощью метафор, изображающих толпу людей как поток:

9. ***Thousands of Ukrainians** have begun pouring into Kiev from **across the country** ... (Ukraine) [16]*
10. *Protest organisers were discussing how to ratchet up the pressure with civil disobedience and mass strikes while **hundreds of thousands of people**, like Hassan, **poured in to the square** (Egypt) [19].*
11. *The future of Europe's second-biggest country was hanging in the balance last night as **hundreds of thousands of people flooded cities across Ukraine** ... (Ukraine) [18]*
12. *Over the past few days, **demonstrators have surged through** the streets of the **Ukrainian capital** ... (Ukraine) [24]*
13. ***Protesters surged forwards again and again** in the face of attacks, at one point causing hundreds of police to flee leaving riot shields, helmets and barricades in their wake, which were soon commandeered by demonstrators (Egypt)[5].*
14. *What's more important now is to stop the violence and the crazy rage of the **crowd that spilled over on the streets and squares of Bishkek and other cities** (Kyrgyzstan) [14].*
15. *When some of the young men among the hundreds of thousands packed in to Tahrir Square grew belligerent at the army's attempts to prevent **the protest spilling beyond the barricades**, others calmed them with pleas that non-violence was their most powerful weapon (Egypt)[19].*
16. ***Anger spills on to streets** after Nikol Pashinyan fails to win backing of ruling party. (Armenia) [17].*

В примерах 9-16 мы видим глаголы, описывающие движение воды: *pour (to move with a continuous flow [OALD])*, *flood (to fill or be filled to overflowing [OALD])*, *surge (to move like a heavy sea [OALD])*, *spill ((especially of liquid) to flow over the edge of a container by accident [OALD])*. Однако использованы эти лексемы для описания толпы людей: народ нескончаемым потоком стекается в какое-то определенное место и переполняет его. Выстраивается метафора «Толпа людей – это поток». Основой метафорического переноса служат семантические признаки, доминирующие в лексемах, – семы движения и большого количества. Подобный

образ потока должен создать у читателя впечатление огромного количества протестующего народа, могущественного людского потока, который может хлынуть и снести все на своем пути.

В 9 и 11 примерах употреблен еще предлог *across* (*in every part of a place, group of people, etc.* [OADL]), который позволяет увеличить масштаб протестов, переводя их из ранга локальных (только в столице) во всенародные (по всей стране).

В 16 примере помимо метафоры использована метонимия: подлежащим сделано абстрактное существительное *anger*, которое позволяет масштабировать не только сами протесты, но и эмоции людей.

Таким образом, западная пресса целенаправленно создаёт мифологизированный образ массового, всенародного протеста, где люди всех возрастов, профессий, религий в едином порыве выходят на площади крупных городов с требованиями отставки власти. Западной аудитории предъявляется такая мифическая картина происходящего, чтобы население англоязычных стран поддержало кампанию правящей элиты по поддержке протестующих.

2. Изображение действующего политического лидера как тирана, диктатора

17. *Kyrgyzstan was once the most progressive country in central Asia – a relative comparison given the region is run by democracy-averse presidents. In recent years it has moved towards authoritarianism. There has been increasing pressure on the media and fabricated cases against opposition leader(Kyrgyzstan) [15].*

18. *In political terms, the first demand relates to dismantling the authoritarian regime and installing democracy in Egypt. This means breaking down a culture of corruption emodied in the ruling NDP party, and restructuring the state security police to focus on criminal activities rather than meddle with the political process in defence of the status quo (Egypt) [7].*

19. *There is no part of Egypt that is not suffering from the corruption of that dying old regime (Egypt) [6].*

20. *At a polling station in the centre of the capital, Yerevan, voters expressed optimism about the political change promised by Pashinyan and vented their anger at corrupt former officials (Armenia) [2].*

21. *Pashinyan came to power in Armenia in May after weeks of mass protests against corruption and cronyism (Armenia) [1].*

22. *Opposition supporters have criticised 63-year-old Sarkysyan over **poverty, corruption and the influence of powerful oligarchs** in the landlocked South Caucasus nation of 2.9 million people (Armenia) [3].*

23. *At a more visceral level, the routine and growing presence of torture and corruption became the common enemy that bound protesters together across classes (Egypt) [23].*

24. *In essence people were simply fed up with the regime, and with its **repressive, tyrannical and abusive ways** (Kyrgyzstan) [13].*

25. *This year, millions of Egyptians fought for 18 days against their **ageing tyrant**, braving the police troops firing teargas, rubber bullets and live ammunition (Egypt) [9].*

Все употребляемые в примерах лексемы (*tyrant/tyrannical* (*tyrant - a ruler who has unlimited power over other people, and uses it unfairly and cruelly* [CED]), *authoritarianism/authoritarian* (*A style of government in which the rulers demand unquestioning obedience from the ruled* [OALD]), *corruption/corrupt* (*dishonest or*

illegal behaviour involving a person in a position of power, for example, accepting money for doing something illegal or immoral [CED], cronyism (the situation in which someone important gives jobs to friends rather than to independent people who have the necessary skills and experience [CED] отрицательно характеризуют действующую власть, поскольку в них выделяются семы жестокости, несправедливости, незаконности действий лидера по отношению к народу. Помимо употребления номинаций с отрицательной коннотацией практически в каждом примере присутствуют лексемы или словосочетания, усиливающие негативную коннотацию всего высказывания. В примере 17 добавлено второе предложение (*There has been increasing pressure on the media and fabricated cases against opposition leaders.*), в котором перечислены действия авторитарного правителя – давление на средства массовой информации (т.е. ограничение свободы слова и прессы) и сфабрикованные уголовные дела против лидеров оппозиции (т.е. нарушение закона и предъявление вымышленных обвинений оппозиционным политикам, чтобы избавиться от политических конкурентов). В 18 примере выстроена антитеза. Автором статьи поясняются требования протестующих, и выражается это противопоставлением действующего авторитарного режима демократии, за которую люди борются.

Во всех примерах (18-23), где присутствуют лексемы *corrupt/corruption*, эти отрицательные характеристики связаны с действующей властью: *corruption embodied in the ruling party (18)*, *corruption of that dying old regime (19)*, *corrupt former officials, corruption of powerful oligarchs (22)*, *growing presence of corruption (23)*. Собираемые существительные (*ruling party, old regime*) и лексемы во множественном числе (*former officials, oligarchs*) распространяют признак коррумпированности на всю политическую элиту, находящуюся у власти. Глаголы и глагольные словосочетания, употребляемые в предложениях, показывают, что протесты как раз и вызваны коррумпированностью власти: люди страдают от коррупции (*suffer from (19)*), высказывают недовольство по поводу ее масштабов (*vent their anger (20)*), протестуют против нее (*protest (21)*), критикуют лидера за его коррумпированность (*criticize (22)*), считают коррупцию общим врагом, который и смог объединить людей на борьбу (*became the common enemy that bound protesters together (23)*), считают, что с ней надо бороться и в итоге разрушить систему, построенную на коррупции (*breaking down (18)*).

В примерах присутствуют и другие лексемы, отрицательно характеризующие условия жизни в стране и поведение действующей власти: *poverty (22) (the state of being poor [OALD])*, *torture (23) (the act of causing somebody severe pain in order to punish them or make them say or do something [OALD])*, *repressive (24) (controlling people by force and limiting their freedom [OALD])*, *abusive (24) (involving violence [OALD])*. Мы видим, что население живет в бедности, в государстве применяются пытки, ограничиваются права и свободы людей.

Примеры описывают лидеров разных государств, но, как мы видим из разобранных примеров, образ действующей власти во всех странах в западном медиадискурсе идентичен: лидер страны обвиняется в одних и тех же проблемах и его образ выстроен как отрицательный. Хороший лидер страны в сознании западного адресата должен быть честным, демократическим, уважать свой народ и его свободу, заботиться о благосостоянии людей, а не о собственной выгоде. Коррумпированные авторитарные лидеры западным сообществом осуждаются и, соответственно, англоязычная аудитория встаёт на сторону протестующих,

борющихся за свои права и за лучшие условия жизни, поддерживая свои западные политические элиты в их стремлении сменить неугодный режим. Таким образом в западной прессе происходит демонизация неугодного лидера в стране, где идут протестные движения, и создаётся оправдание поддержки протестующих. Посредством целенаправленного конструирования положительного образа протестующих и отрицательного образа действующей власти осуществляется 'перезагрузка' базовой оппозиции 'свой-чужой': 'своим' становится народ, а 'чужим' – политический лидер.

3. Изображение смены власти как победы народа

Когда цветная революция достигает своей цели и происходит смена политического режима, зарубежная пресса преподносит это событие таким образом, будто народ сам всего добился без какой-либо организации и помощи со стороны:

26. *People power has prevailed in Ukraine. It has emptied Kiev's streets of the riot police who had battled protesters since November, galvanized the Ukrainian parliament into a burst of decisive activity, swept President Viktor Yanukovich not only from office but from the capital itself (Ukraine) [22].*

27. *Tunisia's president has fled his country after weeks of mass protests culminated in a victory for people power over one of the Arab world's most repressive regimes (Tunisia) [25].*

28. *For whatever happens next, Egypt's mobilisation will remain a revolution of world-historical significance because its actors have repeatedly demonstrated an extraordinary capacity to defy the bounds of political possibility, and to do this on the basis of their own enthusiasm and commitment. They have arranged mass protests in the absence of any formal organisation, and have sustained them in the face of murderous intimidation. In a single, decisive afternoon they overcame Mubarak's riot police and have since held their ground against his informers and thugs. They have resisted all attempts to misrepresent or criminalise their mobilisation. They have expanded their ranks to include millions of people from almost every sector of society. They have invented unprecedented forms of mass association and assembly, in which they can debate far-reaching questions about popular sovereignty, class polarisation and social justice (Egypt) [8].*

29. *The popular revolt in Kyrgyzstan that toppled Bakiyev two days ago was so sudden and ferocious that nobody has had a chance to give it a name yet (Kyrgyzstan) [13].*

Цитаты 26-27 содержат одинаковое словосочетание *people power*, с помощью которого народ гиперболизировано представлен как всемогущий, который единолично, самостоятельно справился со всеми проблемами. В примере 26 такой образ создан с помощью первого краткого простого предложения, где подлежащее *power (political control of a country or an area [OALD])* подразумевает контроль над всеми сферами жизни страны и сочетается со сказуемым *prevail (to defeat an opponent, especially after a struggle or an argument [OALD])*, обозначая победу в борьбе. В начале предложения стоит слово *people*, чтобы выделить, что именно народ вышел победителем, настоящим героем. Образ народа-героя актуализируется также вторым предложением с параллельными конструкциями и перечислением того, что удалось сделать протестующим: убрать с улиц милицию, подтолкнуть парламент к принятию нужных решений и сместить В. Януковича. Все использованные глаголы *to empty (to remove the content; to make empty [OADL])*, *to*

galvanize (to make sb take action by shocking them or by making them excited [OADL]), to sweep (to move or push sb/sth suddenly and with a lot of force [OADL]) содержат общую сему воздействия, т.е. народ оказал влияние на все органы власти и добился желаемого результата. Подобное представление событий переставляет акценты, опуская информацию об участии оппозиционных политиков и посредничестве переговорщиков от ЕС и России и помещая в фокус внимания народ.

В примере 27 наблюдается схожая модель построения образа всемогущего народа. Слово сочетание *people power* сочетается с лексемой *victory (a success in a struggle, war, or competition [CD])* в препозиции, что подчеркивает победу народа. Помимо этого, с помощью прилагательного с отрицательной коннотацией с превосходной степени указано, что победа одержана над одним из самых жестких режимов (*over one of the Arab world's most repressive regimes*).

Пример 28 похож на пример 26 по синтаксической организации. Он содержит пять предложений с параллельными конструкциями и перечислением и описывает схожие действия протестующих: организовали протесты, выдержали напор полиции, вобрали в себя представителей всех слоев общества и др., что и позволило им достичь своих целей.

В примере 29 утверждается, что президент был смещен народным восстанием. Выражено это при помощи атрибутивного словосочетания *popular revolt* в функции подлежащего. Прилагательное *popular* согласно Collins Dictionary *'is used to describe political activities which involve the ordinary people of a country, and not members of political parties'* [CD]. Следовательно, с помощью этого прилагательного подчеркивается, что именно народный протест стал причиной ухода политика с должности. Уход президента описан лексемой *topple (removal (of a government or person in authority) from power [OADL])*, которая имеют семантический признак принудительного устранения от власти. Таким образом, актуализируется представление о том, что именно народ заставил президента уйти.

Смена власти в стране позиционируется в западной прессе не только как победа народа, но и как начало новой эры в истории государства, где все плохое остается в прошлом и народ начинает строить новое демократическое будущее.

30. *After the long years of oppression – of being unable to speak freely, of struggling to make an honest living amid a tangle of corruption and bribery – Tunisians are undoubtedly revelling in the rosy dawn of a new, liberated nation (Tunisia) [20].*

31. *Hosni Mubarak resigns – and Egypt celebrates a new dawn. The way these spontaneous demonstrations took place and maintained a unity of demands, despite the blackout on mobile communication and stoppage of internet service, proves that **a new collective conscience has been born in Egypt**. In fact, Egypt itself has in these last few days been reborn (Egypt) [11].*

32. *The resumption of protests, which have crippled downtown Yerevan and have brought the government to the brink of collapse, could **transform this Caucasus nation** (Armenia) [4].*

В примерах 30-32 свержение президента позиционируется как начало новой эры для страны, как трансформация всего народа, рождение «новой нации». В примерах 30-31 использована лексема *dawn* в своем переносном значении – *the beginning or first signs of something [OALD]*. Лексема имеет положительную коннотацию, поскольку переносное значение основано на прямом – заря как начало нового дня (*the time of day when light first appears [OALD]*), т.е. нечто светлое после темной ночи, дающее надежду на новый день. Лексема *dawn* в обоих примерах

усилена прилагательными. В 30 примере это слово *rosy* (*likely to be good or successful, hopeful* [OALD]), содержащее сему успешности, положительного качества, а в 31 – слово *new* (в значении *different from the previous one* [OALD]), подчеркивающее новизну, отличие от предыдущего режима. В примере 31 также использован прием повторения ключевых слов в параллельных конструкциях: *new dawn – new consciousness*. Второе употребление прилагательного *new* связано со словосочетанием *collective conscience* и глаголом *bear* во временной форме Present Perfect passive. Так начало новой страницы в истории страны связывается с рождением нового национального самосознания. В следующем предложении этого примера употреблена также однокоренная форма глагола *bear* – *reborn*. Подлежащим в предложении служил имя собственное *Egypt*. Таким образом, с помощью комбинации этих двух слов выстраивается метонимия и создается образ коренного изменения мышления населения всего Египта. Весь пример 31 несет посыл западной аудитории о том, что в Египте не только поменялась политическая ситуация, но и само население страны также претерпело внутренние изменения.

В примере 32 мы видим глагольное словосочетание *transform the nation*. В глаголе *transform* (*to completely change the appearance or character of something/somebody, especially so that it is better* [OALD]) заложено значение перемен к лучшему, следовательно, идея, которую автор публикации вкладывает в сообщение, схожа с теми, что вербализованы в 30-31 примерах: смена власти в результате народных протестов – это событие, которое коренным образом меняет все мировосприятие народа и его будущее.

Таким образом, в англоязычной прессе наблюдается выстраивания мифа о всемогуществе народа (что, безусловно, коррелирует с представлением западной аудитории о демократическом устройстве государства как самом лучшем типе правления): народ объединяется и свергает неудобную власть, разрушая автократический режим и начиная строить новое светлое демократическое будущее, т.е. меняется самосознание народа и рождается новая демократическая нация.

Заключение

Феномен цветных революций на сегодняшний день требует дальнейшего изучения с точки зрения управления массовым сознанием, как массовым сознанием толпы людей в стране, где события происходят, так и массовым сознанием аудитории англоязычных стран, которые воспринимают происходящее через СМИ. Анализ практического материала позволяет констатировать, что медиаресурсы Великобритании и США при описании событий цветных революций в разных странах используют идентичные языковые средства и способы воздействия для создания определенного мифологизированного идеологически «правильного» образа происходящего. Таким образом, СМИ транслируют заданные идеологические установки, склоняя аудиторию к определённой оценке событий и поддержке государственного курса.

Посредством анализа примеров из англоязычных СМИ на тему разных цветных революций продемонстрировано, что в медиатекстах целенаправленно выстраивались мифические образы массовых протестов борющихся против деспотичных, правителей; смена власти представлялась результатом народных выступлений и репрезентировалась как изменения к лучшему. В описании всех цветных революций прослеживался один и тот же мифический нарратив: народ, недовольный политикой авторитарного, злоупотребляющего полномочиями

правителя, выходит на улицы и своей самоотверженной борьбой добивается ухода политика в отставку. Создавая такое представление событий в сознании англоязычного читателя, западная элита стремится склонить аудиторию к поддержке протестующих и одобрению их действий, а следовательно, одобрению политики западных стран по оказанию финансовой и политической помощи протестующим в этих странах.

Литература

Арямова А.Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2016. 34 с.

Аширафи М.М. Проблемы и перспективы развития бархатной революции в процессе изменяющегося мира: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Душанбе, 2014. 149 с.

Банс В. «Цветные революции» через выборы: почему они произошли и кто следующий? // Институт общественного проектирования. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inor.ru/reading/Bunce/> (дата обращения: 12.06.2023).

Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Социс. 2006. № 8. С. 57–66.

Бернейс Э. Пропаганда. Пер. с англ. - И. Ющенко. Москва: Hippo Publishing, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://propagandahistory.ru/books/Edvard-Berneys_Propaganda/3a (дата обращения: 08.06.2023).

Билюга С.Э. Цветные революции: понятие, особенности, условия и факторы // Информационные войны. 2017. № 4 (44). С. 25–30.

Бобринёв К.С. «Цветная революция», как инструмент внешней политики США // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 2 (19). С. 56–65.

Вердиханова З. В. Структурные и процессуальные характеристики феномена «Цветных революций» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. №2 (30). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-protseessualnye-harakteristiki-fenomena-tsvetnyh-revoljutsiy> (дата обращения: 08.06.2023).

Ганич А.Э., Лушников Д.А. Технологии «цветных революций». Москва: РИОР, 2014. 662 с.

Гусейнов А.А. 198 методов ненасильственных действий // Философские науки. 1991. № 12. С. 33–40.

Ильинова К.Г. «Бархатные революции» как политические технологии: зарубежный опыт // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 1. С: 98–108.

Исаев Б.А. Причины цветных революций // Конфликтология. 2014. № 5. С. 412–415.

Крупнов Ю.В. Презэмптивная война // Национальная безопасность и геополитика России. 2003. № 7–8. С. 185–188.

Курылев К.П. Украинский кризис 2013–2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25–38.

Лапкин В.В., Пантин В.И. Внутриполитические процессы в России и на Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014–2020 гг.

Москва: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_025.pdf (дата обращения: 08.06.2023).

Макфол М. Я знаю, что такое цветная революция. Я знаю, кто это делает // Информационно – аналитическая служба «Русская народная линия». 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/14/majkl_makfol_ua_znayu_chno_takoe_cvetnaya_revolyuciya_ua_znayu_kto_eto_delaet/ (дата обращения: 28.05.2023).

Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО. 2014. №6 (39). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-faktor-tsvetnyh-revoljutsiy-i-sovremennyh-tehnologiy-demontazha-politicheskih-rezhimov> (дата обращения: 08.06.2023).

Международный военно-технический форум «АРМИЯ-2023» [Электронный ресурс]. URL: <https://rusarmyexpo.ru/army2023/mediacenter/news/newsexpo/43714.html> (дата обращения: 08.06.2023).

Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. Москва: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 219 с.

Новиков О.Г., Рыжикова Д.А., Высоцкий Р.Н. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 1 (31). С. 41–56.

Сальников В.И. Революционные процессы в политической жизни: динамика развития, проблемы управления: монография. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. 221 с.

Сорокин А.А. «Цветная революция» как технология смены политической власти // Вестні ВДПУ. Серія 2. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74334506.pdf> (дата обращения: 08.06.2023).

Теория и методика лингвистического анализа политического текста: моногр. / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. 308 с.

Факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.msu.ru/abit/master/informationwars> (дата обращения: 08.06.2023).

Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Полит ру. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/26/hale/> (дата обращения: 22.05.2023).

Черныш Ю.В. Технология «бархатных революций» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. №6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-barhatnyh-revoljutsiy> (дата обращения: 08.06.2023).

Юсупова–Фарзалиева Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях : дисс. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2012. 146 с.

Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus. – CALD – [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

Collins Dictionary. [Электронный ресурс]. – CD – URL: <https://www.collinsdictionary.com>

Linkoln M. The color revolutions. University of Pennsylvania Press, 2016. 247 p.

Merriam-Webster Dictionary. – MWD – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com>

Oxford Advanced Learner's Dictionary online. – OALD – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

Sharp G., Bernal J.G. How Nonviolent Struggle Works. East Boston, 2013. 154 p.

Источники практического материала

1. Armenia election: reformist PM Nikol Pashinian wins convincing victory // The Guardian. 10.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/10/armenia-election-reformist-pm-nikol-pashinian-wins-convincing-victory> (дата обращения: 23.05.2023).

2. Armenia votes in snap election called by reformist PM // The Guardian 09.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/09/armenia-votes-in-snap-election-called-by-reformist-pm> (дата обращения: 23.05.2023).

3. Armenian opposition leader detained amid political unrest // The Guardian. 22.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/22/armenia-unrest-opposition-leader-nikol-pashinyan-detained> (дата обращения: 23.05.2023).

4. Armenian protesters take to streets again as talks break down// The Guardian 25.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/25/armenia-calls-for-new-rally-after-talks-on-replacing-prime-minister-halted> (дата обращения: 23.05.2023).

5. Cairo protesters in violent clashes with police // The Guardian. 26.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/25/egypt-protests-mubarak> (дата обращения: 14.05.2023).

6. Egypt protests: 'Something has changed in the Egyptian psyche ' // The Guardian 28.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/28/egypt-protests-frontline-reports-cairo> (дата обращения: 23.05.2023).

7. Egypt: Why 25 January will be a date enshrined in the country's history // The Guardian 05.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/05/egypt-rebirth-of-a-nation> (дата обращения: 23.05.2023).

8. Egypt's popular revolution will change the world // The Guardian 09.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/09/egypt-north-africa-revolution> (дата обращения: 23.05.2023).

9. Egypt's revolution has been 10 years in the making // the Guardian. 02.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/mar/02/egypt-revolution-mubarak-wall-of-fear> (дата обращения: 23.05.2023).

10. Eighteen dead as snipers open fire on Kiev protesters // The Times. 19.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/eighteen-dead-as-snipersopen-fire-on-kiev-protesters-rw6fnks0hs6> (дата обращения: 20.05.2023)

11. Hosni Mubarak resigns – and Egypt celebrates a new dawn // The Guardian. 11.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/11/hosni-mubarak-resigns-egypt-cairo> (дата обращения: 23.05.2023).

12. Huge crowds in central Kiev as EU talks falter // The Times. 15.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/huge-crowds-in-central-kiev-as-eu-talksfalter-2x8dln86lg3> (дата обращения: 11.05.2023).

13. Kyrgyzstan capital bloodied, looted and chaotic after overthrow of Bakiyev // The Guardian 08.04.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-revolt-over-kurmanbek-bakiyev> (дата обращения 23.05.2023).

14. Kyrgyzstan opposition seizes power after day of protests // The Guardian. 08.04.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-opposition-seizes-power> (дата обращения: 14.05.2023).

15. Kyrgyzstan riot police open fire as protesters storm government building // The Guardian 07.04.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/07/kyrgyzstan-protests-17-killed> (дата обращения: 23.05.2023).

16. Protesters and troops converge on Kiev to hold rival mass rallies // The Times. 13.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/protesters-and-troopsconverge-on-kiev-to-hold-rival-mass-rallies-t2nfnqbr9rq> (дата обращения: 11.05.2023).

17. Protests grip Armenian capital after opposition leader's PM bid blocked // The Guardian. 02.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/01/armenian-opposition-leader-nikol-pashinyan-falls-short-in-pm-bid> (дата обращения: 14.05.2023).

18. Revolutionary zeal returns to streets of Ukraine // The Times. 02.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/revolutionary-zeal-returns-to-streets-ofukraine-grzt9sxxk13x> (дата обращения: 23.05.2023).

19. The revolution that has given Egypt new hope, pride and confidence // The Guardian. 13.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/13/tahrir-square-egypt-hosni-mubarak> (дата обращения: 14.05.2023).

20. The slap that sparked a revolution // The Guardian 15.05.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/may/15/arab-spring-tunisia-the-slap> (дата обращения: 23.05.2023).

21. Thousands Demand Resignation of Ukraine Leader // The New York Times. 01.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/02/world/europe/thousandsof-protesters-in-ukraine-demand-leaders-resignation.html> (дата обращения: 11.05.2023).

22. Ukraine MPs appoint interim president as Yanukovich allies dismissed // The Guardian. 23.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/23/ukraine-crisis-interim-president-turchynov-yanukovich-tymoshenko> (дата обращения: 23.05.2023).

23. What caused the revolution in Egypt? // The Guardian. 17.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2011/feb/17/what-caused-egyptian-revolution> (дата обращения: 23.05.2023).

24. With Russia in mind, U.S. takes cautious approach on Ukraine unrest // The Washington Post. 03.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/with-russia-in-mind-us-stays-mostly-mum-on-ukraine-unrest/2013/12/03/52039ff0-5c38-11e3-8d2431c016b976b2_story.html (дата обращения: 11.05.2023).

25. Zine al-Abidine Ben Ali forced to flee Tunisia as protesters claim victory // The Guardian 15.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/14/tunisian-president-flees-country-protests> (дата обращения: 23.05.2023).

Literature

Aryamova A.D. The Role of Color Revolution Technique in Transforming Current Political Regimes: Extended Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2016. 34 p. (In Russian).

Ashrafi M.M. Problems and Perspectives of Developing Velvet Revolution in the Changing World: PhD Thesis. Dushanbe, 2014. 149 p. (In Russian).

Bans V. “Color Revolutions” Through Elections: why did they Happen and Who Will be the Next? // Institute of Social Projection [Electronic Resource]. URL: <http://www.inop.ru/reading/Bunce/> (date of access: 12.06.2023). (In Russian).

Barsamov V.A. “Color Revolutions”: Theoretical and Practical Aspects // Socis. 2006. № 8. Pp. 57–66. (In Russian).

Berneys E. Propaganda. Moscow: Hippo Publishing, 2010. [Electronic Resource]. URL: http://propagandahistory.ru/books/Edvard-Berneys_Propaganda/3a (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

Bilyuga S.E. Color Revolutions: Notion, Peculiarities, Conditions and Factors // Information Wars. 2017. № 4 (44). Pp. 25–30. (In Russian).

Bobrinyov K.S. “Color Revolution” as an Instrument of the USA Politics // Current Scientific Research. 2018. № 2 (19). Pp. 56–65. (In Russian).

Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus. – CALD – [Electronic Resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

Chernysh Yu.V. Technology of “Velvet Revolutions” // University Proceedings. North Caucasus Region. Social Sciences. 2008. №6. [Electronic Resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-barhatnyh-revoljutsiy> (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

Collins Dictionary. [Electronic Resource]. – CD – URL: <https://www.collinsdictionary.com>

Faculty of Political Sciences of MSU. [Electronic Resource]. URL: <https://polit.msu.ru/abit/master/informationwars> (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

Gapich A.E., Lushnikov D.A. Technologies of “Color Revolutions”. Moscow: RIOR Publ., 2014. 662 p. (In Russian).

Gusejnov A.A. 198 Methods of Non-violent Actions // Philosophical Sciences, 1991. № 12. Pp. 33–40. (In Russian).

Hejl G. Presidential Regime, Revolution and Democracy // Polit ru. 2016. [Electronic Resource]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/26/hale/> (date of access: 22.05.2023).

Il'ina K.G. "Velvet Revolutions" as Political Technologies: Foreign Experience // Post-Soviet Issues. 2014. № 1. Pp: 98–108. (In Russian).

International Military-Technical Forum «Army-2023» [Electronic Resource]. URL: <https://rusarmyexpo.ru/army2023/mediacenter/news/newsexpo/43714.html> (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

Isaev B.A. Reasons of Color Revolutions // Conflictology. 2014. № 5. Pp. 412–415. (In Russian).

Krupnov Yu.V. Preemptive War // National Security and Geopolitics of Russia. 2003. № 7–8. Pp. 185–188. (In Russian).

Kurylev K.P. Ukrainian Crisis of 2013–2014 and "Arab Spring" of 2011: Similarities and Differences // News Bulletin of the Russian University of People's Friendship. Foreign Affairs. 2014. № 4. Pp. 25–38. (In Russian).

Lapkin V.V., Pantin V.I. Internal Political Processes in Russia and Ukraine and Perspectives of Russian-Ukrainian Relations in 2014–2020. Moscow: Primakov Institute of World Economy and Foreign Affairs, 2014. [Electronic Resource]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_025.pdf (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

Linkoln M. The color revolutions. University of Pennsylvania Press, 2016. 247 p.

Makfol M. Ya I Know What is Color Revolution. I Know Who Does it // Information and Analytical Service "Russian Popular Line". [Electronic Resource]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/14/majkl_makfol_ya_znayu_chno_takoe_cvetnaya_revolyuciya_ya_znayu_kto_eto_delaet/ (date of access: 28.05.2023). (In Russian).

Manoylo A.V. Information Factor of Colour Revolutions and Modern Techniques of Dismantling Political Regimes // MGIMO Review of International Relations. №6 (39). [Electronic Resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-faktor-tsvetnyh-revoljutsiy-i-sovremennyh-tehnologiy-demontazha-politiche-skih-r-ezhimov> (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

Merriam-Webster Dictionary. – MWD – [Electronic Resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com>

Naumov A.O. "Soft Power", "Color Revolutions" and Technologies of Changing Political Regimes at the Beginning of the 21st Century. Moscow: ARGAMAK-MEDIA Publ., 2016. 219 p. (In Russian).

Novikov O.G., Ryzhikova D.A., Vysockij R.N. Objective and Subjective Causes of Color Revolutions in the 21st Century // Humanitarian Sciences. News bulletin of financial university. 2018. V. 8. № 1 (31). Pp. 41–56. (In Russian).

Oxford Advanced Learner's Dictionary online. – OALD – [Electronic Resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

Sal'nikov V.I. Revolutionary Processes in Political Life: Dynamics of Development, Problems of Management. Voronezh: IPC «Nauchnaya kniga» Publ., 2011. 221 p. (In Russian).

Sharp G., Bernal J.G. How Nonviolent Struggle Works. East Boston, 2013. 154 p.

Sorokin A.A. "Colour Revolution" as a Technology of Political Regime Change // Belarus State Polytechnic University Bulletin. Series 2. 2014. № 1. [Electronic Resource]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74334506.pdf> (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

Theory and Methodology of Analysing Political Texts / A.P. Chudinov ed. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2016. 308 p. (In Russian).

Verdikhanova Z.V. Structural and Procedural Features of the Phenomenon of “Colour Revolutions” // University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2014. №2 (30). [Electronic Resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-protessualnye-harakteristiki-fenomena-tsvetnyh-revolutsiy> (date of access: 08.06.2023). (In Russian).

YUsupova–Farzaliyeva D.M. Information and Communicative Technologies as the Basis of “Color Revolutions” in Modern Meaning: PhD thesis. Pyatigorsk, 2012. 146 p. (In Russian).

Sources of Practical Material

1. Armenia election: reformist PM Nikol Pashinian wins convincing victory // The Guardian. 10.12.2018. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/10/armenia-election-reformist-pm-nikol-pashinian-wins-convincing-victory> (date of access: 23.05.2023).

2. Armenia votes in snap election called by reformist PM // The Guardian 09.12.2018. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/09/armenia-votes-in-snap-election-called-by-reformist-pm> (date of access: 23.05.2023).

3. Armenian opposition leader detained amid political unrest // The Guardian. 22.04.2018. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/22/armenia-unrest-opposition-leader-nikol-pashinyan-detained> (date of access: 23.05.2023).

4. Armenian protesters take to streets again as talks break down// The Guardian 25.05.2018. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/25/armenia-calls-for-new-rally-after-talks-on-replacing-prime-minister-halted> (date of access: 23.05.2023).

5. Cairo protesters in violent clashes with police // The Guardian. 26.01.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/25/egypt-protests-mubarak> (date of access: 14.05.2023).

6. Egypt protests: 'Something has changed in the Egyptian psyche ' // The Guardian 28.01.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/28/egypt-protests-frontline-reports-cairo> (date of access: 23.05.2023).

7. Egypt: Why 25 January will be a date enshrined in the country's history // The Guardian 05.02.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/05/egypt-rebirth-of-a-nation> (date of access: 23.05.2023).

8. Egypt's popular revolution will change the world // The Guardian 09.02.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/09/egypt-north-africa-revolution> (date of access: 23.05.2023).

9. Egypt's revolution has been 10 years in the making // the Guardian. 02.03.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/mar/02/egypt-revolution-mubarak-wall-of-fear> (date of access: 23.05.2023).

10. Eighteen dead as snipers open fire on Kiev protesters // The Times. 19.02.2014. [Electronic Resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/eighteen-dead-as-snipersopen-fire-on-kiev-protesters-rw6fnks0hs6> (date of access:: 20.05.2023)
11. Hosni Mubarak resigns – and Egypt celebrates a new dawn // The Guardian. 11.02.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/11/hosni-mubarak-resigns-egypt-cairo> (date of access: 23.05.2023).
12. Huge crowds in central Kiev as EU talks falter // The Times. 15.12.2013. [Electronic Resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/huge-crowds-in-central-kiev-as-eu-talksfalter-2x8dln86lg3> (date of access:: 11.05.2023).
13. Kyrgyzstan capital bloodied, looted and chaotic after overthrow of Bakiyev // The Guardian 08.04.2010. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-revolt-over-kurmanbek-bakiyev> (date of access: 23.05.2023).
14. Kyrgyzstan opposition seizes power after day of protests // The Guardian. 08.04.2010. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-opposition-seizes-power> (date of access: 14.05.2023).
15. Kyrgyzstan riot police open fire as protesters storm government building // The Guardian 07.04.2010. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/07/kyrgyzstan-protests-17-killed> (date of access: 23.05.2023).
16. Protesters and troops converge on Kiev to hold rival mass rallies // The Times. 13.12.2013. [Electronic Resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/protesters-and-troopsconverge-on-kiev-to-hold-rival-mass-rallies-t2nfnqbr9rq> (date of access: 11.05.2023).
17. Protests grip Armenian capital after opposition leader's PM bid blocked // The Guardian. 02.05.2018. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/01/armenian-opposition-leader-nikol-pashinyan-falls-short-in-pm-bid> (date of access: 14.05.2023).
18. Revolutionary zeal returns to streets of Ukraine // The Times. 02.12.2013. [Electronic Resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/revolutionary-zeal-returns-to-streets-ofukraine-grzt9sxxk13x> (date of access: 23.05.2023).
19. The revolution that has given Egypt new hope, pride and confidence // The Guardian. 13.02.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/13/tahrir-square-egypt-hosni-mubarak> (date of access: 14.05.2023).
20. The slap that sparked a revolution // The Guardian 15.05.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/may/15/arab-spring-tunisia-the-slap> (date of access: 23.05.2023).
21. Thousands Demand Resignation of Ukraine Leader // The New York Times. 01.12.2013. [Electronic Resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/02/world/europe/thousandsof-protesters-in-ukraine-demand-leaders-resignation.html> (date of access: 11.05.2023).
22. Ukraine MPs appoint interim president as Yanukovich allies dismissed // The Guardian. 23.02.2014. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/23/ukraine-crisis-interim-president-turchynov-yanukovich-tymoshenko> (date of access: 23.05.2023).

23. What caused the revolution in Egypt? // The Guardian. 17.02.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2011/feb/17/what-caused-egyptian-revolution> (date of access: 23.05.2023).

24. With Russia in mind, U.S. takes cautious approach on Ukraine unrest // The Washington Post. 03.12.2013. [Electronic Resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/with-russia-in-mind-us-stays-mostly-mum-on-ukraine-unrest/2013/12/03/52039ff0-5c38-11e3-8d2431c016b976b2_story.html (date of access: 11.05.2023).

25. Zine al-Abidine Ben Ali forced to flee Tunisia as protesters claim victory // The Guardian 15.01.2011. [Electronic Resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/14/tunisian-president-flees-country-protests> (date of access: 23.05.2023).

Сведения об авторе:

Кузина Ольга Андреевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, канд.филол.наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: mojipisma@yandex.ru

Bionotes:

Kuzina Olga .Andreevna

Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philology (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Кузина О.А. Мифическая репрезентация событий и участников цветных революций в англоязычной прессе // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 157–177.

For citation:

Kuzina O.A. Mythical Representation of Events and Participants of Colour Revolutions in the English Language Press // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 157–177.

УДК 16

МИФ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЯХ

Смирнов Василий Андреевич

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблематике использования политических мифов в контексте реализации стратегий «мягкой силы». Рассмотрены отличительные черты политических мифов, определены критерии их эффективности в плане воздействия на индивидуальное и групповое сознание. Кроме того, на примере присоединения Новгородской республики к Москве показано, как «мягкая сила», используя политические мифы, способна достигать своих целей.

Ключевые слова: мягкая сила, политические мифы, идеология, социокультурные сценарии.

MYTH AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION OF "SOFT POWER" IN POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL SCENARIOS

Smirnov Vasily Andreevich

Yaroslav the Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problems of using political myths in the context of the implementation of "soft power" strategies. The distinctive features of political myths are considered, the criteria of their effectiveness in terms of impact on individual and group consciousness are determined. In addition, the example of the accession of the Novgorod Republic to Moscow shows how "soft power", using political myths, is able to achieve its goals.

Keywords: soft power, political myths, ideology, socio-cultural scenarios.

Введение

Мифы играли и продолжают играть важную роль в политике, мотивируя разных акторов на совершение определенных политических действий. Зачастую мифы используются механизмами так называемой «мягкой силы» для достижения определенных политических целей. Как известно, «мягкая сила» – это такой способ властвования, который нацелен на воздействие, в первую очередь, на сознание объекта с целью трансформации его в нужное для субъекта направление. Мы считаем, что было бы весьма продуктивно и целесообразно с научной и аналитической точки зрения рассмотреть специфику аппликации политических мифов в различных политических и социокультурных сценариях в контексте использования инструментов «мягкой силы».

Методы

В статье используется феноменологический метод, а также анализ научной литературы по политологии, социологии, культурологии, философии, и др.

Литературный обзор

Под мифом в современной литературе понимаются некие представления о социальной реальности, включающие в себя обобщенные этические установки, отражающие действительность [Корниенко 2009: 49–53]. К. Флад дает следующее определение политического мифа – это «идеологически обусловленное повествование относительно социальной реальности, ее прошлого, настоящего и будущего, и воспринимаемое как истинное» [Флад 2004: 42]. Таким образом, миф связывает прошлое и настоящее [Барт 2000: 284], согласуя наши представления о желаемом мироустройстве с реальностью. Соответственно, политический миф является частным случаем мифа вообще и тесно связан с областью борьбы за власть или её удержания.

В данном контексте определение политического мифа весьма близко к определению политической идеологии. Для ряда авторитетных исследователей они являются практически тождественными понятиями [Леви-Строс 2001: 217]. Однако стоит отметить, что с нашей точки зрения, принципиальное отличие этих важнейших компонентов политической культуры общества заключается в том, что идеология всегда претендует на научность, тогда как мифы эксплуатируют более широкий, зачастую далекий от науки, спектр идей, образов, символов, ценностей и т.д.

Миф как социальное явление имеет ряд отличительных черт. Выделим некоторые из них. Важнейшей особенностью мифа является его способность выстраивать так называемую «альтернативную реальность», которая, тем не менее, может актуализироваться в «реальном» пространстве, побуждая людей к определенным действиям [Неклюдов 2005: 43]. Другой важной чертой мифа является его двойственная природа [Ставицкий 2020: 42], сочетающая рациональное и иррациональное. Кроме того, с одной стороны, мифы являются продуктом массового сознания и естественного развития общества, с другой, они зачастую искусственно конструируются под определенную идеологический заказ. В литературе по этой проблематике справедливо отмечается, что «от умения политической элиты продуцировать «последовательные» социальные мифы, в том числе и политические, зависит стабильность социального развития» [Иванов 2018: 99]. Наконец, существенной особенностью политического мифа является активная эксплуатация им архетипов, но уже с учётом имеющейся политической конъюнктуры. Под архетипом в современной науке понимается некий изначальный символ, который отражает коллективные представления о реальности. При определенных обстоятельствах эти архетипы могут использоваться в политике по-новому, отражая сложившиеся реалии. Так, А.А. Целыковский приводит следующий пример: во многих странах архетипический символ Великой Матери трансформировался в образ Родины-Матери [Целыковский 2019: 22]. Стоит добавить, что во время Великой Отечественной войны данный символ воплотился не только в речах политических деятелей и пропагандистских плакатах, но также и в произведениях искусства – знаменитой скульптуре Е. Вучетича в Волгограде. Мы полагаем, что эффективность политической мифологии, во-многом, определяется её способностью апеллировать к древним архетипам и символам. Именно эти технологии и использовали немецкие национал-социалисты в своей пропаганде, постоянно обращаясь к образам Земли, Крови, Вождя и Врагов. В данном аспекте иррациональные, примитивные и уходящие своими корнями вглубь веков первобытные символы оказались гораздо эффективнее в деле влияния на массовое сознание, чем рационализаторские конструкции, опирающиеся на логику.

Результаты исследования

Как известно, знаменитый исследователь идеологических практик Карл Мангейм [Мангейм 1991] ввёл своеобразную научную дефиницию для характеристики типов мышления, которые нацелены на сокрытие истинного положения вещей в обществе. Если этот тип мышления ориентирован на консервацию сложившегося социального строя, то он именуется «частичной идеологией», если же, напротив, он ставит своей целью изменение основ общества, то тогда его можно назвать «утопией». Нетрудно заметить, что принципиальное отличие между идеологией и утопией заключается лишь в том, что утопическое восприятие реальности действует в интересах претендующих на власть подчиненных социальных групп, которые стремятся изменить существующий социальный порядок, тогда как идеология, напротив, защищает интересы правящего класса. Однако оба этих типа мышления сознательно искажают актуальные условия жизни. Они похожи между собой в своей «частичности», поскольку демонстрируют «истину» не полностью, а только для собственных последователей, то есть, определенной группы людей, разделяющей данные идейные воззрения. Можно привести такой пример: на современном Западе доминирующей идеологией является либерализм, который утверждает незыблемость права частной собственности и признаёт капиталистическую рыночную экономику в качестве единственно правильной экономической системы. С точки зрения этой идеологической концепции, остальные экономические формации неэффективны, так как ограничивают свободу производителя и, тем самым, вносят флуктуации в функционирование хозяйственного механизма. Только рынок и капитализм способны обеспечить максимальную отдачу от использования имеющихся ресурсов и насытить общество необходимыми благами. Понятно, что подобные идеологические мифы «выгодны» правящим буржуазным кругам, аккумулировавшим в своих руках огромные капиталы и не желающие с ними расставаться. С другой стороны, во многих странах классы наёмных работников критикуют капитализм как совершенно несправедливый социальный строй, в рамках которого общественное богатство достается немногим, что порождает различные социальные «язвы». Поэтому среди подобных людей можно увидеть много приверженцев социализма – идеологии, отстаивающей необходимость смены существующего строя и внедрения принципов социального равенства, которое может быть достигнуто за счёт национализации средств производства и перераспределения общественных богатств в пользу обездоленных групп. «Опрокидывая» методологию Мангейма на эти примеры, можно увидеть, что сторонники либерализма в данных обстоятельствах могут быть классифицированы как носители частичной идеологии, тогда как адептов социализма следует охарактеризовать в качестве «утопистов». Однако помимо так называемых «партикулярных» мифов, в той или иной степени искажающих действительность в угоду интересам разных социальных сил, существует и «тотальная» идеология (или мифология), которая формируется под воздействием всей культуры общества и связана уже с мышлением целой эпохи. Примером такого типа мифологии можно считать, например, мышление средневекового человека, фундированное всем комплексом сложившихся социально-исторических и культурных условий его существования. И если средневековый европеец верил в Ад, Рай, наказание за грехи и Искупление, то данные взгляды были навязаны ему не какой-то определённой правящей группой, а всей господствующей на тот

момент системой мировоззрения. С нашей точки зрения, речь о политической мифологии можно вести только в контексте партикулярных идеологий/утопий, поскольку политика – это всегда борьба разных «частей» со своими интересами за власть. Тогда как «тотальные» мифы (идеологии) однозначно внеполитичны, ибо отражают уже не частные интересы социальных акторов, а всю систему мышления общества, а потому, если и искажают реальность, то делают это не намеренно, ради достижения заданных политических целей, а в силу определённых когнитивных механизмов, обусловленных существующими культурными структурами.

Стоит отметить, что эффективность многих «частичных» идеологий обусловлена их тесной связью с описанными выше «тотальными» идеологиями, которые и формируют «мета-уровень» мышления человека. Например, есть все основания полагать, что либеральная идеология (мифология) смогла завоевать умы большого количества людей лишь потому, что она опиралась на всю систему западного мировоззрения, уже столетиями – через образование, литературу, СМИ, науку, пропаганду – постулирующую «естественный» характер институтов собственности, демократии, рынка, капитализма, вследствие чего сторонники либерализма даже не отдают себе отчета в том, что их слова и убеждения являются продуктом идеологии. В этом аспекте либеральная идеология воздействует на сознание даже не столько на психологическом (где возможны различные манипуляции и искажения), сколько на когнитивном уровне. И если в первом случае объект воздействия мифа может усомниться в его правдоподобности, то на «тотальном» уровне функционирования мифосферы вопрос об истинности или ложности определенных идей лишен всякого смысла, ибо в этом случае оценка окружающего мира обусловлена характером всей структуры сознания эпохи, куда включено мышление человека.

По мнению А.А. Целыковского, политический миф выполняет в обществе важнейшие функции, что и предопределяет его социальную значимость [Целыковский 2019: 23]. Во-первых, миф объясняет мир, реализуя свою онтологическую и гносеологическую функции, в рамках которых сложная и многообразная социальная реальность редуцируется к более простым бинарным оппозициям: добро и зло, враги и союзники и т.д. Это помогает структурировать мышление человека, уложив его в определённую «сетку» базовых смыслов, образов и понятий. Во-вторых, важнейшей функцией мифа является аксиологическая интерпретация всех происходящих в политическом пространстве событий в рамках надления их атрибутами «хорошо-плохо». Как известно, большие группы людей могут быть интегрированы в устойчивые общности либо на основе норм (жёстких требований должного поведения), либо на основе ценностей (идеалов должного). Нормы, в свою очередь, делятся на деятельностные и социальные. Первые связаны с процессом преобразования исходного материала в конечный продукт по требованию заказчика, а потому мало зависят от воли самих людей, но обязательно должны учитывать природу изменяемого материала. Вторые являются результатом согласованных договоренностей по поводу необходимого в обществе поведения его индивидов. Однако нормы лишены ценностной составляющей, они лишь задают рамки необходимых с точки зрения социума поступков человека. В этой связи появляется запрос на надление объектов окружающей социальной действительности определенными субъективными свойствами, формирующими ориентиры для повседневной (в том числе, политической) активности человека и позволяющими соотносить её с этими

установленными идеалами. Так, во время пандемии коронавируса был распространен миф о якобы имеющем место заговоре фармацевтических корпораций, глобальных медицинских организаций и национальных правительств с целью принуждения населения к обязательной вакцинации. Возможными целями этой кампании назывались: стремление сократить избыточное население Планеты, обеспечение прибыли компаний, производящих вакцину, а также создание и отработка механизмов по контролю за поведением больших масс людей. Соответственно, люди, воспринявшие этот миф, относились к медикам как «врачам-убийцам», а собственные власти воспринимались ими как «филиалы» глобалистских структур, которые, не имея достаточного суверенитета, были всего лишь послушными инструментами реализации злой воли некоего мирового правительства. Получается, что миф в данном случае реализовал функцию оценивания происходящего с позиции определенных субъективных установок. Наконец, праксиологическая функция мифа связана с тем, что он задаёт динамику политической активности для различных акторов. В этом аспекте вспоминается отечественная история столетней давности. Как известно, крестьяне дореволюционной России считали землю «ничьей» и на этом основании рассматривали дворян в качестве своеобразных «паразитов», которые, не обрабатывая своим трудом участки, тем не менее, были крупными земельными собственниками и несправедливо обогащались за счёт нещадной эксплуатации общины. Сами же дворяне, напротив, были убеждены в неотчуждаемости и «священности» прав частной собственности, что было отражением господствовавших на Западе либеральных идеологических установок. Как в первом, так и во втором случае противоположные представления этих двух социальных групп нельзя считать истинными или ложными. Однако оба мифа – как первый, крестьянский, так и второй, дворянский – объясняли, как устроен мир в контексте использования земли (онтологическая и гносеологическая функции), давали оценку ситуации (аксиологическая функция: для крестьян несправедливым было то, что не работающие на земле и ведущие сибаритствующий образ жизни помещики незаслуженно пользовались огромными именьями; тогда как дворяне считали несправедливыми все разговоры об изъятии их законной собственности и попытки захвата усадеб крестьянами) и побуждали к определенным действиям. Праксиологическая функция реализовывалась в том, что все политические силы России начала двадцатого века вынуждены были учитывать эти ориентации. Либеральные и так называемые охранительные партии («октябристы», кадеты, монархисты) поддерживали миф о неотчуждаемости частной собственности, тогда как большевики и эсеры, напротив, были на стороне «крестьянского» взгляда на земельные отношения. Как справедливо отмечает Д.И. Гигаури, «сила, уникальность и универсальность мифологизации как составной части технологического арсенала пропаганды заключаются в том, что миф мотивирует и мобилизует деятельность социальной группы или сообщества в правильном для субъекта мифотворчества направлении» [Гигаури 2017: 30]. Кроме того, по мнению С.В. Рязановой, миф выполняет еще и этиологическую функцию [Рязанова 2013: 17], связанную с указанием на истоки и происхождение политических структур. Так, развивая предыдущий пример с различием взглядов на принадлежность земли, монархические партии поддерживали дворян на том основании, что считали их одним из «столпов» самодержавия, которое, в свою очередь было «столпом» России, ведущим свою историю со времен легендарного Рюрика.

Что касается типологии политических мифов, то чаще всего их принято делить на «чёрные» и «белые». Целью первых является создание искаженного, зачастую предвзятого, образа о каком-либо объекте, в качестве которого может выступать отдельный человек, исторический факт, народ или целое государство. Примером такого «черного мифа» можно считать так называемую «норманнскую» теорию происхождения Русского государства. Согласно этой концепции, древние славяне до прихода германцев (скандинавов) отставали в своем социальном и политическом развитии от соседних народов до такой степени, что без помощи приглашённого извне варяжского конунга Рюрика не могли создать даже собственное государство. Подобные взгляды, несмотря на их очевидную антинаучность [Фомин 2009: 102–107], тем не менее, часто использовались как база для идеологической дискредитации России в различных пропагандистских практиках. «Белые» мифы, напротив, стараются оправдать и защитить определённые социальные явления или отдельных исторических личностей, всячески подчеркивая их позитивную сущность. Кроме того, нам бы хотелось обратить внимание на такую специфику политической мифологии, как её темпоральную направленность. Одни мифы больше акцентируют внимание на некоем идеальном «золотом» Прошлом, с которым сравнивается несовершенное настоящее. Так, для славянофилов в XIX в. таким идеалом была допетровская Русь, в которой не было крепостного права и присутствовало единение царя и народа. Другие мифы, напротив, устремлены в будущее и больше ориентируются на построение некоего утопического мира, который будет намного совершеннее, чем существующее настоящее. Именно такой идеологией был марксизм, который призывал к построению бесклассового общества, лишённого «язв» капитализма. Стоит отметить, что активная эксплуатация лишь только мифов о Прошлом может оказаться политически несостоятельной, так как социальное развитие всегда устремлено в будущее и не может опираться лишь на уже отжившие своё образцы прошлых исторических эпох.

Мы полагаем, что политические мифы могут активно эксплуатироваться в рамках стратегий так называемой «мягкой силы». Как известно, понятие «мягкой силы» было впервые введено в научный дискурс профессором Гарвардского Университета Дж. Наем. Как считал ученый, сила государства фундируется не только материальными ресурсами в виде военной и экономической мощи (так называемая «hardpower»), но, во многом, зависит от использования «мягких» инструментов в политике. В реализации принципов «мягкой силы» важно оказание влияния на изменение приоритетов чужих стран и народов таким образом, чтобы «они захотели того, чего хотите вы, и вам не пришлось бы заставлять их изменить свое поведение» [Федотова 2016: 37]. Среди инструментов мягкой силы на первое место выходят: образование, культура и идеология. Отличие «мягкой» силы от «жесткой» заключается не в непринудительной природе первой, а исключительно в формных основаниях этих двух инструментов навязывания своей воли. Если «жесткая» сила оперирует преимущественно военными и экономическими ресурсами, то «мягкая» сила, напротив, воздействует не на «тело» потенциального объекта управления, а на его сознание, на культурно-символические образы. Так под влиянием критики конструктивистов, Дж. Най уже в середине 2000-х несколько изменил свои первоначальные взгляды. Он писал: «В использовании мягкой силы могут прослеживаться элементы угроз и манипулирования. Тем не

менее, она оставляет большую свободу выбора, чем физическая сила» [Joseph Nye 2008: 142].

В качестве примера аппликации «мягкой силы» в историческом аспекте можно взять присоединение Новгородской республики к Москве в XV веке. Как отмечает историк С.В. Трояновский, «связанная древними корпоративными узами боярских родов, приверженная жёсткой иерархии отношений и не терпевшая вольностей Москва могла развиваться только за счёт экспансии. Её боярская олигархия не просто подавляла другие сословия – она вообще не считалась ни с кем, кроме государя. Именно в этом направлении стремительно двигалась московская политика с середины XV века. И на этом пути у неё неумолимо вырастал вольный Новгород – огромный землевладелец, успешно торговавший на Балтике, впитавший дух свободного предпринимательства и заучивший в десятках поколений азы правовой защиты от властного произвола» [Трояновский 2015: 256]. Стоит отметить, что Иван III придал наступлению на Новгород вид «крестового похода» против предателей истинной православной веры, обеспечив эффективное идеологическое прикрытие для своих завоевательных планов. После падения Византии в 1453 г. Москва оставалась единственным независимым православным государством в мире, что делало её в глазах сторонников этой ветви христианства главным оплотом истинной веры. Как известно, вольный Новгород, вопреки условиям ранее подписанного с Москвой Яжелбицкого мира 1456 г., пытался договориться с Литвой на предмет заключения некоего «оборонительного» союза против могущественного восточного соседа, что и стало предлогом для начала очередной московско-новгородской войны. При этом, Иван III всячески упирал на то, что именно переговоры с католической Литвой и являются главной причиной начала военных действий против вечевой республики, которую следовало наказать за очевидное «предательство» (и даже не столько самого великого князя, сколько всего православного мира).

Процитируем известного новгородского историка В.Г. Смирнова: «Летом 1471 года Иван III двинул против новгородцев огромное войско, которое включало в себя и татарские отряды. Войску был отдан приказ великого князя сжигать дотла новгородские сёла и убивать всех их жителей без разбора. 14 июля 1471 года на берегу реки Шелонь произошло сражение между новгородским ополчением под руководством Дмитрия Борецкого и московским войском под руководством князя Даниила Холмского. В тыл новгородцам ударили татары, а владычный полк со стороны наблюдал за происходящим, не вмешиваясь в битву (по наказу владыки Феофила). Разгром был полным. В плен попали все новгородские воеводы» [Смирнов 2015: 154]. Осенью 1475 г. Иван III лично прибыл в Новгород и остановился в Городище. Здесь он устраивал демонстративные суды заступничества за простых горожан, обиженных боярским произволом [Трояновский 2015: 261]. Стоит отметить, что рядовые новгородцы не слишком горели желанием проливать кровь за боярскую республику. Видимо, здесь сыграла свою роль эффективная пропаганда Москвы. Спустя 2 года после этих событий с новгородской независимостью было покончено и город с его огромными земельными владениями превратился в удел великого князя.

Таким образом, Москва, задействуя в борьбе против непокорного Новгорода не только военные средства, но и «мягкую силу», сумела в высшей степени эффективно использовать политическую мифологию для достижения своих целей. Московские Даниловичи в лице Ивана III и его окружения создали в массовом

сознании картину мироздания, где идёт непримиримая борьба между Добром в лице Православия и Злом в лице католического Запада, причём, строптивые новгородцы ради сохранения своих богатств перешли на сторону Зла, за что и были наказаны московским князем, стоящим на страже Добра. Кроме того, на архетипическом уровне активно эксплуатировался образ Отца (в роли которого был Иван III, выступающий в качестве защитника всех новгородцев от произвола местных бояр) и образ Врага (все католики и те новгородцы, которых принято называть «литовской» партией).

Заключение

Таким образом, обобщая всё вышеизложенное, мы можем заключить, что для того, чтобы эффективно влиять на сознание людей, политические мифы должны удовлетворять следующим условиям.

Во-первых, они должны объяснять окружающую реальность, реализуя онтологическую и гносеологическую функции, давать ей ценностную оценку и побуждать к определённым действиям.

Во-вторых, политическим мифам следует активно эксплуатировать архетипичные образы из прошлого для подкрепления рациональных конструктов иррациональными средствами воздействия на сознание индивида.

В-третьих, политические мифы должны быть встроены в систему господствующего («тотального») мировоззрения, чтобы оперировать не только на психологическом уровне, где они могут быть легко разоблачены как «ложные», но и на когнитивном уровне, где вопрос о ложности-истинности чего-либо вообще не стоит.

В-четвёртых, политической мифологии следует выстраивать как образы идеального «золотого» Прошлого, так и идеального будущего, куда непременно нужно двигаться. И в этом случае, политические мифы могут быть успешно вписаны в стратегию реализации «мягкой силы».

Литература

- Барт Р.* Мифологии. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2000. 314 с.
- Гигаури Д.И.* Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского Университета, Сер. 12. Политические науки. 2017. № 2. С. 24–45.
- Иванов А.Г.* Имперский миф – «метауровень» политической идеологии // Гуманитарные исследования Центральной России. № 3 (8). 2018. С. 96–103.
- Корниенко Т.А.* Сущность и структура политического мифа // Власть. 2009. 10. С 49–53.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Мангейм К.* Идеология и утопия. Москва, 1991. 247 с.
- Неклюдов С.Ю.* Структура и функции мифа // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. Москва, 2005. С. 17–38.
- Рязанова С.В.* Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. 2013. С. 14–22.
- Смирнов В.Г.* Лица новгородской истории. – Москва: Вече, 2015. 496 с.
- Ставицкий А.В.* Миф: природа восприятия мира и возможности рационального // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной

конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С 42–48.

Федотова Н.Н. Анализ Культурных ресурсов: мягкая мощь и идентичность // *Философия и современность*. 2016. № 4. С 55–69.

Трояновский С.В. Великий Новгород: Седмицы истории. 859-1990-е годы. Москва: Издательство «Весь Мир», 2015. 544 с.

Флад К. Политический миф. Москва: Прогрес-Традиция, 2004. 263 с.

Фомин В.В. Норманская теория и её научная несостоятельность // *Ученые записки Волгоградского педагогического университета*. 2009. С. 102–107.

Цельковский А.А. Структура, свойства и функции политического мифа // *Logos et Praxis*. 2019. Т.18. №3. С. 18-24.

Joseph Nye. *The Powers to Lead* / Oxford University Press, 2008. 240 p.

References

Bart R. *Mythology*. Moscow: Publishing House. Sabashnikov Publisher, 2000. 314 p.

Gigauri D.I. Political Myth in the Structure of Historical Memory // *Bulletin of the Moscow University, Ser. 12. Political Sciences*. 2017. № 2. Pp. 24–45.

Ivanov A.G. Imperial Myth – "Meta-Level" of Political Ideology // *Humanitarian Studies of Central Russia*. № 3 (8). 2018. Pp. 96-103.

Kornienko T.A. The Essence and Structure of the Political Myth // *Power*. 2009. 10. Pp. 49–53.

Levi-Strauss K. *Structural Anthropology*. Per. with Fr. Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EKSMO-Press Publisher, 2001. 512 p.

Mannheim K. *Ideology and Utopia*. Moscow, 1991. 247 p.

Neklyudov S.Yu. Structure and Functions of Myth // *Modern Russian Mythology / Comp. M.V. Akhmetov*. Moscow, 2005. Pp. 17–38.

Ryazanova S.V. The Role of Religion in the Formation of a Political Myth // *Values and Meanings*. 2013. Pp. 14–22.

Smirnov V.G. *Faces of Novgorod History*. – Moscow: Veche Publisher, 2015. 496 p.

Stavitskiy A.V. Myth: the nature of perception of the world and the possibilities of rational // *Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol)* / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of M.V. Lomonosov. Moscow State University in Sevastopol, 2020. Pp. 42–48.

Fedotova N.N. Analysis of Cultural Resources: Soft Power and Identity // *Philosophy and Modernity*. 2016. No. 4. Pp. 55–69.

Trojanovsky S.V. *Veliky Novgorod: Weeks of History* Publisher. 859-1990-ies. Moscow: "The Whole World" Publisher, 2015. 544 p.

Flood K. *Political Myth*. Moscow: Progres-Tradition Publisher, 2004. 263 p.

Fomin V.V. Norman Theory and its Scientific Inconsistency // *Scientific notes of the Volgograd Pedagogical University*. 2009. Pp. 102–107.

Tselykovsky A.A. Structure, Properties and Functions of a Political Myth // *Logos et Praxis*. 2019. V.18. №3. Pp. 18–24.

Joseph Nye. *The Powers to Lead* / Oxford University Press, 2008. 240 p.

Сведения об авторе:

Смирнов Василий Андреевич

доцент кафедры теории, истории и философии культуры ФГБОУВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

E-mail:

Bionotes:

Smirnov Vasily Andreevich

Associate Professor, Head of the Department of Theory, History and Philosophy of Culture of Yaroslav the Wise Novgorod State University, Candidate of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Для цитирования:

Смирнов В.А. Миф как инструмент реализации «мягкой силы» в политических и социокультурных сценариях // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 178–187.

For citation:

Smirnov V.A. Myth as a Tool for the Implementation of "Soft Power" in Political and Socio-cultural Scenarios // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 178–187.

УДК 81'42

DOI:

МИФО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ В ПРЕССЕ ВО ВРЕМЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Кузина Ольга Андреевна

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена исследованию мифо-идеологических способов конструирования событий в печатных средствах массовой информации во время информационного противоборства. В работе рассматриваются особенности информационного поля периода информационной войны, акцентируется внимание на функции идеологического воздействия как ведущей у массмедиа, определяется идеологема как ключевая единица трансляции идеологии в медиадискурсе и средство создания мифо-идеологической реальности, описывается структура идеологема и сущность составляющих ее конструктов, выделяются мифологичность и оценочность как неотъемлемые черты идеологема. На основе практического материала (статей из интернет-версий ведущих британских и американских периодических изданий) реконструируется идеологема «Окончание боев за Мариуполь», вычленяются слагающие ее конструкты и анализируются лингвистические средства, создающие мифо-идеологическую репрезентацию событий. Автор приходит к выводу, что англоязычной аудитории через средства массовой информации последовательно преподносился мифологизированный образ окончания боев за Мариуполь, кардинально отличающийся от реальности и обладающий противоположной оценкой с целью формирования определенной, идеологически «правильной» картины мира.

Ключевые слова: массмедиа; идеологема; информационная война; мифо-идеологическая репрезентация; Мариуполь

MYTHO-IDEOLOGICAL REPRESENTATION OF EVENTS IN PRESS DURING THE INFORMATION WARFARE

Kuzina Olga Andreevna

Lomonosov Moscow State University Sevastopol Branch (Sevastopol, Russia).

Abstract

The article is devoted to the mytho-ideological ways of constructing events in printed media during the information warfare. The work investigates peculiarities of media sphere in the times of the information war, emphasizes ideological influence function as the leading one in media at the time, defines ideologeme as a unit of rendering ideology in media discourse and a means of creating mytho-ideological reality, describes the structure of an ideologeme and the nature of its constituent parts, points out mythology and evaluation as the main features of an ideologeme. Relying on the practical material (articles from the Internet versions of the leading British and American newspapers) the author reconstructs the ideologeme 'The end of battle for Mariupol, identifies its constituent elements, analyses linguistic means creating mytho-ideological representation of events. The conclusion is drawn that the English-speaking community is systematically presented with the mythologically altered image of the battle for Mariupol, being

drastically different from reality and bearing opposite evaluation with the aim of building ideologically 'correct' image of the world.

Key words: massmedia; ideologeme; information warfare; mytho-ideological representation; Mariupol

Введение

Современный мир существует в условиях информационной войны. Борьба за доминирование в мире с распространением СМИ, а впоследствии Интернет-технологий, переместилась с поля боя в информационное пространство. Один из ведущих исследователей феномена информационной войны Г.Г. Почепцов справедливо отмечает, что сегодня информационное противоборство выступает главным способом борьбы за власть и реализации геополитических интересов государств [Почепцов, 2000]. Победителем становится та сторона, которой удалось создать наиболее убедительную и привлекательную картину мира, распространить ее как можно шире с помощью информационных каналов и заставить поверить в ее правильность наибольшее количество людей. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения способов и средств воздействия на массовое сознание, которое осуществляется в рамках информационной войны. Цель работы состоит в определении основных механизмов создания мифо-идеологической репрезентации событий в прессе и лингвистических способов их реализации.

Литературный обзор

Исследованию феномена информационной войны и техники ее ведения посвящены многочисленные работы отечественных (Г.Г. Поцепцов [Почепцов, 2000], Л.В. Коцюбинская [Коцюбинская, 2020], В.М. Щекотихин [Щекотихин, 2010], Д.О. Кучумов [Кучумов, 2007], И.Н. Панарин [Панарин, 2001], С.П. Расторгуев [Расторгуев, 2003]) и зарубежных исследователей (М.С. Libicki [Libicki, 1995], Т.Р. Rona [Rona, 1976], R. Szafranski [Szafranski, 1995]). А.П. Сквородников определяет информационную войну как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения» [Сквородников 2017: 13]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что информационная война нацелена как на кратковременное воздействие на аудиторию для формирования определенной оценочной реакции на какое-то конкретное событие, так и на долговременное воздействие, которое заключается в трансформации картины мира, а именно: в изменении оценочного восприятия фрагментов реальности посредством создания схем интерпретации поступающей информации. Во время информационной войны воздействие на массовую аудиторию носит скрытый характер. Реципиенты зачастую не осознают, что им преподносится заранее преломленная под определенным идеологическим углом информация, считают ее достоверной и не подозревают, что их видение ситуации формируется целенаправленно внешними источниками. Г.Г. Почепцов указывает, что цель информационной войны заключается во внесении изменений в когнитивную структуру получателя информации, чтобы вызвать последующие изменения в его поведенческой структуре. Таким образом, поведением человека начинает руководить не действительность, а заранее заданные схемы ее интерпретации [Почепцов 2000: 10].

Основным каналом воздействия на массовую аудиторию являются средства массовой информации, которые благодаря развитию интернет-технологий значительно расширили свое влияние и воздействующий потенциал. Возникнув как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации и тиражирования информации, сегодня они превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание [Володина 2011: 9]. Современный человек получает информацию о каком-то событии в любой точке мира практически мгновенно и в реальном времени может следить за изменениями ситуации. Воздействующий потенциал медиа базируется на идее о том, что если подавать информацию о событии сразу же в определенной оценочной плоскости, а затем многократно повторять заданную интерпретацию, достаточно просто сформировать у аудитории конкретное видение реальности. Таким образом, сегодня событие не существует отдельно от информационного поля, которое создается вокруг него. СМИ больше не предоставляют объективную информацию как раньше, позволяя человеку на ее основе сформировать свое видение мира, а навязывают ему уже готовый образ реальности, поскольку «массмедиа стали инструментом политики и идеологии, а не информации» [Кара-Мурза 2005: 811].

Политико-идеологические взгляды политической элиты транслируются в СМИ в виде системы идеологем [Кузина, 2018]. Под идеологемой в данной работе понимается лингвокогнитивная единица, которая заключает в себе идеологизированное представление о фрагменте окружающего мира, создаваемое средствами языка [Каменева 2007:154]. Когнитивная сторона идеологемы выражается в том, что в сознании реципиента она выстраивает схемы, влияющие на дальнейший процесс восприятия и оценки информации. Языковая сторона идеологемы – это ее вербальная оболочка, т.е. слово или словосочетание, которым она вербализуется, а также языковые средства, создающие ее смысловое наполнение [Кузина, 2019]. Идеологемой может стать событие или человек, образ которого получает противоположную идеологическую оценку в рамках разных идеологических систем.

Идеологема складывается из оценочно-идеологических блоков информации, обладающих содержательной целостностью и оценкой. Данные структурно-содержательные составляющие идеологемы мы будем именовать конструктами. Каждый конструкт представляет собой краткое, емкое оценочное суждение, которое разворачивается в медиадискурсе с помощью разных лингвистических средств со схожим компонентом значения и одинаковой оценкой, и проходит лейтмотивом через ряд публикаций одной тематики, последовательно выстраивая мифо-идеологический образ реальности.

Любая идеологема характеризуется оценочностью и мифичностью. В силу того, что идеология основывается на каких-то политико-идеологических взглядах, в рамках которых одни социально-политические феномены воспринимаются как хорошие, а другие как плохие, идеологема как единица-носитель идеологического смысла транслирует идеологическую оценку той политико-идеологической системы, которая ее создает и наполняет содержанием, и нацелена на убеждение адресата в правильности данной оценки. Мифичность присуща идеологеме ввиду того, что когда событие преподносится аудитории с точки зрения какой-то идеологии, оно в большей или меньшей степени искажается, преломляется под определенным идеологическим углом, чтобы соответствовать «правильной» в рамках данной идеологии картине мира. Нельзя не согласиться с утверждением

Н.И. Клушиной, что «идеологема – это миф, используемый в идеологических целях» [Клушина 2014: 56]. Идеологема является результатом мифо-идеологической обработки информации об окружающей реальности, поданной аудитории посредством тщательно отобранных лингвистических средств.

Методы и материал

Приведем примеры, взятые из интернет-версий британских и американских ведущих периодических изданий (The Washington Post, The New York Times, The Daily Telegraph, The Guardian, The Times), которые традиционно считаются качественной прессой. Для иллюстрации возьмем цитаты из статей, описывающих специальную военную операцию на Украине, а именно: обратимся к описанию в зарубежной прессе момента сдачи в плен остатков украинских подразделений на заводе «Азовсталь». Было проанализировано 9 статей, опубликованных 17–20 мая 2022 года. Для анализа практического материала использовался метод контекстологического анализа, семантический анализ в дефинитивном варианте, лингвокультурный комментарий.

Результаты и обсуждение

В анализируемых публикациях идеологемой будем считать окончание боев за Мариуполь. Данное событие правомерно рассматривать как идеологему, поскольку: 1) повествование о нем велось в полностью противоположном ключе в российской и англоязычной прессе: использовались противоположные номинации для обозначения участников и всего происходящего, давались полярные оценки; 2) как в российских, так и в западных медиаресурсах описание данного события выстраивалось последовательно, целенаправленно, чтобы вписываться в общий политико-идеологический нарратив о военных действиях на Украине.

Анализ новостных статей позволил выделить в составе идеологемы «Окончание боев за Мариуполь» ряд конструктов: «Оставление «Азовстали» – это эвакуация», «Выход украинских военных с завода – результат давления на Россию», «Украинские военные – герои», «Разрушения и жертвы в Мариуполе – последствия действий российской армии». Рассмотрим детально, как выстраивался каждый из конструктов с помощью лингвистических средств в новостных текстах.

1) «Оставление «Азовстали» – это эвакуация»

1.1 *Ukraine ends bloody battle for Mariupol; Azovstal fighters evacuated [Pannet, 2022]*

1.2 *Ukraine has not commented on the evacuation of the soldiers since Tuesday [Sauer, 2022b].*

1.3 *The Russian president, Vladimir Putin, has not publicly commented on the fate of the soldiers since their evacuation started on Tuesday [Sauer, 2022b].*

1.4 *Mykhailo Podolyak said negotiations on extracting the remaining troops were very difficult but ongoing [Pannet, 2022].*

1.5 *If confirmed, the full abandonment of the bunkers and tunnels of the bombed-out plant would signify the capture of the last Ukraine position in the coastal city [Sauer, 2022a].*

В первых трех примерах использованы однокоренные слова «evacuation – evacuate». Согласно толковым словарям, глагол «evacuate» имеет значение «to remove especially from a military zone or dangerous area; to withdraw from military occupation of [MWD]; to move people from a dangerous place to somewhere safe [CALD]», а производное существительное «evacuation» определяется как «the act of emptying a building or other place of people because it is not safe for them to stay

there» [OALD]. Таким образом, глагол «evacuate» подразумевает, что люди покидают какое-то небезопасное место, спасаются от оккупации.

Глагол «extract», использованный в примере 1.4, имеет толкование «to remove or take out something» [CALD], соответственно, описывая процесс, в ходе которого что-то откуда-то вынимают, вытаскивают. И существительное «abandonment» из примера 1.5 определено в Оксфордском словаре как «the act of leaving a person, thing or place with no intention of returning» [OALD], т.е. обозначает оставление места навсегда. Таким образом, все лексемы (extract, evacuate, abandonment) содержат в своем значении общую сему оставления, покидания какого-то места.

Как известно, в российской прессе выход последних 2000 украинских военных с «Азовстали» называли сдачей в плен, что соответствовало реалиям военного времени: остатки военных подразделений противника, которые держали оборону на объекте, сложили оружие и вышли из укрытий, т.е. сдались российской армии. Английский эквивалент русской фразе «сдаться в плен» – это английский глагол «surrender» (to stop fighting and admit defeat [CALD]; to yield to the power, control, or possession of another upon compulsion or demand; to give (oneself) up into the power of another especially as a prisoner [MWD]). Однако его употребление в англоязычной прессе для описания данной ситуации очень ограничено. Приведем примеры двух заголовков англоязычной прессы:

1.6 *Russia says 771 more Ukrainian troops 'surrender' at Mariupol steelworks*[Sauer, 2022б]

1.7 *Last Mariupol defenders have surrendered, Russia claims* [Kilner, 2022]

Как видим, глагол «surrender» употребляется только при цитировании российских источников. Оба заголовка представляют собой примеры косвенного цитирования. Ю.В. Газинская называет прием применения трансформированных, вырванных из контекста цитат в медиатекстах для донесения необходимой информации до аудитории квазицитированием [Газинская 2014: 100]. В первом примере в кавычки взято одно слово. Это можно рассматривать не только как цитирование, но и как то, что слово употребляется для обозначения чего-то, что оно на самом деле не обозначает. Так, квазицитирование в данном случае становится основой манипуляции: Россия считает выход военных сдачей в плен, но западная пресса утверждает, что это не так.

Во втором примере источник информации указан после цитаты. Цитата не помещена в кавычки, но по оформлению высказывания понятно, что приводится позиция России.

Таким образом, конструкт создается посредством отбора лексем с определенным значением. Употребляя слова «extract», «evacuate», «abandonment» вместо «surrender» авторы публикаций смещают акценты, представляя реальную сдачу в плен украинских военных как просто выход с территории завода. Такое изображение событий позволяет изобразить проигрыш в битве как уход с объекта с целью спасения жизни украинских солдат. Происходит подмена реального события его мифо-идеологической репрезентацией с искаженной оценкой – отрицательное событие (проиграли битву, отступили, сдались) становится нейтральным (ушли с завода) и даже частично положительным (спасли жизнь солдатам).

2) «Выход украинских военных с завода – результат давления на Россию»

2.1 *There was an undeniable contradiction between upbeat Russian war propaganda and the reality that, in the end, Moscow had to negotiate a surrender for defenders that it had vowed to annihilate [The world, 2022].*

2.2 *One lesson of Mariupol is that the Russian president did, in the end, agree to evacuate both civilians and military personnel from the Azovstal plant, as he should have. He did so, however, only because armed Ukrainian resistance gave him no other choice [The world, 2022].*

В первом примере использована антитеза, противопоставляющая российскую пропаганду (upbeat Russian war propaganda) и реальность (the reality). С помощью данной антитезы, во-первых, автор утверждает, что реальность полностью отличается от того, что рассказывают о войне в России, т.е. российские медиа врут, а западные источники информации говорят правду, а во-вторых, подчеркивает, что реальное положение дел в мире таково, что России не оставалось ничего иного, как пойти на уступки и выпустить украинских военных с завода. Вторая антитеза выстраивается в предложении с помощью конструкции с модальным глаголом «had to negotiate» и глагольного словосочетания с инфинитивом «had vowed to annihilate»: Россия официально провозглашала намерение уничтожить всех последних защитников завода «Азовсталь», но Россия не сдержала обещание и отказалась от своих планов под влиянием внешних факторов. Модальный глагол «have to» (is used to show that you must do smth [OALD]) имеет значение принуждения к действию со стороны: что-то необходимо сделать в силу обстоятельств. С помощью этого глагола авторы публикации демонстрируют читателю, что Россия не хотела выпускать остатки украинской армии с завода, но была вынуждена это сделать. Глагол «vow» имеет значение «to make a formal and serious promise to do something of a formal statement that it is true [OALD]» и использован для того, чтобы показать, что Россия официально заявляла, что не даст остаткам украинской армии уйти с завода живыми. Так, Россия представляется как слабая, теряющая свои позиции на мировой арене страна, и западной аудитории внушается, что мировое сообщество сможет надавить на Россию и остановить ее военную операцию на Украине.

Во втором примере выражена мысль о том, что президент России согласился эвакуировать мирных жителей и военных с «Азовстали», т.е. президент не сам принял решение, а согласился с предложением, которое ему сделали. Второе предложение примера поясняет, что заставило его согласиться на эвакуацию – военное сопротивление Украины. Оба предложения содержат усилительные конструкции: эмфатическое утверждение со вспомогательным глаголом (did agree) в первом предложении и эмфаза со словом «only» во втором. Таким образом, автор публикации делает акцент на том, что президент России не собирался идти на такой шаг, но Украина воюет успешно и военная обстановка, складывающаяся не в пользу российских войск, вынудила российского лидера согласиться на предложение Украины.

Итак, при реализации второго конструкта мы снова видим подмену реального состояния дел мифо-идеологической репрезентацией: не Россия с помощью эффективного ведения боевых действий не оставила выбора украинским военным на «Азовстали» кроме, как сдаться в плен, а успехи украинской армии на других фронтах и давление международного сообщества на российское руководство заставили российскую армию выпустить остатки украинских военных с территории завода. Созданный мифо-идеологический образ позволил изменить

оценку происходящего: украинская армия представлена не как слабая, проигравшая сторона, а как достойный борец, Россия изображена не как сильная и успешная, а как слабая, сдающая позиции и уступающая под напором мирового сообщества.

Мифо-идеологические репрезентации, создаваемые первым и вторым конструктами, скорее всего, используются политической элитой как средство воздействия на зарубежную аудиторию с целью убеждения их в успехах украинской армии, слабости России и необходимости предоставить Украине дальнейшую военную помощь.

3) «Украинские военные – герои»

3.1 *The world must not forget Mariupol's defenders [The world, 2022]*

3.2 *But the fate of fighters trapped in tunnels under the steel plant became a desperate symbol of Ukrainians' will to fight and die for their land, a key factor in Ukraine's military successes against Russia's larger, more powerful army [Pannet, 2022].*

3.3 *"Ukraine needs Ukrainian heroes alive," President Volodymyr Zelensky said in his nightly address [Pannet, 2022].*

3.4 *"Mariupol defenders are heroes of our time," Ukraine's military command said. "They are forever in history." [Pannet, 2022]*

Первый пример представляет собой заголовок газетной статьи. Заголовок представляет собой категорическое высказывание с модальным глаголом со значением долженствования (must not) и гиперболизацией важности того, что сделали украинские войска, защищавшие Мариуполь, до масштабов всего мира (the world), т.е. весь мир должен помнить, во всем мире ни в коем случае нельзя забывать. Украинские военные, сражавшиеся в Мариуполе, названы защитниками (defenders). Выбор такой номинации позволяет эффективно расставить акценты, сконцентрировав внимание читателя на том, что эти люди защищали город, оборонялись, а следовательно, не наносили ущерб жилому фонду, действовали от имени местного населения, не причиняли ему вреда. Таким образом, данный заголовок, в частности, транслирует мысль о том, что весь мир поддерживает Украину, внимательно следит за происходящим и одобряет действия украинских военных.

Второй пример акцентирует внимание англоязычной аудитории на том, что украинцы готовы защищать родную землю и умереть за нее, а примером этого служат военные, защищавшие Мариуполь и сражавшиеся до последнего в катакомбах «Азовстали». Лексема «symbol» усилена эпитетом «desperate» (giving little hope of success [OALD]), чтобы подчеркнуть, что украинцы сражаются из всех сил, имея при этом мало шансов на успех, но то, что они продолжают бороться в такой ситуации, еще усиливает их положительный образ и создает скрытый призыв им помочь и их поддержать, встать на сторону Украины и выступить против России.

Таким образом, первые два примера с помощью лексических средств создают мифо-идеологический образ украинского солдата-героя, сражающегося за свою землю, защищающего население и свой город.

В примерах 3.3 и 3.4 использована именно лексема «hero(es)», однако данное существительное является компонентом цитат украинского командования.

В российских медиа постоянно делался акцент на том, что на территории завода «Азовсталь» большей частью находились члены нацбатальона «Азов»,

который считается террористической группировкой и запрещен в РФ. Западные СМИ, наоборот, либо указывают, что на заводе были просто украинские военные, либо с помощью пояснений указывают, то «Азов» не является националистической и/или нацистской организацией.

3.6 Mr. Putin and his propaganda machine, of course, have branded them as Nazis and terrorists, based on the fact that some came from the Azov Regiment, which began as a far-right paramilitary organization in 2014 in the war against Russia but has since been reformed and absorbed into the regular Ukrainian army [The world, 2022].

3.7 The capture of Mariupol loomed large in the Kremlin's imagination for propaganda purposes too: as the home base of the Azov brigade, which at its 2014 inception, when the war in Donbas began, included far-right volunteers, some with neo-Nazi affiliations. (In recent years the brigade has been fully integrated into the Ukrainian military) [Sauer, 2022a].

3.8 The Azov regiment was formed in 2014 as a volunteer militia to fight Russia-backed forces in east Ukraine, and many of its original members had far-right extremist views. Since then, the unit has been integrated into the Ukrainian national guard and the regiment now denies being fascist, racist or neo-Nazi [Sauer, 2022b].

Пример 3.6 построен на антитезе. Подчеркивается, что только в нарративе российского руководства члены «Азова» являются террористами и нацистами. Глагол «brand» – to describe sb as being sth bad or unpleasant, especially unfairly [OALD] – помогает выразить мысль о ложности данного утверждения, т.е. западному читателю говорится, что Россия представляет их как террористов и нацистов, а на самом деле они таковыми не являются. Далее приводится пояснение, где автор указывает, что «Азов» был основан как крайне правое движение, но на настоящий момент претерпело значительные изменения и стало частью украинской армии, следовательно, никакими нацистами и националистами эти бойцы не являются.

Пример 3.7 дает схожую информацию о происхождении «Азова» и во вставной конструкции в скобках также делает акцент на том, что бойцы батальона сегодня являются частью регулярной армии. Поскольку украинская армия представляет государство, а государство Украина, в восприятии Запада, неонацистским или националистическим не является, данные бойцы нацистами быть не могут.

В примере 3.8 также сделан акцент на том, что только после своего основания батальон был праворадикальным и экстремистским, а сегодня таковым не является. В предложении уточняется, что сами представители батальона себя не считают ни нацистами, ни фашистами, ни расистами.

Итак, третий конструкт также создает и представляет западному читателю свою мифо-идеологическую реальность: военные, которые оставались на «Азовстали» это не неонацисты и террористы, которые силой удерживали в заложниках местное население, а части регулярной украинской армии, которые героически защищали свой город и отважно боролись против более сильного противника. Оценка вооруженных формирований, находящихся на заводе, заменена на полностью противоположную – с отрицательной на положительную.

4) «Разрушения и жертвы в Мариуполе – последствия действий российской армии»

4.1 The city has been subjected to weeks of punishing Russian shell fire, which has targeted health facilities, including the city's maternity hospitals. In March, hundreds of

people are believed to have been killed when the Donetsk regional drama theatre was bombed [Sauer, 2022a].

4.2 The Kremlin and its forces have bombed Ukraine indiscriminately and been accused of other atrocities [Hopkins, 2022].

4.3 The civilians of what is now a ruined city, tens of thousands of whom died during a ferocious and indiscriminate Russian bombardment, endured the worst of it, of course [The world, 2022].

Во всех примерах вина за разрушение инфраструктуры города и гибель местных жителей возложена на Россию. В первом примере это сделано при помощи атрибутива «Russian» перед словосочетанием «shell fire». Поскольку дальше идет придаточное определительное, получается, что именно обстрелы со стороны России вызвали разрушения. Следующее предложение примера является продолжением повествования и, следовательно, также косвенно сообщает зарубежному читателю, что театр был разбомблен Россией.

В примере 4.2 Кремль и вооруженные силы России напрямую обвиняются в бомбардировках и военных преступлениях. Безусловно, трудно представить военные действия без бомбардировок, однако в данном предложении глагол «bomb» усилен наречием «indiscriminately» (an indiscriminate action is done without thought about what the result may be, especially when it causes people to be harmed [OALD]), что создает впечатление, что Россия бомбила все подряд, не думая о местных жителях. Так, одно слово, добавленное в предложение, создает искаженную картину происходящего и эффективно усиливает отрицательную оценку действий российской армии.

В примере 4.3, кроме прилагательного «indiscriminate», существительное «bombardment» усилено еще эпитетом «ferocious» (very aggressive or violent, very strong [OALD]), которое акцентирует внимание на жестокости российской армии. В сообщении наблюдается манипуляция цифрами для оказания воздействия на читателя: использовано округленное числительное tens of thousands без какой-либо ссылки на источник. Соответственно, все предложение представляет собой искаженную, мифическую картинку реальности о жестоких бомбардировках российской армии, которые оставили от города руины и унесли жизни десятков тысяч человек. Такая мифо-идеологическая репрезентация гиперболизирует масштабы разрушений и количество погибших, однозначно возлагает вину за это на Россию и усиливает отрицательное отношение к ней у западной аудитории.

Итак, третий конструкт нацелен большей частью на усиление негативного образа России в глазах западной аудитории и, возможно, косвенно на поддержку англоязычным сообществом оказания военной помощи Украине как более слабой в этом конфликте.

Заключение

Рассмотрев все конструкты, мы можем реконструировать структурно-содержательное наполнение идеологемы «Окончание боев за Мариуполь». В западной прессе последовательно создан и внедрен в сознание англоязычной аудитории следующий мифо-идеологический образ событий: украинская армия героически сражалась за Мариуполь, защищая город и его жителей, однако город был сильно разрушен и очень много мирного населения погибло из-за бомбежек России; уступив натиску российской армии, последние защитники Мариуполя закрепились на заводе «Азовсталь» и боролись там до последнего; благодаря успехам украинской армии на других фронтах и дипломатическому давлению

мирового сообщества остатки украинских военных подразделений и мирных жителей были эвакуированы с завода. Таким образом, западный читатель получил положительный образ украинской армии и отрицательный образ России.

Итак, можно сделать общий вывод о том, что мифо-идеологическая репрезентация событий в информационном пространстве во время информационной войны основывается на системе идеологем, которые в свою очередь слагаются из конструктов. Конструкты представляют собой краткие оценочные суждения, которые читатель выделяет в процессе обработки информации, поступающей из информационного поля. Конструкты закладываются в тексте лингвистическими средствами, обладающими определенной оценочностью. Конструкты в итоге складываются в некую когнитивную схему, которая создает цельный, правильный с точки зрения конкретной идеологии, образ события.

Литература

Володина М.Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. С. 6–19.

Газинская Ю.В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины: дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2014. 199 с.

Каменева В.А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2007. 43 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. №4. С. 54–58.

Коцюбинская Л.В. Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 53–59. DOI: 10.26170/pl20-04-06

Кузина О.А. Идеологема как ключевая категория медиадискурса в период информационной войны (на примере освещения в англоязычной прессе событий на Украине в 2013–2014 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 110–115.

Кузина О.А. События в Керченском проливе в текстах СМИ как идеологема // Ломоносовские чтения: Материалы ежегодной научной конференции МГУ (3–5 апреля 2019 года, г. Севастополь). 2019. С. 154–157.

Кучумов Д.О. Семантический анализ информационной войны в политике (на примере осетино-ингушского конфликта): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2007. 27 с.

Панарин И.Н. Информационная война и власть. М.: Мир безопасности, 2001. 223 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук К.: Ваклер, 2000. 576 с.

Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, МПСИ, 2003. 301 с.

Сковородников А.П. Лингвистика информационно-психологической войны : монография / отв. ред. проф. А.П. Сковородников. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Щекотихин В.М. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика: монография / под общ. ред. В.М. Щекотихина. М.: Академия ФСО России, ЦАТУ, 2010. 999 с.

CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 01.06.2022).

Hopkins V., MacFarquhar N., Nechepurenko I. Russia Uses Surrender in Mariupol to Portray Ukrainians as Terrorists // The New York Times. 18.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/18/world/europe/russia-ukraine-captives.html> (дата обращения: 01.06.2022).

Kilner J. Last Mariupol Defenders Have Surrendered, Russia Claims // The Daily Telegraph. 20.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/05/20/azovstal-steelworks-mariupol-images-capture-soldiers-final-moments-inside/> (дата обращения: 01.06.2022).

Libicki M.C. What is Information Warfare? Washington: National defense univ., 1995. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a367662.pdf>. (дата обращения: 01.06.2022).

MWD – Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 01.06.2022).

OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 01.06.2022).

Pannet R., Thebault R., Dixon R. Ukraine Ends Bloody Battle for Mariupol; Azovstal Fighters Evacuated // The Washington Post. 17.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/17/azovstal-mariupol-fighters-ukraine-steelworks/> (дата обращения: 01.06.2022).

Rona T.P. Weapon Systems and Information War. Seattle, WA, 1976 : Boeing Aerospace Co. [Электронный ресурс]. URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systemsand-Information-War.pdf. (дата обращения: 01.06.2022).

Sauer P., Beaumont P. Russian Army Takes Control of Mariupol’s Azovstal Steel Plant // The Guardian. 20.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/20/russian-army-takes-control-of-mariupols-azovstal-steel-plant> (дата обращения: 01.06.2022).

Sauer P. Russia Says 771 More Ukrainian Troops ‘Surrender’ at Mariupol Steelworks // The Guardian. 19.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/19/russia-says-771-more-ukrainian-troops-surrendered-at-mariupol-steelworks> (дата обращения: 01.06.2022).

Szafranski R. Theory of Information Warfare: Preparing For 2020. Washington, 1995. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17602-col-richard-szafranski-theory-information> (дата обращения: 01.06.2022).

The World Must not Forget Mariupol’s Defenders // The Washington Post. 18.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/05/18/world-must-not-forget-mariupols-defenders/> (дата обращения: 01.06.2022).

References

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 01.06.2022).

Gazinskaja Ju.V. Konstruirovanie politicheskoy real'nosti v russkojazychnom mediadiskurse Ukrainy: dis. ... kand. filol. nauk. [Constructing Political Reality in the Russian-Language Media Discourse of Ukraine: PhD Thesis]. Chita, 2014. 199 p.

Hopkins V., MacFarquhar N., Nechepurenko I. Russia Uses Surrender in Mariupol to Portray Ukrainians as Terrorists // *The New York Times*. 18.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/18/world/europe/russia-ukraine-captives.html> (date of access: 01.06.2022).

Kameneva V.A. Lingvokognitivnye sredstva vyrazhenija ideologicheskoy prirody publicisticheskogo diskursa (na materiale amerikanskoy pressy): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. [Linguo-cognitive Means of Expressing Ideological Nature of Publicistic Discourse (a Case-Study of American Press): Extended Abstract of PhD Thesis]. Kemerovo, 2007. 43 p.

Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem [Manipulating the Consciousness]. M.: Jeksmo, 2005. 832 p.

Kilner J. Last Mariupol Defenders Have Surrendered, Russia Claims // *The Daily Telegraph*. 20.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/05/20/azovstal-steelworks-mariupol-images-capture-soldiers-final-moments-inside/> (date of access: 01.06.2022).

Klushina N.I. Teorija ideologem [Theory of Ideologemes] // *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. 2014. №4. Pp. 54–58.

Kocjubinskaja L.V. Informacionnaja vojna: metodologicheskie principy lingvisticheskogo issledovanija [Information Warfare; Methodology of its Linguistic Study] // *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. 2020. № 4 (82). Pp. 53–59. DOI: 10.26170/pl20-04-06

Kuchumov D.O. Semanticheskij analiz informacionnoj vojny v politike (na primere osetino-ingushskogo konflikta): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk.). [Semantic Analysis of the Information Warfare in Politics (a Case-Study of Ossetia-Ingush Conflict); Extended Abstract of PhD Thesis]. Rostov n/D, 2007. 27 p.

Kuzina O.A. Ideologema kak kljuhevaja kategorija mediadiskursa v period informacionnoj vojny (na primere osveshhenija v anglojazychnoj presse sobytij na Ukraine v 2013–2014 gg.) [Ideologeme as a Key Category of Media Discourse in the Period of Information Warfare (a Case-Study of Depicting Ukrainian Events of 2013–2014 in the English Press)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2018. № 8 (86). Ch. 1. Pp. 110–115.

Kuzina O.A. Sobytaja v Kerchenskom prolive v tekstah SMI kak ideologema [Events in the Kerch Strait in Mass Media as an Ideologeme] // *Lomonosovskie chtenija: Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii MGU (3–5 aprelja 2019 goda, g. Sevastopol')* [Lomonosov Readings; Materials of the Annual Scientific Conference of MSU (3–5 April 2019, Sevastopol)]. 2019. Pp. 154–157.

Libicki M.C. What is Information Warfare? Washington: National defense univ., 1995. [Electronic resource]. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a367662.pdf>. (date of access: 01.06.2022).

MWD – Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access: 01.06.2022).

OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary online [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 01.06.2022).

Panarin I.N. Informacionnaja vojna i vlast'. [Information Warfare and Power]. M.: Mir bezopasnosti, 2001. 223 p.

Pannet R., Thebault R., Dixon R. Ukraine Ends Bloody Battle for Mariupol; Azovstal Fighters Evacuated // The Washington Post. 17.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/17/azovstal-mariupol-fighters-ukraine-steelworks/> (date of access: 01.06.2022).

Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. [Information Wars] M.: Refl-buk K.: Vakler, 2000. 576 p.

Rastorguev S.P. Filosofija informacionnoj vojny. [Philosophy of Information Warfare]. M.: Vuzovskaja kniga, MPSI, 2003. 301 p.

Rona T.P. Weapon Systems and Information War. Seattle, WA, 1976: Boeing Aerospace Co. [Electronic resource]. URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systemsand-Information-War.pdf. (date of access: 01.06.2022).

Shhekotihin V.M. Informacionnaja vojna. Informacionnoe protivoborstvo: teorija i praktika: monografija [information Warfare: Theory and Practice: monograph]. / pod obshh. red. V.M. Shhekotihina. M.: Akademija FSO Rossii, CATU, 2010. 999 p.

Skovorodnikov A.P. Lingvistika informacionno-psihologicheskoj vojny : monografija [Linguistics of the Information-Psychological War: Monograph]. / otv. red. prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnojarsk : Sib. feder. un-t, 2017. 340 p.

Volodina M.N. Jazyk SMI i informacionno-jazykovaja jekologija obshhestva [Media Language and the Language Ecology of the Society] // Jazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke [Language and Discourse of Mass Media in 21st Century] / pod red. M.N. Volodinoj. M.: Akademicheskij Proekt, 2011. Pp. 6–19.

Sauer P., Beaumont P. Russian Army Takes Control of Mariupol’s Azovstal Steel Plant // The Guardian. 20.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/20/russian-army-takes-control-of-mariupols-azovstal-steel-plant> (date of access: 01.06.2022).

Sauer P. Russia Says 771 More Ukrainian Troops ‘Surrender’ at Mariupol Steelworks // The Guardian. 19.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/19/russia-says-771-more-ukrainian-troops-surrendered-at-mariupol-steelworks> (date of access: 01.06.2022).

Szafranski R. Theory of Information Warfare: Preparing For 2020. Washington, 1995. [Electronic resource]. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17602-col-richard-szafranski-theory-information> (date of access: 01.06.2022).

The World Must not Forget Mariupol’s Defenders // The Washington Post. 18.05.2022. [Electronic resource] URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/05/18/world-must-not-forget-mariupols-defenders/> (date of access: 01.06.2022).

Сведения об авторе:

Кузина Ольга Андреевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат филологических наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: mojpisma@yandex.ru

Kuzina Olga Andreevna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University Sevastopol Branch, Candidate of Philology (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Кузина О.А. Мифо-идеологическая репрезентация событий в прессе во время информационной войны // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 188–201.

For citation:

Kuzina O.A. Mytho-ideological Representation of Events in the Press During the Information War // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 188–201.

АВТОРЫ / AUTHORS

Алентьева Татьяна Викторовна

Профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

Alentieva Tatyana Viktorovna

Professor, Department of World History, Kursk State University, Doctor of History, Professor (Kursk, Russia).

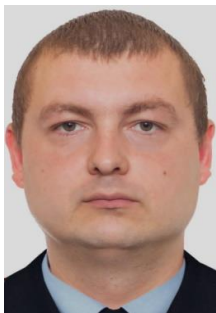

Баранов Андрей Владимирович

заведующий кафедрой политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

Baranov Andrey Vladimirovich

Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of History, Professor (Krasnodar, Russia).

Бодриков Алексей Борисович

преподаватель, АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», кандидат филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

Bodrikov Alexey Borisovich

Lecturer, Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University, Candidate of Philology (St. Petersburg, Russia).

Буровский Андрей Михайлович

генеральный директор ООО «Книги и фильмы Андрея Буровского», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Burovsky Andrey Mikhailovich

General Director of ООО Books and Films by Andrey Burovsky, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).

Кiryухина Елена Михайловна

профессор кафедры "История, философия и социология" биоэкологического факультета ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный агротехнологический университет", доктор культурологии, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Kiryukhina Elena Mikhailovna

Professor, Department "History, Philosophy and Sociology", Faculty of Bioecology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Doctor of Culturology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Кiryухин Дмитрий Вячеславович

доцент кафедры "Иностранные языки" зооинженерного факультета ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный агротехнологический университет", кандидат исторических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Kiryukhin Dmitry Vyacheslavovich

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Candidate of Historical Sciences (Nizhny Novgorod, Russia).

Kuzina Olga Andreevna

старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат филологических наук (г. Севастополь, Россия).

Kuzina Olga Andreevna

Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philology (Sevastopol, Russia).

Osmushina Anastasia Andreevna

Доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «НИ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», кандидат философских наук (г. Саранск, Россия).

Osmushina Anastasia Andreevna

Associate Professor, Department of the English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Candidate of Philosophy (Saransk, Russia).

Pivoev Vasily Mikhailovich

профессор кафедры общеправовых и гуманитарных дисциплин Северного института (филиала) ФГБОУ «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)» в г. Петрозаводске, доктор философских наук, профессор (г. Петрозаводск, Россия).

Pivoev Vasily Mikhailovich

Professor, Department of General Legal and Humanitarian Disciplines of the Northern Institute (Petrozavodsk Branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Justice Ministry of Russia), Doctor of Philosophy, Professor (Petrozavodsk, Russia).

Pimenova Marina Vladimirovna

ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского», профессор, доктор филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

Pimenova Marina Vladimirovna

Rector, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Professor, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russia).

Скуридин Олег Александрович

научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», кандидат культурологии (г. Севастополь, Россия).

Skuridin Oleg Alexandrovich

Researcher, State Museum-Reserve "Chersonesos Taurica", Candidate of Culturology (Sevastopol, Russia).

Смирнов Василий Андреевич

доцент кафедры теории, истории и философии культуры ФГБОУВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Smirnov Vasilij Andreevich

Associate Professor, Head of the Department of Theory, History and Philosophy of Culture of Yaroslav the Wise Novgorod State University, Candidate of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Филимонова Мария Александровна

ведущий научный сотрудник Центра изучения США ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

Filimonova Maria Alexandrovna

Leading Researcher, Center for the Study of the United States, Kursk State University, Doctor of History (Kursk, Russia).

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ

Статья должна быть написана на русском или английском языке в соответствии с требованиями (см. ниже). Файл в формате doc, docx с текстом.

Оригинальность текста должна быть не менее 80% по системе Антиплагиат.

Помимо статьи от новых авторов журнала необходима **цветная фотография автора(ов)** (в формате jpg, jpeg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Рекомендуемая структура статьи

Текст статьи должен быть разбит на части, подзаголовки должны быть подписаны (шрифт жирный, курсив, выравнивание по левому краю с абзацным отступом): Аннотация (Abstract). Ключевые слова (Keywords). Введение (Introduction). Методы (Methods). Литературный обзор (Literature Review). Результаты и обсуждение (Results and Discussions). Заключение (Conclusions). Литература (Literature).

Уточняем каждый аспект.

Аннотация – оптимальный объём 100-150 слов. Шрифт 12 Times New Roman. Аннотация должна включать в себя информацию об актуальности и цели исследования, методологии и результатах, но не повторять дословно выводы. Аннотация не должна содержать ссылки и аббревиатуры. Заголовок «**Аннотация**» пишется жирным шрифтом, без абзацного отступа. Точка не ставится.

Ключевые слова: 5-8 слов. Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. После последнего слова точка не ставится. Заголовок «**Ключевые слова**» пишется жирным шрифтом, курсивом, без абзацного отступа, после заголовка ставится двоеточие. После последнего слова точка не ставится.

Аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках.

Введение определяет суть проблемы, включает краткое описание актуальности, цели и перспективы исследования, а также позицию автора по заявленной теме.

В **Литературном обзоре** даётся анализ (обзор) использованной литературы и материала для обоснования теоретической базы исследования. В нём должны быть названы основные работы предшественников, положенные в основу исследования, показаны общие тенденции исследования темы и уточнены пробелы в исследованиях, которые статья разъясняет.

В **Методах** должна быть названа и желательно описана методология, которая применялась автором для достижения результатов.

В **Результатах и обсуждении** раскрывается основная часть статьи, общие положения и новизна исследования, которые проявляются в идеях, к которым пришёл автор в результате исследования, а также показано сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями и определяется место полученных результатов в структуре научного знания.

Заключение (Выводы) должны быть сжатым описанием основной части статьи, включая изложение основного смысла выводов относительно поставленной цели, научную ценность исследования и возможные сферы применения.

В списке **Литературы** предлагается поместить около 15-20 работ. Сначала отечественные, затем – иностранные. Из них предпочтение отдается изданиям, рецензируемым в Scopus и WoS. Для них обязательно включать DOI. В том числе 2-3 работы, опубликованные за последние 3-5 лет.

Подчёркиваем, что все данные требования носят рекомендательный характер, но крайне желательны.

Особая просьба для авторов: **в статье обязательно должны быть цитаты и ссылки на тексты предыдущих журналов «Мифологос» и сборников конференции «Миф в истории, политике, культуре».**

Выдвигая данное требование, организаторы исходят из того, чтобы авторы сборника и участники конференции знакомились с работами тех исследователей, которые занимаются изучением близкой им тематики.

Помимо этого, считается важным **начать или закончить статью таким теоретическим обобщением, которое касается ключевых вопросов мифа и мифотворчества, их онтологических, эпистемологических и аксиологических начал.**

Требования к оформлению текста статьи

Объём текста статьи от 0,5 до 1 усл. печ. л. (20-40 тыс. знаков), шрифт Times New Roman, кегль **13**, интервал одинарный. Поля со всех сторон 2 см. Абзац: 1,25 см.

Элементы оформления статьи: УДК, DOI: (слева без отступов), пустая строка, **ЗАГОЛОВОК** (заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру), пустая строка, фамилия, имя, отчество автора (жирный шрифт), место работы, в скобках – город, страна. Пустая строка. Аннотация и ключевые слова (шрифт 12) на русском и английском языках, пустая строка. Основной текст (13 шрифт с отступом), пустая строка, Литература (жирный шрифт, по центру без отступов), пустая строка. После указанных данных точка не ставится.

Уточним детали.

В левом верхнем углу (**без отступа**) построчно указываются: УДК (нежирным шрифтом) и DOI (без указания номера), в центре жирным шрифтом, заглавными буквами – НАЗВАНИЕ, через строку – фамилия, имя, отчество автора, ниже – (нежирным шрифтом, прямая строка) название научного учреждения. Город, страна даются в скобках.

Аннотация +ключевые слова.

Затем все эти данные на английском языке.

Страницы не нумеруются.

После текста статьи и списка литературы пишутся полные данные автора. ФИО полностью (жирным курсивом, с отступом).

С новой строки: должность с местом работы (в случае, если участник не работает в научной сфере или не имеет научной степени, пишется «исследователь»), научная степень, ученое звание, в скобках: город проживания и страна. С отдельной строки – e-mail

Название научного учреждения пишется полностью в соответствии с официальным названием.

Пример оформления статьи:

УДК 94(47)

DOI:

МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Иванов Иван Иванович

Ивановский государственный университет имени Ивана Иванова
(г. Иваново, Россия)

Аннотация

Текст.

Ключевые слова: слова; слова

MYTHS ABOUT IVAN THE TERRIBLE

Ivanov Ivan Ivanovich

Ivanov Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

Abstract

Key words:

Введение

Текст статьи....

Литература

Список литературы (с отступом и без нумерации)

Список литературы под заголовком «Литература» приводится в конце текста. **Источники в списке приводятся по алфавиту**, список оформляется по приводимому ниже примеру. **Нумерация списка литературы не делается.** Количество страниц в упомянутой литературе обязательно. Место (город) издания пишется полностью.

Кьеркегор С., Мэй Р. Очищение страхом или Экзистенция свободы. Москва: Литрес, 2022. 260 с.

Зайченко С.С. Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 69–72.

Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3090> (дата обращения: 07.07.2021).

Ссылки на список литературы в тексте отмечаются в квадратных скобках с указанием страницы, на которую делается ссылка (при необходимости): [Найдыш 2021: 364], где сначала пишется фамилия автора, потом год издания статьи или монографии, а затем после двоеточия количество страниц. В случае, если у цитируемого автора используется две и более работ одного года издания, пишется [Ставицкий, 2012а] или [Ставицкий 2012б: 315], и т.д.

После Литературы обязателен *Literature*, т.е. перевод литературы на английский язык.

Английские слова (существительные, глаголы, прилагательные) в названии должны начинаться с заглавной буквы.

После издательства должно идти уточнение Publ.

Количество страниц в статьях обозначается Pp.

После отечественных работ должно быть добавлено (In Russian).

В целом текст должен выглядеть так: *Stavitskiy A.V.* Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ. 2012. 543 p. (In Russian).

Варианты оформления литературы

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд.. Москва: Республика, 1994. 527 с.

Антология мировой философии: В 4 т. Москва: Мысль, 1969. Т. 1. 576 с.

Иванов В. Ницше и Дионис // Иванов В. Родное и вселенское. Москва: Республика, 1994. С. 26–34.

Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира: энц. в 2 т., Т.1. С. 652–662.

Разлогов К. Контексты культуры. Образы Америки? // Искусство кино. 2006. №10. С. 12–14.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Лекция Георгия Гачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 21.02.2018).

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

Особая просьба авторам:

1) Обратите внимание на тире в тексте и при разделении страниц в списке литературы. Тире (–) не должно подменяться дефисом (-).

2) Проверьте все интервалы между слов, чтобы не было двойных и более.

3) **Пожалуйста, вычитайте свой текст и проверьте соблюдение правил, т.к. редакция текстов, которые не вычитаны авторами, забирает много времени при проверке и отодвигает сроки выпуска сборника и журналов.**

Помните, что организаторы не только несут затраты на рецензирование статей, редакторские услуги, предоставление журналу ISSN и статьям международного индекса DOI, размещение статей в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru. и в других базах данных, рассылку электронной версии сборника трудов в библиотеки РФ и других стран, но и тратят огромное время на проверку, рецензирование, вычитку и редактирование присланных вами текстов.

В связи с этим просим помочь редактору точным соблюдением всех указанных требований и вычитать текст своей статьи насколько это возможно.

Научное интернет-издание

МИФОЛОГОС.

Серия «Миф и общество: история, политика, социология»

№ 4 (8), 2023. 210 с.

MYTHOLOGOS.

Myth and Society: History, Politics, Sociology Series.

№ 4 (8), 2023. 210 p.

На обложке журнала использован фрагмент картины
Василия Верещагина «Апофеоз войны»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

А.В. Ставицкий

Технический редактор:

А.В. Юдина

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе**

Подписано к публикации 20.05.2022 г.

Формат 70 x 108 1/8

Объем 28 п.л., уч. изд. л. 25,8.

Распространяется через сеть Интернет

